This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

A 1217

А. Е. ЗАРИНЪ.

ZARIN,

I.

ЛОЖНЫЙ СЛѢДЪ.

РОМАНЪ.

„LOZHNYI SLIED"

II.

БЛАГОРОДНЫЙ СПОРТЪ.

РАЗСКАЗЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книжнаго склада «Родины».
1896.

WID-LC
PG
3470
.Z3
L6
X

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 31-го августа 1896 г.

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
NOV 04 1982

MRHP

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
JUL 23 1991

Типогр. журн. «Родина», А. А. Каспари, Лиговская ул., собств. д., № 11.

ЛОЖНЫЙ СЛѢДЪ.

Романъ въ **ДВУХЪ** частяхъ.

ЧАСТЬ I.

I.

Проня послѣ вечерняго чая захотѣла гулять. Собственно, ей хотѣлось подольше побыть съ Гроховымъ и наговориться съ нимъ до-сыта.

— Ты не жди меня, мамочка, ложись спать!—сказала она, торопливо застегивая у ворота легкую накидку.

Авдотья Павловна, полная, еще молодая брюнетка, добродушно улыбнулась въ отвѣтъ и обратилась къ Грохову:

— Васъ-то я увижу еще разъ?

— Обязательно! завтра приду и уже отъ васъ поѣду,— отвѣтилъ онъ, крѣпко цѣлуя ея руку.

Проня уже скользнула за двери.

— Вы ее, смотрите, съ собой не увезите, — пошутила Авдотья Павловна.

— Зачѣмъ мнѣ увозить ее, когда вы ее мнѣ сами привезете,—отвѣтилъ ей въ тонъ Гроховъ.

— Ждите!—засмѣялась Авдотья Павловна, но Гроховъ ужъ былъ за дверью.

Проня торопливо взяла его подъ руку. Они прошли крошечный дворикъ и черезъ калитку вышли на пустынную улицу.

Голубоватая мгла душной іюльской ночи охватила ихъ со всѣхъ сторонъ. Теплый вѣтеръ пахнулъ имъ въ лицо. Впереди мелькали рѣдкіе огоньки, надъ ними раскинулось синее звѣздное небо, а кругомъ ихъ была темная душная ночь со всею прелестью своей таинственной тишины. Только издалека, съ главныхъ улицъ, чуть слышно доносилось дребезжаніе дрожекъ.

— Хорошо,—прошептала Проня, глубоко вздохнувъ.

Гроховъ крѣпче прижалъ ея руку.

— Куда пойдемъ?

— По дорогѣ къ лѣсу!

Рощины жили на краю города. Почти тотчасъ отъ нихъ начиналась удивительная липовая аллея, краса города, которая вела къ сосновому лѣсу. Онъ стоялъ на крутомъ обрывѣ, надъ быстрой рѣкой. Когда-то въ его чащѣ стоялъ великолѣпный дворецъ польскаго магната; къ нему-то и была проведена эта чудная аллея. Но магнатъ давно умеръ, дворецъ обратился въ груду развалинъ, и сохранилась только ароматная липовая аллея. Густыя верхушки роскошныхъ деревьевъ тихо перешептывались между собою при легкомъ ночномъ вѣтеркѣ и, можетъ быть, разсказывали другъ другу о прежней богатой жизни умершаго богача, но Прони и Грохову некогда было слушать ихъ шепотъ. Они жадно слушали другъ друга, а въ минуты молчанія всецѣло отдавались сладкому чувству первой взаимной любви.

Въ прошломъ году они оба окончили гимназіи, въ прошломъ-же году они повѣрили Авдотьѣ Павловнѣ свою тайну и ждали только благопріятныхъ условій, чтобы стать мужемъ и женою.

Ихъ планы были просты и ясны. Проня начала давать уроки и копить деньги. Авдотья Павловна, акушерка, увеличила практику и сократила расходы, а Гроховъ занялъ мѣсто секретаря у богача Гинтовта. Черезъ два года онъ уѣдетъ въ Петербургъ, въ университетъ, а Рощины — за

нимъ. Они будутъ давать уроки, станутъ держать меблированныя комнаты, столовую для студентовъ, библіотеку, словомъ, они схватятся съ жизнью, какъ настоящіе борцы, и, понятно, выйдутъ побѣдителями. Ихъ молодыя силы, одушевленныя любовью, сломятъ всѣ преграды!

Какихъ пылкихъ мечтаній ни слыхали стѣны маленькой гостинной Рощиной! На развернутомъ ломберномъ столѣ кипѣлъ самоваръ; привѣтливо, мягкимъ свѣтомъ, горѣла лампа; дружной семьею сидѣли они трое вокругъ стола, и Гроховъ, какъ дважды два—четыре, доказывалъ несомнѣнность ихъ жизненной побѣды.

Его пылкою рѣчью увлекалась даже Авдотья Павловна, а Проня заливалась веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ и въ радости хлопала въ ладоши.

И вдругъ, не прошло еще года, и Гроховъ вчера разбранился съ Гинтовтомъ, бросилъ свое мѣсто, а завтра ѣдетъ въ Петербургъ уже не учиться, а искать мѣсто. Весь планъ разстроился, но цѣль осталась та-же. Чего-же горевать?

— Ты уѣдешь,—съ тоскою сказала Проня.

— Къ Рождеству ты пріѣдешь ко мнѣ, — отвѣтилъ Гроховъ.

— Полгода!

— Люди ждутъ своего счастья десятки лѣтъ.

Темноту липовой аллеи перерѣзала широкая полоса холоднаго электрическаго свѣта. Это былъ недавно открытый загородный садъ «Моя радость» съ акробатами, музыкой и шансонетками. Широкій подъѣздъ былъ разукрашенъ разноцвѣтными шкаликами; къ нему то и дѣло подъѣзжали экипажи; два городовыхъ и околоточный мѣрно ходили по площадкѣ; кассиры высовывались изъ своихъ будочекъ, а билетеры суетливо хлопотали, протягивая каждому входящему красные листы афишъ.

— Пройдемъ скорѣе!—шепнула Проня.

Они ускорили шагъ и быстро перешли ярко освѣщенную

ную площадку. Какой-то юноша въ цилиндрѣ, съ помятымъ лицомъ, нагло заглянулъ въ глаза Прони, отчего она съежилась и пугливо прижалась къ плечу Грохова.

Непроглядная тьма окружила ихъ, едва они миновали площадку; Гроховъ поднялъ руку Прони и прижалъ къ своимъ губамъ.

— И знаешь,—заговорилъ онъ:—я доволенъ, въ концѣ-концовъ. Отъ Гинтовта я не могъ ничего скопить (развѣ наградилъ-бы); время шло и терялось безплодно. А теперь? теперь все сокращается на годъ, на цѣлый годъ! Скворцовъ обѣщался похлопотать. Онъ не такой человѣкъ, на него положиться можно. Я стану получать 50, 75 рублей; къ Рождеству пріѣдешь ты съ мамой—и все пойдетъ, какъ по писанному. На годъ раньше! А потомъ: и тяготила меня служба у этого мерзавца!.. я-же тебѣ не разъ говорилъ.

— Изъ-за чего ты поссорился?

— Не спрашивай, я все-равно не скажу, — отвѣтилъ онъ, и Проня почувствовала, какъ нервно сжалась его рука.

Вдругъ, онъ засмѣялся.

— Ахъ, Проня! — если-бы ты видѣла, какая у него была смѣшная рожа! какъ онъ струсилъ. Онъ, дѣйствительно, обозлилъ меня, и я ему крикнулъ: «убью, какъ пса», или что-то въ этомъ родѣ. Какъ онъ отпрыгнетъ, толстый, жирный!.. спрятался за столъ и сталъ звать лакея. Я плюнулъ и ушелъ.

— Ты не видался съ нимъ больше?

— Зачѣмъ? вчера онъ прислалъ мнѣ, «по благородному», за три мѣсяца жалованье; я взялъ за одинъ, остальное послалъ обратно. Зачѣмъ намъ видѣться?

— Какъ Вишнякова обидится! вѣдь, она рекомендовала.

— А шутъ съ ней! Она все-равно продаетъ ему свою дочь.

— Зачѣмъ ты говоришь такъ?! Гадко!...

— Навидался я у этого Гинтовта... и наслушался.

Они подошли къ лѣсу. На нихъ пахнуло сыростью.

— Пойдемъ назадъ, — сказала Проня.

Они повернули. До нихъ доносилось пѣніе изъ сада:

Ми-ла-я, ты услышь ме-ня,
Подъ окномъ сто-ю я съ гита-рою! —

распѣвалъ чей-то высокій теноръ. Гроховъ остановился. Эта душная, темная ночь и раздражающее пѣніе внезапно словно опьянили его. Онъ охватилъ руками Проню и сталъ цѣловать, ища въ темнотѣ ея губы.

— Ми-ла-я, — шепталъ онъ, невольно попадая въ ритмъ пѣнія.

Проня замерла и вся отдалась его ласкамъ.

— И люблю-же я; Господи, какъ люблю! — воскликнулъ Гроховъ, снова беря подъ свою руку руку Прони.

Она прижалась къ нему и сжала его локоть.

Они тихо подходили къ освѣщенной площадкѣ.

Музыка, ароматная ночь и любовь, наполнявшая ихъ сердца, кружили имъ головы.

Вдругъ, у самой площадки, Гроховъ отшатнулся и увлекъ Проню въ темноту аллеи.

— Онъ! — шепнулъ Гроховъ.

— Кто?

— Гинтовтъ!

Изъ пролетки, лихо подкатившей къ подъѣзду, медленно вылѣзъ полный, высокій мужчина въ изящномъ пальто и свѣтломъ цилиндрѣ. Полное, самодовольное лицо его было румяно и бѣло; маленькіе глаза нагло смотрѣли по сторонамъ, а мясистые губы и подбородокъ придавали лицу его что-то животное.

Онъ медленно, въ перевалку пошелъ къ подъѣзду; билетеры съ заискивающей улыбкой бросились къ нему. Въ это время къ подъѣзду подошла дама въ ухарски надѣтой на бекрень шляпѣ.

Гинтовтъ съ грубымъ смѣхомъ обхватилъ ее за талію и скрылся съ нею въ подъѣздѣ.

— Каналья!.. — прошепталъ Гроховъ.

— Чего ты ругаешься? — улыбнулась Проня.

Ей нравилось всегда негодованіе Грохова, потому что въ немъ слышалось возмущеніе благороднаго сердца.

— Все-же я радъ, Проня, — повторилъ Гроховъ, когда они миновали площадку: — что все такъ кончилось. Все къ лучшему, моя дорогая!

— Но ты уѣдешь, — повторила и Проня.

— Глупости! что значатъ полгода! а зато...

И Гроховъ началъ мечтать вслухъ. Слушая его горячія рѣчи, нельзя было не повѣрить въ возможность осуществленія этихъ грезъ. Развѣ неправда, что они сильны и молоды, что они любятъ другъ друга? развѣ они не знали нужды, лишеній, чтобы испугаться ихъ?..

Проня слушала его, затаивъ дыханье, и все крѣпче и крѣпче прижималась къ его плечу. О, съ нимъ она дѣйствительно узнаетъ счастье! подлѣ него ей не будетъ страшно!..

Они подошли къ дому. Въ домѣ уже всѣ спали, и пять окошекъ квартиры Рощиныхъ холодно бѣлѣли своими занавѣсками въ темнотѣ ночи.

— Прощай, милый, — сказала Проня: — ты придешь завтра?

Гроховъ обнялъ ее и сталъ цѣловать безъ счету.

— Приду, приду, приду! — говорилъ онъ при каждомъ поцѣлуѣ.

— Пусти! — вырвалась, наконецъ, отъ него Проня: — когда-же?

— Напишу письма, уложусь и — къ тебѣ! Вѣроятно, къ обѣду.

— Когда поѣздъ?

— Въ одиннадцать ночи.

— Я пойду провожать тебя. До свиданья, милый!

— Прощай, ласточка! Я подожду тебя!—крикнулъ онъ вслѣдъ Пронѣ.

Она ушла, а онъ остался на улицѣ.

Крайнее окошко тихо растворилось. Гроховъ осторожно подошелъ къ нему.

— Мама спитъ уже,—прошептала Проня.

Гроховъ обнялъ ее. Ему трудно было разстаться съ нею, и, когда онъ, наконецъ, оторвался отъ нея и пошелъ отъ дома, то нѣсколько разъ оглядывался и улыбался въ темнотѣ ночи, думая, что его видитъ дорогая Проня. Она стояла передъ нимъ, какъ живая: высокая ростомъ съ прямымъ носомъ, смѣлыми глазами и густыми, темными бровями надъ ними; ея губы улыбались ему, ея руки протягивались къ нему, и онъ невольно улыбался своему видѣнію.

«Милая, ты услышь меня»,—пѣло въ его душѣ, пѣло вокругъ въ темнотѣ ночи, которая и дразнила, и нѣжила его, и заставляла неотступно думать о своемъ счастьѣ, о Пронѣ.

II.

Проня, простившись съ Гроховымъ, не могла заснуть сразу. Передъ нею вдругъ словно открылась новая жизнь. Сперва она будетъ безъ него, одна. Это ей казалось какъ-то странно, потомъ переѣздъ въ Петербургъ, и потомъ... Краска заливала ея лицо, и она боялась мечтать дальше... О, они будутъ счастливы! Въ сотый разъ она вспоминала всѣ мелочи ихъ первой встрѣчи, знакомства, любви и цѣлыхъ два года полнаго, безпредѣльнаго счастья.

Юный, стройный и гибкій, какъ лоза, съ большими сѣрыми глазами и какою-то дѣвственной чистотою лица, онъ явился въ первый разъ передъ нею въ черной гимназической курткѣ. Какъ забавна, но какъ хороша была эта первая ребяческая любовь, перешедшая потомъ въ такое сильное чувство!

Дни бѣжали за днями, и, вдругъ, ея мальчикъ [illegible]

тился въ настоящаго мужчину. Грудь и плечи развились и окрѣпли, лицо приняло мужественное, серьезное выраженіе, и бѣлокурая, нѣжная бородка, опушившая его подбородокъ, сдѣлала его сразу взрослымъ.

Она лежала, раскрывъ глаза, и, смотря въ темноту ночи, едва успѣвала слѣдить за мыслями, безпрерывной лентой пробѣгающими въ ея головѣ.

— Ты счастлива, Проня? — вдругъ услышала она ласковый голосъ матери.

— О, да, мама! — тихо отвѣтила Проня.

Авдотья Павловна вздохнула и подумала, что такое счастье дается только разъ въ жизни.

И она была счастлива, а потомъ? ея мужъ умеръ внезапно, оставивъ ее съ крошечной Проней безъ всякихъ средствъ къ жизни. Она бросилась учиться. Это была тяжелая жизнь: береги дочь, добывай деньги и учись, учись!.. потомъ она переѣхала въ этотъ городъ, и тутъ началась тяжелая, трудовая жизнь. Сколько пришлось испытать ей нужды и горя, прежде чѣмъ она добилась приличной практики.

Да, счастье дается только разъ въ жизни, да и то — надолго-ли?..

Гроховъ шелъ, не разбирая дороги; онъ вышелъ въ городъ, пересѣкъ его и перешелъ на другую его окраину, къ горамъ.

Въ городѣ всѣ спали; ночная тишина царила въ улицахъ, и ее изрѣдка нарушали только крикъ пьяницы, дребезжанье дрожекъ или пронзительный свистокъ городового.

Гроховъ шелъ, весь отдавшись обаянію чудной ночи и своей молодой любви. Мало-по-малу мысли его приняли опредѣленное направленіе. Онъ сталъ думать о томъ, что ожидаетъ его въ неизвѣстномъ Петербургѣ, какъ онъ устроится, какъ встрѣтитъ ее, Проню, и какъ устроятъ они свою новую жизнь.

Вдругъ, онъ вздрогнулъ и невольно, злобно, сжалъ свои кулаки. Ему припомнилась послѣдняя сцена съ Гинтовтомъ.

Сигизмундъ Феликсовичъ Гинтовтъ былъ когда-то гусаромъ; съ небольшимъ капиталомъ, въ чинѣ ротмистра, онъ вышелъ въ отставку и занялся «аферами»; онъ, попросту, отдавалъ деньги въ ростъ, не стѣсняясь даже цѣнными вещами, которыя бралъ подъ залогъ. Въ десять, двѣнадцать лѣтъ, онъ нажилъ себѣ крупное состояніе.

Гроховъ увидѣлъ его у Вишняковыхъ, гдѣ этотъ Гинтовтъ ухаживалъ за ихъ дочерью. Грохову противно было глядѣть на это ухаживанье. Наглый, старый, сластолюбивый Гинтовтъ не скрывалъ своихъ чувствъ, несмотря на все отвращеніе къ нему Татьяны. Сама Вишнякова ухаживала за нимъ, и Гроховъ ясно понималъ поведеніе Гинтовта.

Когда онъ окончилъ гимназію и искалъ мѣста, Вишнякова рекомендовала его Гинтовту, и тотъ взялъ его въ качествѣ секретаря за 50 руб. въ мѣсяцъ. Онъ взялъ его скорѣе, какъ собесѣдника, и съ наслажденіемъ развращалъ душу юноши своими циничными разговорами.

Гроховъ терпѣлъ, негодуя. Гинтовтъ часто говорилъ ему о прелестяхъ Татьяны и, плотоядно хихикая, повторялъ:

— Не увернуться! Серафимочка вся у меня въ рукахъ! Вотъ! — онъ показывалъ сжатый кулакъ.

Серафимочкой онъ называлъ мать Татьяны, Серафиму Герасимовну. Гроховъ вздрагивалъ въ отвращеніи и предпочиталъ лучше писать подъ его диктовку «собраніе сальныхъ разсказовъ и анекдотовъ», чѣмъ слушать его бесѣды.

И вотъ, на-дняхъ, Гинтовтъ рѣшился въ своихъ разговорахъ коснуться Прони.

— Прехорошенькая дѣвченка, — сказалъ онъ про нее, вспоминая вечеръ, проведенный у Вишняковыхъ.

Гроховъ вздрогнулъ.

— Я, знаете, люблю такихъ, — продолжалъ, плотоядно улыбаясь, Гинтовтъ: — стройная, гордая! неприступная! И вотъ она начинаетъ понемногу сдаваться. Сперва въ глазахъ ея молніи, потомъ недовѣріе, любопытство, а тамъ вспыхнетъ огонекъ, а тамъ... о-о!—Гинтовтъ откинулся въ креслѣ и закрылъ глаза:—я, знаете, люблю эту дѣвственную цѣломудренность. Теперь она рѣдкость.

— Сигизмундъ Феликсовичъ, я попрошу васъ замолчать, — дрожащимъ отъ волненія голосомъ остановилъ его Гроховъ.

Гинтовтъ въ изумленіи раскрылъ глаза.

— Это почему?

— Потому... потому, что она—моя невѣста! — отвѣтилъ онъ.

Гинтовтъ хлопнулъ рукой по колѣнкѣ и захохоталъ.

— О-го-го! губа-то не дура! ай да юнецъ!

— Я васъ прошу...

— Ну, бросьте, бросьте!—ласково сказалъ Гинтовтъ и, насмѣшливо прищуриваясь, продолжалъ: — славненькая, а? я думаю, когда цѣлуетъ...

— Замолчите!—заоралъ Гроховъ, вскакивая съ мѣста.

Гинтовтъ отшатнулся и засмѣялся еще наглѣе.

— Ревнуете? бросьте, птенецъ, это не въ модѣ! Всеравно ее потомъ купятъ. Вопросъ: кто первый!..

— Подлецъ! — крикнулъ Гроховъ.

Гинтовтъ не унимался.

— Уступите мнѣ мѣсто: озолочу!

Гроховъ не выдержалъ и съ бѣшенствомъ бросился на Гинтовта. Тотъ успѣлъ забѣжать за письменный столъ.

— Убью, какъ собаку! — прохрипѣлъ Гроховъ, наступая.

— Василій!—закричалъ перепуганный Гинтовтъ.

Въ кабинетъ вбѣжалъ рослый лакей.

Гроховъ очнулся.

— Подлецъ! — повторилъ онъ въ лицо Гиптовту и, хлопнувъ дверью, вышелъ изъ кабинета.

Теперь, вспоминая эту сцену, Гроховъ не могъ удержать своего негодованія. Онъ чувствовалъ, какъ кровь прилила къ его головѣ, и невольно злобно сжалъ кулаки.

— Баринъ, дай на ночлегъ! — прохрипѣлъ подлѣ него пьяный голосъ.

Гроховъ молча продолжалъ путь. Грубая рука схватила его за плечо.

— Баринъ, слышь! давай скорѣе! сколько хочешь, не неволю; слышь! потому какъ я — блудный сынъ, — хрипѣлъ пьяный голосъ, а рука давила плечо Грохову.

Онъ размахнулся и ударилъ наотмашь. Рука его сильно ударилась о что-то твердое. Онъ услышалъ стонъ, ругательство и, освободивъ свое плечо, быстро перешелъ на другую сторону улицы и пошелъ домой.

Эта встрѣча отрезвила его. Онъ тихо поднялся въ мезонинъ деревяннаго флигеля, гдѣ у сапожника Сухорукова снималъ комнату, и вошелъ къ себѣ.

Засвѣтивъ свѣчку, онъ хотѣлъ было писать письма, но настроеніе его было испорчено. Онъ ничего не могъ дѣлать и сталъ медленно раздѣваться. Снимая коломенковый пиджакъ, онъ увидѣлъ на правомъ рукавѣ широкую кровавую полосу. Онъ съ отвращеніемъ сбросилъ съ себя пиджакъ. На рукавѣ рубашки было тоже нѣсколько кровяныхъ пятенъ.

«Вѣрно, по носу угодилъ»,—съ гадливостью подумалъ Гроховъ, сбрасывая съ себя и рубашку. Черезъ нѣсколько минутъ онъ лежалъ уже въ постели и крѣпко спалъ, не предчувствуя страшной бѣды, которая нависла надъ нимъ.

III.

Феногенъ Лопатый, кухонный мужикъ Бѣгишева, не только успѣлъ исполнить всѣ данныя ему порученія, но даже напиться пьянымъ. Ни свѣтъ, ни заря онъ торопи-

ливо впрегъ лошадь въ телѣгу, ввалился въ нее и погналъ въ усадьбу.

Утренній свѣжій вѣтерокъ разобралъ его голову, еще тяжелую отъ вчерашняго пьянства, и онъ крѣпко задремалъ, стукаясь головою о борты телѣги.

— Вотъ барское житье, эхъ-ма!—бормоталъ онъ въ просонкахъ:—ѣшь, пей, жизть тебѣ масляная. Теперь захотѣлъ Ляксѣй Миколаичъ праздникъ дѣлать,—сичасъ вотъ тебѣ письмо въ хруктовую. Тутъ тебѣ всякой-всячины навалили. Теперь опять письма раздай; примѣрно, господину Адову, Вишнякову, г-ну Морозову, и сейчасъ всѣ они тебѣ на чаекъ, на водку, на угощеніе! Господи, четыре рубля! Теперь съ Федоромъ штофъ, съ Антипомъ пару пива, съ Матреной, — щутъ ее дери!.. И Феногенъ Лопатый въ полудремѣ продолжалъ-бы разсуждать всю дорогу вплоть до усадьбы Бѣгишева, если-бы не почудилось ему, что съ лошадью творится что-то неладное. Телѣга круто завернула въ бокъ, толкнулась, прыгнула и стала откатываться.

Феногенъ очнулся и выпрямился. Лошадь, свернувшая къ канавѣ вдоль липивой аллеи, чтобы пощипать траву, вдругъ насторожила уши, взъежила гриву и стала пугливо пятиться, сбивая въ сторону телѣгу.

— Тпрру! дьяволъ, лѣшій! — принялся ругаться Феногенъ, понукая лошадь, но дѣло уже зашло слишкомъ далеко.

Передняя ось вся подбилась подъ телѣгу, и надо было вывести лошадь на дорогу подъ уздцы.

— Эхъ, чтобъ тебя! — выругался Феногенъ, лѣниво вылѣзая изъ телѣги и подходя къ лошади.

Но едва онъ подошелъ къ лошадиной мордѣ, какъ весь хмель выскочилъ у него изъ головы, и онъ заоралъ чуть не благимъ-матомъ:

— Батюшки-свѣты, караулъ!

Кругомъ была мертвая тишина, и никто не отозвался

на его зовъ. Бросивъ лошадь и телѣгу, онъ, какъ безумный, бросился по аллеѣ, не переставая кричать во все горло. Добѣжавъ до подъѣзда заведенія «Моя радость», онъ сталъ неистово барабанить въ дверь.

На его стукъ дверь пріотворилась, и изъ нея выглянуло заспанное бритое лицо лакея.

— Какого черта? — прохрипѣлъ сиплый голосъ.

— Тамъ, батюшка, помоги! за-рѣ-зан-ный! — захлебываясь, отвѣтилъ Феногенъ, махая руками.

За бритымъ лицомъ высунулось другое, потомъ третье. Феногенъ бросился назадъ къ лошади; за нимъ побѣжали лакеи; тревожная вѣсть проникла въ отдѣльные кабинеты увеселительнаго заведенія, и засидѣвшіеся гости съ радостью встрепенулись отъ одолѣвшей ихъ сонливости. По аллеѣ, къ Феногеновой телѣгѣ, другъ за другомъ бѣжали, словно въ перегонку, люди и, останавливаясь у канавы, въ ужасѣ толпились и съ содроганіемъ заглядывали впередъ.

— За приставомъ! — крикнулъ хозяинъ заведенія.

Бритый лакей, съ татарской рожей, толкнулъ Феногена въ телѣгу, схватилъ вожжи, загикалъ и стремглавъ полетѣлъ въ городъ, за приставомъ.

— За докторомъ, за слѣдователемъ, прото-колъ! — вскрикивалъ хозяинъ заведенія.

— Ну, чего вы орете, вѣдь поѣхали, — замѣтилъ хриплымъ голосомъ буфетчикъ.

— Когда убійство! — оправдался хозяинъ.

Всѣ тянулись посмотрѣть на убитаго.

— Господа! — вскрикнулъ одинъ изъ засидѣвшихся гостей, — да, вѣдь, это Гинтовтъ!

— Сигизмундъ Феликсовичъ? и то! — вскрикнулъ другой гость.

— Совершенно вѣрно, господинъ Гинтовтъ! — почтительно отозвался одинъ изъ лакеевъ.

— Богатый человѣкъ! — вздохнулъ буфетчикъ, словно онъ предсказывалъ ему такую гибель отъ его богатства.

Всѣ пугливо толпились и другъ за другомъ заглядывали въ канаву, по скату которой лежало тѣло Гинтовта.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него валялись палка и свѣтлый цилиндръ, очевидно, сброшенный силою удара. Гинтовтъ лежалъ во весь свой крупный ростъ, навзничь, весь по поясъ смоченный кровью. У него былъ проломленъ високъ и выбитъ глазъ, и лицо имѣло такое дикое выраженіе ужаса, что заглядывавшіе на него невольно пятились въ страхѣ назадъ. Однако, всѣ успѣли подглядѣть и драгоцѣнный перстень на его рукѣ, и толстую золотую цѣпь на жилетѣ. Очевидно, онъ былъ убитъ не съ цѣлью грабежа. Въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія.

Хозяинъ, буфетчикъ, гости и лакеи—всѣ сбились въ одну группу и стали съ горячностью возстановлять въ памяти всѣ подробности вчерашняго посѣщенія Гинтовтомъ увеселительнаго заведенія.

— Онъ пришелъ вчера, чуть не въ одиннадцать часовъ, — сказалъ испитой брюнетъ.

— Такъ точно, — подтвердилъ билетеръ: — у меня афишку купили!

— Да, еще Маруся пѣла!

— Со мной полбутылки краснаго выпилъ, — замѣтилъ толстый блондинъ.

— И послѣ ушли, — торопливо сказалъ лакей.

— Одинъ или съ кѣмъ? — спросилъ хозяинъ.

— Вотъ этого не упомню; кажется, одни!

— И какой веселый былъ!..

— Здоровый! — сказалъ брюнетъ.

— Вотъ дура голова, — сказалъ блондинъ: — развѣ онъ отъ болѣзни умеръ?

Брюнетъ сконфузился.

— Я къ тому, что и не предчувствовалъ!

— Да развѣ можно предчувствовать такую штуку?

— Тсс... ѣдутъ! — встрепенулся хозяинъ.

По улицѣ раздалось громыханіе колесъ, и въ облакахъ пыли показались три пролетки и злополучная телѣга Феногена.

Впереди всѣхъ, махая платкомъ, мчался приставъ, за нимъ слѣдователь со своимъ письмоводителемъ, далѣе докторъ съ фельдшеромъ, а въ телѣгѣ, кромѣ лакея и Феногена, сидѣло два околоточныхъ, городовой и еще какая-то личность въ статскомъ платьѣ, съ рыжими бакенбардами и огромнымъ толстымъ носомъ.

Приставъ со всего размаха выскочилъ изъ пролетки и побѣжалъ къ телегѣ.

— Гдѣ убитый, кто, не знаете? — запыхавшись, спрашивалъ онъ, протискиваясь къ краю оврага. — Господи! — воскликнулъ онъ, заглянувъ: — достопочтеннѣйшій Сигизмундъ Феликсовичъ?

Слѣдователь, письмоводитель и докторъ уже сошли съ пролетокъ и торопливою поступью приближались къ толпѣ.

— Трупа не трогали? — спросилъ слѣдователь.

Приставъ принялъ оффиціальный видъ и засуетился. Начался осмотръ мѣстности и составленіе протокола на мѣстѣ.

IV.

— Я не понимаю, чего ты такъ волнуешься, Татьяна? времени еще очень много! — сказала Серафима Герасимовна Вишнякова, минутъ десять слѣдя за нервной торопливостью, съ которой одѣвалась ея дочь.

— Господи, просто хочу одѣться! — отвѣтила Татьяна: — вы всегда во всемъ видите что-то особенное!

Во всякомъ случаѣ, нельзя было скрыть какой-то нервности во всѣхъ ея движеніяхъ. Надѣвая лифъ, она раздраженно передернула плечами.

— Позволь, я помогу тебѣ, — сказала Серафима Герасимовна, дѣлая шагъ впередъ.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, — почти закричала Татьяна: — вы-бы лучше помогли мнѣ новое платье сдѣлать.

Серафима Герасимовна сокрушенно подняла къ потолку свои сѣрые глаза на выкатѣ. Со своимъ полнымъ, мясистымъ лицомъ, высокая, широкая, она удивительно походила-бы на ксендза, если-бы на нее накинуть стихарь.

— Видитъ Богъ, я стараюсь объ этомъ, — сказала она, вздохнувъ: — я не думаю вовсе о Николаѣ, забросила Лидочку; но что я могу подѣлать? все отъ тебя зависитъ, отъ одной тебя!

Татьяна крѣпко потянула лифъ, и у него, при застегиваніи, отскочила пуговица.

— У-у, гниль!—вскрикнула она злобно и, быстро снявъ его, стала искать у зеркала иголку и нитки. — Это выйти за Гинтовта? — спросила она нѣсколько спокойнѣе, садясь и вдѣвая нитку въ иголку.

— Да, выйти за Гинтовта, — повторила мать, тоже опускаясь на стулъ: — чѣмъ не партія? богатъ, не старъ,— и она стала высчитывать достоинства Гинтовта.

Солнце добралось до окошка и ударило въ комнату, заливъ ее своими лучами. Комната была большая и свѣтлая; обстановка далеко не соотвѣтствовала ея барскому виду. По стѣнамъ другъ противъ друга стояли три кровати. У одной стѣны — Татьяны; у другой — матери и сестры Лидіи. Въ простѣнкѣ между оконъ былъ устроенъ, изъ простого сосноваго стола туалетъ съ претензіей на изящество. Онъ былъ отдѣланъ дешевыми кружевами, атласными бантиками и заставленъ дешевыми фарфоровыми бездѣлушками, странно перемѣшанными съ дѣйствительно изящными и дорогими вещами.

Остальную мебель составляли черные крашенные два гардероба и комодъ, бѣлый цинковый умывальникъ и съ десятокъ старомодныхъ стульевъ, подъ красное дерево съ плетенымъ квадратнымъ сидѣньемъ.

Словомъ, ни комната, ни ея обитательницы не подходили къ обстановкѣ: Серафиму Герасимовну какая-нибудь старая приживалка непремѣнно-бы назвала «матушкой-княгинюшкой» и подошла-бы къ ручкѣ; Татьяна-же являла всѣ признаки чистѣйшей аристократической породы.

Маленькая, стройная, изящная, она была словно выточенная. Тонкія черты ея лица, при какой-то прозрачной блѣдности кожи, поражали своею правильностью. Красивыя руки, стройная нога и пышные волосы дополняли ея красоту, а большіе изсиня сѣрые глаза, то бойкіе, вызывающіе, то мечтательные, грустные, невольно останавливали на себѣ вниманіе всякаго.

Не даромъ поэтъ Хвостовъ, гимназистъ шестого класса, ухаживая за Лидіей и увидѣвъ Татьяну, сразу воспылалъ къ ней безнадежною страстью, прозвалъ ее ундиной и сталъ слагать стихи исключительно въ честь ея красоты.

Татьяна сидѣла молча, нервно и торопливо пришивая пуговицу къ лифу; Серафима Герасимовна продолжала восхвалять Гинтовта и, время отъ времени, дѣлала паузы, какъ-бы вызывая на разговоръ дочь.

Та, наконецъ, не выдержала. Она окончила шить и рѣзкимъ движеніемъ оторвала нитку.

— Мамочка, Бога ради!—воскликнула она съ тоскою:— неужели-же не довольно, что я даю цѣловать ему свои руки? Вѣдь вамъ нужны деньги, берите у него! Я, вѣдь, хожу къ нему всегда, когда вы просите!

Серафима Герасимовна не ожидала такого отвѣта. Она откинулась къ спинкѣ стула и, видимо, не находила сразу словъ. Въ это время дверь съ грохотомъ распахнулась, и въ комнату ворвалась Лидія. Это была стройная, хорошенькая дѣвочка, лѣтъ четырнадцати.

— Шаховъ пришелъ!—сказала она:—всегда первый!

— Что ты? — накинулась на нее Серафима Герасимовна:—вѣдь онъ услышитъ!

— А пусть!

— Дура!—рѣзко сказала мать и, тяжело поднявшись со стула, пошла изъ комнаты.

Татьяна застегнула лифъ и оглядывалась передъ зеркаломъ. Синяя суконная амазонка изящно облегала ея стройную фигуру.

Она невольно улыбнулась, смотря на свое отраженіе въ зеркалѣ. Ей вдругъ пришла мысль, что Бѣгишевъ пригласилъ ихъ всѣхъ къ себѣ, можетъ быть, по ея желанію, и ей стало еще веселѣе.

Лидія стояла посерединѣ комнаты, оглядывая сестру, и невольно позавидовала ей:

— Счастливая! — сказала она.

Татьяна быстро обернулась и съ улыбкой спросила:

— Это чѣмъ?

— Вотъ верхомъ поѣдешь; Адовъ тебѣ лошадь приведетъ!

— Ну?

— За тобой всѣ ухаживаютъ, тебя всѣ любятъ...

Татьяна засмѣялась. Ей становилось все веселѣе.

— Мнѣ тебѣ завидовать! — сказала она: — изъ-за тебя вонъ въ гимназіи чуть не дуэли!

Лидія не могла сдержать улыбки, вспомнила про Павлова, который вчера провожалъ ее изъ гимназіи, и радостно засмѣялась.

Она бросилась на шею Татьяны и стала цѣловать ее.

— Милая ты моя, хорошая, красавица!—бормотала она.

Татьянѣ давно не было такъ весело.

— Прости, прости!—закричала она и, вырвавшись отъ нея, со смѣхомъ выбѣжала въ залу.

Она вбѣжала въ комнату, держа въ лѣвой рукѣ длинный тренъ амазонки, и остановилась, перейдя порогъ, такая свѣтлая и радостная, что при ея входѣ, казалось, въ комнату ворвался солнечный лучъ.

Но если она и освѣтила комнату, то все-таки ея радостнаго вида было недостаточно для того, чтобы заставить

хоть улыбнуться блѣдное лицо съ черными горящими глазами поднявшагося ей навстрѣчу человѣка. Высокій, широкоплечій, съ черными, какъ смоль, волосами на головѣ и такою-же черною, густою бородою, съ плотно сдвинутыми бровями надъ горбатымъ носомъ, въ наглухо застегнутомъ черномъ сюртукѣ,—онъ производилъ собою тяжелое, непріятное впечатлѣніе.

Это былъ учитель исторіи въ мѣстной гимназіи—Глѣбъ Степановичъ Шаховъ.

Татьяна весело поздоровалась съ нимъ.

— Что вы такой хмурый?—спросила она.

— Я зашелъ,—вмѣсто отвѣта сказалъ онъ,—посмотрѣть на васъ и потомъ уйти.

Татьяна поморщилась при этой фразѣ. Серафима Герасимовна лукаво подмигнула и сказала:

— Кто-бы могъ подумать, что Глѣбъ Степановичъ такъ говорить умѣетъ!

— Я говорю такъ только съ Татьяной Антоновной,—серьезно отвѣтилъ онъ.

— Что мнѣ всегда непріятно,—рѣзко сказала Татьяна и спросила:—а что-же, къ Бѣгишеву вы не поѣдете съ нами?

Шаховъ нахмурился еще сильнѣе.

— Не поѣду!

— Почему это?

— Я опять захандрилъ.

— Значитъ, пойдете въ свою камору и будете цѣлую недѣлю грызть ногти?

— Пойду въ свою камору и буду грызть ногти,—повторилъ Шаховъ.

Такой разговоръ не соотвѣтствовалъ праздничному настроенію Татьяны; онъ начиналъ тяготить ее. Словно отгоняя тяжелую дремоту, она быстро встала и проговорила:

— Господи, я еще сегодня папочки не видала! вотъ дрянцо-то какая!

Она торопливо пошла къ дверямъ налѣво, по дорогѣ сказавъ шутливо Шахову:

— А вамъ пріятнаго аппетита!

Шаховъ откинулся на спинку кресла и погрузился въ мрачную задумчивость. Серафима Герасимовна сидѣла напротивъ него, не находя, чѣмъ занять его, и думала: «вотъ непріятный человѣкъ, а нужный; Коля въ будущемъ году оканчиваетъ. Въ злости можетъ еще напакостить».

Татьяна вошла въ столовую. Тамъ, у крайняго окошка, за маленькимъ столикомъ, сидѣлъ ея отецъ, отставной надворный совѣтникъ Антонъ Петровичъ Вишняковъ. Маленькій, сморщенный, сѣдой, какъ лунь, съ добрыми голубыми глазами и тихой улыбкой, онъ сидѣлъ, прилежно вклеивая въ огромную, толстую книгу старыя, штемпелеванныя марки. Подлѣ него на подоконникѣ стояли двѣ тарелки съ водою, въ которыхъ отмачивались марки отъ конвертной бумаги; тутъ-же, аккуратно разложенныя на листѣ протечной бумаги, лежали отклеенныя марки.

— Здравствуй, папочка!—сказала Татьяна, тихо подходя къ нему и цѣлуя его въ голову.

Старикъ поднялъ лицо и, увидѣвъ дочь, ласково улыбнулся.

— Это ты, Танюшка! здравствуй, дѣточка!

Его лицо оживилось, и онъ спросилъ ее:

— Знаешь, сколько уже?

— Сколько?

— Третья тысяча пошла!—съ торжествомъ сказалъ старичекъ.—Третья!—повторилъ онъ.

— Ай, какъ много! — съ улыбкой сказала Татьяна Антоновна.

— Да! ничего, Таня! она смѣется, — старичекъ понизилъ голосъ до шепота:—пускай! а я знаю, что дѣлаю! я наберу ихъ десять, двадцать, сто тысячъ! я вамъ капиталъ оставлю!!

— Милый ты нашъ, — сказала, обнимая его голову,

Татьяна:—всегда то ты о насъ думаешь!—и ея глаза засвѣтились безконечною нѣжностью.

О, всегда, всегда! какъ она помнитъ себя, на первомъ планѣ всегда былъ ея отецъ, суетливый, горячій—теперь вдругъ притихшій...

Въ передней раздался сильный звонокъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ залѣ послышались звонъ шпоръ и оживленные голоса.

— Танюша!—раздался нѣжный, слащавый голосъ матери, — Павелъ Сергѣевичъ и Адовъ пришли!

Татьяна вздрогнула. О, какъ ее возмущалъ всегда этотъ слащавый голосъ!

Она крѣпко поцѣловала въ лобъ отца и, подобравъ тренъ амазонки, снова вышла въ гостинную.

Ей навстрѣчу поднялись двое военныхъ. Первый въ полковничьихъ погонахъ, невысокій, плотный, съ легкой просѣдью, нафабренными усами и масляными глазками, Павелъ Сергѣевичъ Морозовъ, подошелъ къ Татьянѣ, щелкнулъ шпорами и съ какой-то жадностью приникъ губами къ ея рукѣ.

— Какъ себя чувствуете, Таня Антоновна?—спросилъ онъ фамильярно-дружескимъ тономъ.

— Превосходно!—холодно отвѣтила Татьяна, стараясь незамѣтно вытереть свою руку.

— Честь имѣю кланяться, божественная!—подскочилъ къ ней второй военный — Федоръ Матвѣевичъ Адовъ.

Онъ былъ только поручикъ; длинный, тонкій съ жидкими волосами цвѣта спѣжей мочалы, съ жалкой растительностью на усахъ и бородѣ, онъ тѣмъ не менѣе считалъ себя не лишеннымъ красоты. Это было видно и по его наглому, желтоватому лицу, и по его манерамъ, и, наконецъ, по его сюртуку, который былъ сшитъ длиннымъ по колѣна съ красною подкладкою.

— Я вамъ и лошадку привелъ, отличную, кабардинца!—заявилъ онъ.

Лицо Татьяны оживилось.

— Вотъ спасибо! значитъ, мы верхомъ?

— И Павелъ Сергѣевичъ на лошади!

Павелъ Сергѣевичъ улыбнулся и лихо покрутилъ свой усъ.

— Ахъ, какъ это мило!—воскликнула Серафима Герасимовна, закатывая глаза:—какіе они обязательные!

Шаховъ, все время сидѣвшій молча, рѣзко всталъ со стула.

— Вы уже уходите?

— Ухожу, Серафима Герасимовна!—холодно отвѣтилъ онъ и сталъ прощаться.

Адовъ сѣлъ подлѣ Татьяны и сталъ говорить ей вполголоса о своемъ счастьѣ ѣхать съ нею. Татьяна молчала и думала, что она увидитъ Бѣгишева, что онъ для нея устроилъ это приглашеніе, что онъ хорошій, лучше ихъ всѣхъ. При этой мысли она оглянулась. Шаховъ подошелъ къ ней проститься.

«Нѣтъ, и онъ хорошій»,—подумала она:—«только странный, я боюсь его».

Она ласково протянула ему руку и, смѣясь, спросила:

— Такъ ногти грызть?

— Ногти грызть,—какъ-то торопливо, сухо отвѣтилъ Шаховъ.

«Что съ нимъ»?—подумала Татьяна.

— Кого-же мы ждемъ?—спросилъ Адовъ.

— Сигизмунда Феликсовича, онъ тоже съ нами,—отвѣтила Серафима Герасимовна.

— Но вѣдь онъ, вѣроятно, съ вами поѣдетъ?

Серафима Герасимовна погрозила пальцемъ.

— О, хитрецъ, ему хочется поскорѣе наединѣ остаться! Такъ нѣтъ-же! Павелъ Сергѣевичъ, вы смотрите за нимъ!

Морозовъ наклонилъ голову.

— А гдѣ Николай?—спросилъ онъ.

— Онъ пошелъ за коляской и за Гинт...

Серафима Герасимовна не успѣла окончить.

Чуть не сбивъ выходившаго Шахова, Николай влетѣлъ въ комнату съ такимъ блѣднымъ и перепуганнымъ лицомъ что Серафима Герасимовна невольно воскликнула:

— Коля, что случилось?

— Гинтовъ у-битъ!—крикнулъ онъ дрожащимъ голосомъ, радостно волнуясь, что ему первому выпало на долю поразить всѣхъ этой новостью.

Въ первое мгновеніе въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

Серафима Герасимовна вкрикнула и откинулась на диванъ. Татьяна вдругъ выпрямилась, словно отъ толчка, и, поблѣднѣвъ, приложила руки къ груди. Шаховъ остановился у двери, какъ вкопанный, а Морозовъ и Адовъ какъ-то съежились и замерли.

— Убійца найденъ?—спросилъ, наконецъ, Шаховъ.

— Гдѣ убитъ, какъ, когда?

— Кто открылъ убійство, гдѣ найденъ?

— Бѣдный, добрый!—воскликнула со стономъ Серафима Герасимовна:—какъ могла подняться рука на такого удивительнаго человѣка? Его ограбили?—спросила она жадно.

Николай опустился на стулъ и замахалъ руками.

— Ахъ, я ничего не знаю!—отвѣтилъ онъ, заражаясь общимъ волненіемъ:—я заѣхалъ вести его, а у него полиція, дѣлаютъ обыскъ, увели прислугу. Я спросилъ. Говорятъ, убили. Тамъ, подлѣ «Моя радость», его нашли въ канавѣ... мужикъ какой-то!

— Вы говорите, его убилъ мужикъ?

— Ахъ, нѣтъ! Нашелъ мужикъ.

— Нашелъ!—повторилъ Шаховъ и медленно вышелъ изъ комнаты.

Больше всѣхъ волновалась Серафима Герасимовна. Она плакала, билась на диванѣ и взывала къ небу. Морозовъ бросился утѣшать ее. Выбѣжавшая на плачъ матери Лидія поблѣднѣла и тоже заплакала.

— Ѣдемъ!— вдругъ рѣшительно сказала Татьяна, поднимаясь со стула.

— Куда?—растерянно спросилъ Адовъ.

— Къ Бѣгишеву!

Адовъ удивленно взглянулъ на нее, но молча всталъ и медленно пошелъ вслѣдъ за нею.

— Скажите, вы все знаете,—вдругъ обратилась Серафима Герасимовна къ Морозову, едва тѣ вышли:—куда дѣнутся всѣ его векселя, они имѣютъ силу?

— Полную,—отвѣтилъ Морозовъ:—они перейдутъ къ наслѣдникамъ.

— У него нѣтъ наслѣдниковъ.

— Тогда—въ казну.

— И казна взыщетъ?

— За казной ничего не пропадаетъ.

— О, я несчастная!—снова начала стонать и плакать Серафима Герасимовна:—надо мной вѣчно тяготѣетъ какое-то проклятіе!...

Между тѣмъ Татьяна, выйдя изъ дома, быстро вскочила въ сѣдло и хлестнула лошадь; Адовъ едва могъ поспѣть за нею.

Но едва они доскакали до заведенія «Моя радость», какъ Татьяна остановила коня.

— Я не могу ѣхать, — сказала она: — домой!

Она опять ударила по лошади, и Адовъ опять едва могъ поспѣть за нею.

«Вотъ шальная»,—думалъ онъ злобно, тщетно стараясь выравниться съ нею.

V.

Татьяну, дѣйствительно, можно было назвать шальной. Она была крайне неровнаго характера.

Впрочемъ, въ такой семьѣ, какъ Вишняковыхъ, впечатлительной Татьянѣ и трудно было сдѣлаться иною.

Антонъ Петровичъ, глава семейства, уже восьмой годъ находился въ состояніи невмѣняемости. Тихій, кроткій,

онъ ни во что не вмѣшивался, исключительно отдавшись занятію собиранія марокъ. Видимую любовь онъ проявлялъ только къ Татьянѣ, съ которой не уставалъ говорить по цѣлымъ часамъ, вспоминая старые годы. Онъ когда-то былъ лихимъ кавалеристомъ. Серафима Герасимовна, бѣдная дѣвушка хорошей дворянской фамиліи, приглянулась ему, и онъ женился на ней.

Страстная, необузданная, съ широкими замашками Серафима Герасимовна, вся отдалась свѣту. Небольшое состояніе мужа истаяло въ три года. Некрасивая исторія, въ которой фигурировало имя жены, заставила Вишнякова оставить полкъ. Онъ перешелъ на службу къ одному губернатору и перевезъ семью въ провинцію.

Здѣсь жизнь его не сложилась лучше. Въ квартирѣ Вишнякова вѣчно тѣснилась холостая молодежь — и самъ Вишняковъ махнулъ, наконецъ, на все рукою и посвятилъ все свое время дѣтямъ. Тутъ-то и сдружилась Татьяна съ отцомъ.

Время шло, отецъ усталъ и вышелъ въ отставку, устала и мать, а жить по прежнему на-показъ являлось необходимостью, потому что подросла дочь. И тутъ начались Татьянины муки. Мать сумѣла извлекать изъ нея пользу для себя. Привлекая къ себѣ и молодыхъ, и старыхъ, она, не стѣсняясь, занимала у нихъ различныя суммы денегъ, едва подмѣчала увлеченье ихъ Татьяной.

Гинтовтъ давалъ деньги только тогда, когда Татьяна сама приходила за ними. Морозовъ, имѣвшій прежде какія-то шашни съ Серафимой Герасимовной, за ссужаемыя деньги пріобрѣталъ право полной фамильярности съ Татьяной, и такъ всѣ, кто хотя слегка былъ знакомъ съ Серафимой Герасимовной.

Въ этой семьѣ выросла Лидія, 14-лѣтняя дѣвочка съ задатками кокотки; Николай, послѣ шестнадцати-лѣтняго ученія, наконецъ, оканчивающій гимназію, совершенный фатъ

и наглецъ, и Татьяна, какъ какой-то удивительный выродокъ, честная, прямая, но зато изломанная, нервная, шальная, потому что никто не могъ ручаться даже на минуту за ея настроеніе.

Вернувшись домой, она прямо прошла въ спальную и, быстро переодѣвшись, легла на постель.

Ей стало почему-то жутко при извѣстіи, что Гинтовтъ убитъ. Сперва она глупо обрадовалась, что такъ быстро отдѣлалась отъ ненавистнаго ухаживателя, котораго мать ей прочила въ мужья. Потомъ ей стало досадно, что, благодаря этому случаю, испорчена поѣздка къ Бѣгишеву, и ей захотѣлось съѣздить хоть одной. Когда-же она подъѣхала къ тому мѣсту, подлѣ котораго, говорятъ, было совершено убійство, ей стало вдругъ невыносимо тоскливо и жутко. Словно бѣда повисла надъ ея головою. Она уткнулась лицомъ въ подушку и начала плакать.

Адовъ остался въ гостинной, гдѣ сидѣли теперь мать, Николай, Лидія, Морозовъ и Хвостовъ, молодой гимназистъ, товарищъ Николая.

Онъ пришелъ только что изъ города и оживленно разсказывалъ подробности убійства.

— Трупъ отвезли теперь въ больницу св. Якова и производятъ вскрытіе, а слѣдователь въ своей камерѣ чинитъ допросы! — окончилъ онъ разсказъ.

Лидія давно уже перестала плакать и пристально глядѣла на Хвостова, стараясь обратить на себя его вниманіе. Онъ окончилъ разсказъ и невольно взглянулъ на нее. Лидія улыбнулась, онъ тоже. Серафима Герасимовна улыбнулась Хвостову сквозь слезы и укоризненно покачала головою.

Морозовъ взглянулъ на часы, всталъ и началъ прощаться. Слѣдомъ за нимъ поднялся и Адовъ.

Они вышли вмѣстѣ.

— Разстроилось наше гулянье! — сказалъ Морозовъ.

— Да, каковъ случай! — воскликнулъ Адовъ.

Денщики, увидавъ выходящихъ офицеровъ, взяли лошадей въ повода и пошли вслѣдъ за ними.

— Интересно-бы знать, кто и почему убилъ Гинтовта,— задумчиво сказалъ Морозовъ.

— Да; вѣдь убили его не для ограбленія!

— Въ томъ-то и дѣло!

— Вы зайдете? — спросилъ Морозовъ, останавливаясь у дверей лѣтняго помѣщенія дворянскаго клуба.

— Нѣтъ, я домой, — отвѣтилъ Адовъ.

Они простились. Морозовъ вошелъ въ столовую и распорядился обѣдомъ, а поручикъ Адовъ, совершенно озлобленный выходкой Татьяны, поплелся за рѣку на свою холостую квартиру.

Онъ мечталъ совсѣмъ иначе провести время, а теперь, вмѣсто общества Татьяны, ему придется весь день проваляться на продавленномъ диванѣ или трепаться въ лагерь.

Бѣдный Адовъ былъ во всемъ неудачникъ. При его фатоватой внѣшности, при его замашкахъ, ему непремѣнно надо было поправлять свои дѣла женитьбой на богатой, но ему и тутъ не повезло, потому что онъ безумно и безнадежно влюбился въ Татьяну.

Едва Морозовъ и Адовъ вышли, какъ Серафима Герасимовна сказала:

— Ну, дѣтки, не взыщите! сегодня вмѣсто обѣда у насъ чай съ булками.

Лидія вздрогнула при этихъ словахъ, потому что она не хотѣла, чтобы Хвостовъ зналъ объ ихъ бѣдности, а Хвостовъ вспыхнулъ отъ удовольствія и глубоко поклонился, потому что подобное признаніе его дѣлало «своимъ» у Вишняковыхъ.

Да, смерть Гинтовта подшутила и надъ Серафимой Герасимовной. Она возлагала большія надежды на эту поѣздку—большія до того, что всѣ имѣющіеся у ней рубли затратила на этотъ день, и теперь, когда поѣздка разстроилась, ей не на что было устроить даже обѣда. «А что

завтра будетъ?»—съ тревогою подумала она, но тотчасъ поспѣшила отогнать отъ себя эту мысль. До завтра еще далеко. Развѣ это въ первый разъ?..

— Прикажи Марфѣ самоваръ поставить да пошли за булками, — сказала она Лидіи.

Лидія граціозно вскочила и выпорхнула изъ комнаты. Хвостовъ проводилъ ее нѣжнымъ взглядомъ, а Серафима Герасимовна подмѣтила этотъ взглядъ и облегченно вздохнула.

У этого юнца, навѣрное, найдется два-три рубля, и завтрашній день обезпеченъ.

Лидія вбѣжала въ комнату съ перепуганнымъ лицомъ.

— Мама, Грохова арестовали! — закричала она.

— За что?!

— Обыскъ у него дѣлали, къ слѣдователю увели!

— Откуда ты это знаешь, кто сказалъ! — поднялась съ дивана Серафима Герасимовна.

— Тамъ Матрена Сухорукова!

Всѣ порывисто бросились въ кухню. Антонъ Петровичъ, смущенный общимъ волненіемъ, оставилъ свои марки и, запахиваясь въ лѣтнее пальто, которое онъ носилъ вмѣсто халата, подошелъ къ сыну.

— Что тамъ у васъ, Николаша, а?—спросилъ онъ.

— Ахъ, оставь!—отмахнулся рукою сынъ, идя къ кухнѣ.

Старикъ растерянно остановился посреди столовой.

— Гинтовта сегодня убили!—снисходительно объяснилъ ему Хвостовъ.

— Гдѣ, у насъ, въ кухнѣ?

— Нѣтъ, его убили въ канавѣ подлѣ «Моя радость».

— А, въ канавѣ! Скажите!—равнодушно сказалъ Вишняковъ и спросилъ: — а вы не знаете, обѣдъ скоро подадутъ?

— Не знаю. А теперь пришла прачка Матрена, у которой Гроховъ живетъ, и говоритъ, что его арестовали,— продолжалъ словоохотливый Хвостовъ и прибавилъ отъ себя:—говорятъ, онъ убилъ!

— Ахъ, Боже, какой ужасъ! — воскликнула тутъ вертѣвшаяся Лидія:—неужели это правда?

— Говорятъ,—сконфуженно сказалъ Хвостовъ.

Матрена Сухорукова, прачка по профессіи, съ волненіемъ передавала послѣднія новости. Серафима Герасимовна, тяжело дыша, не сводила съ нея горящихъ любопытствомъ глазъ.

— Это, вернулся онъ подъ утро и легъ спать, а часовъ въ двѣнадцать, сегодня значитъ, и пришелъ околоточный за нимъ, и увелъ; на слѣдствіе, говоритъ. И только онъ это ушелъ, сейчасъ два другихъ и штатскій — шастъ къ нему, то-есть въ комнату. И все-то у него перерыли! Потомъ пошли и радуются. Штатскій, уходя, у меня-то спрашиваетъ, гдѣ онъ ночью былъ? а я, говорю, не знаю, батюшка, а что вернулся на зарѣ, это точно. А онъ и говоритъ, что сбирался онъ уѣзжать, а я, говорю, сегодня безпремѣнно хотѣлъ. Тутъ они ушли, а я къ вамъ. Вотъ, матушка, присовѣтовали вы мнѣ какого! — съ укоромъ окончила она.

— Самое разбойницкое лицо,—угрюмо замѣтила Марфа, громыхая трубою около самовара.

— Не виновата я въ этомъ, милая, — сказала Вишнякова,—кто-же могъ человѣка знать. Это онъ, онъ!—прибавила она:—какъ ты думаешь, Николай?

— Ну, что за чушь! — разсердился Николай: — просто взяли, какъ у свидѣтеля показаніе снять; а вы ужъ, чертъ знаетъ! — онъ заложилъ руки въ карманы и презрительно передернулъ плечами.

— Онъ, онъ!—повторила Серафима Герасимовна:—онъ, вѣдь, поссорился съ нимъ, онъ очень злой! Развѣ ты знаешь, что у нихъ тамъ было?

— А, ну васъ!—грубо отвѣтилъ сынъ.

Серафима Герасимовна осталась въ кухнѣ и продолжала допрашивать Матрену. Но та ничего не знала больше того, что сказала. Серафима Герасимовна вздохнула и по-

шла подѣлиться новостью съ Татьяной. Татьяна долго плакала и, наконецъ, заснула.

Ей снился Бѣгишевъ. Высокій, стройный, съ курчавою бѣлокурой бородою, шапкою кудрявыхъ волосъ на головѣ, онъ стоялъ передъ нею, протягивая къ ней руки; но на его красивомъ лицѣ не было радости. Напротивъ, оно было печально, и голубые глаза его смотрѣли на нее съ глубокою грустью.

— «Леша, да ты не любишь меня»?—съ тоскою спрашивала его Татьяна.

— «Люблю, моя ясная, но между нами бездна»!—и онъ старался отвернуть свое грустное лицо отъ ея поцѣлуевъ.

Она заплакала.

— Таня, Таня,— услышала она надъ собою голосъ:— проснись! знаешь, еще новость!

— А?

Татьяна раскрыла усталые глаза. Надъ нею стояла мать.

— Знаешь, Таня, кто убійца?—спросила она.

Татьяна вдругъ вспомнила сонъ, задрожала и моментально поднялась съ постели.

— Кто, мама, кто?

Серафима Герасимовна даже удивилась ея волненію.

— Петька Гроховъ!—сказала она.

— А, Гроховъ!—повторила Татьяна и, словно съ облегченіемъ, опустилась на постель.

Но черезъ мгновенье она снова выпрямилась.

Гроховъ, этотъ лучшій изъ ихъ знакомыхъ, женихъ Параши, и вдругъ убійца? этого не можетъ быть!

— Что вы сказали, мама?—воскликнула она. — Этого не можетъ быть! вы откуда узнали?

— Не можетъ быть! —недовольно сказала мать:—поди, спроси! вонъ пришла Матрена, говоритъ, что его увели.

— И что онъ убилъ?—съ ужасомъ спросила Татьяна.

Серафимѣ Герасимовнѣ стало неловко.

— Ну, это еще неизвѣстно: его повели къ слѣдователю.

— Что-же вы-то сказали, что сказали?! — воскликнула съ упрекомъ Татьяна.

Серафимѣ Герасимовнѣ стало совѣстно.

— То и сказала!—крикнула раздражительно она,—что никто, какъ онъ, убійца! вотъ что! иначе и быть не можетъ! фанфаронъ, грубіянъ! онъ вѣдь ушелъ отъ него; поссорился съ нимъ!

— Мама, мама!

— То-то мама, мама! Ты куда это? — спросила она, видя, что Татьяна встала и начала поспѣшно одѣваться.

— Куда?—сказала Татьяна: — къ Проне! надо предупредить ее! бѣдная, бѣдная!

— А тебѣ-то что?

— Не говорите такъ, мама! — закричала истерически Татьяна.

Она вдругъ подумала, что было-бы съ ней, если-бы она узнала, что Бѣгишева могутъ подозрѣвать въ подобномъ преступленіи, и ее охватилъ ужасъ.

А вѣдь онъ не женихъ ея, она не знаетъ даже, любитъ-ли онъ ее, потому что онъ ничѣмъ не выказывалъ ей своихъ чувствъ. А Проня?

Она поспѣшно одѣлась.

— Вернешься-то скоро?—спросила ее мать.

— Ахъ, оставьте, оставьте меня!—чуть не плача отвѣтила Татьяна и бросилась вонъ изъ комнаты.

Она почти бѣжала по улицѣ, торопясь первою принести Рощинымъ грустную новость и, такимъ образомъ, ослабить впечатлѣніе.

Проня была ея гимназическая любимая подруга. Когда Татьяна отдалась праздной жизни, а та принялась за тяжелый трудъ учительницы, Татьяна въ своей экзальтаціи чуть не молилась на нее. Она являлась для нея тѣмъ недостижимымъ идеаломъ, къ которому всегда рвалась душа Татьяны и для достиженія котораго у нея не хватало силъ.

Она слѣдила за исторіей любви Грохова и Прони, о

благословляла ихъ и завидовала ихъ счастью, и вдругъ... этотъ ударъ.

Татьяна, почти выбившаяся изъ силъ, раскраснѣвшаяся и запыхавшаяся, вбѣжала къ Рощинымъ, едва кивнувъ по дорогѣ ихъ благодушной кухаркѣ Дунѣ.

VI.

Гроховъ, дѣйствительно, одинъ изъ первыхъ былъ вызванъ къ слѣдователю.

Онъ проснулся въ веселомъ настроеніи духа. Мысль, что завтра, объ эту пору, онъ будетъ подъѣзжать къ Петербургу бодрила его, и онъ чувствовалъ себя какъ-то самостоятельнѣе.

Онъ быстро всталъ съ постели, велѣлъ подать для себя самоваръ и началъ укладывать свое небольшое имущество въ холщевый чемоданъ.

Это заняло у него полчаса времени. Послѣ укладки онъ сѣлъ писать письма. Занятый писаніемъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что за его спиною кто-то стоитъ; онъ оглянулся и увидалъ околоточнаго.

— Господинъ Гроховъ, если не ошибаюсь?—сказалъ онъ.

Гроховъ поднялся со стула.

— Я, что вамъ нужно?

— Слѣдователь IV участка просилъ васъ пожаловать къ нему немедленно!

— Слѣдователь? меня?—изумился Гроховъ:—по какому дѣлу?

— Не могу знать. Сейчасъ получили увѣдомленіе въ участкѣ; я и пришелъ.

Гроховъ посмотрѣлъ на его лицо и увидѣлъ, что ему что-то извѣстно.

— Неужели вы не знаете?—спросилъ онъ околоточнаго съ волненіемъ.

— Ничего не извѣстно,—отвѣтилъ тотъ безстрастно.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—растерянно восклик-

нулъ Гроховъ: — что-же это такое?! — Онъ подумалъ о Пронѣ. — Я могу написать письмо? — спросилъ онъ.

— Просили придти немедленно, — твердо заявилъ околоточный.

Гроховъ вспыхнулъ.

— Это чертъ знаетъ, что такое! говорите, какъ Пифія; на лицѣ загадка! такъ нельзя людей мучить! — воскликнулъ онъ.

Околоточный ничего не отвѣтилъ.

— Вы что-же, провожать меня будете?

— Нѣтъ, зачѣмъ-же? вы потрудитесь расписаться только! — околоточный развернулъ свой портфель и вынулъ оттуда повѣстку отъ слѣдователя съ вызовомъ Грохова.

Гроховъ взглянулъ, и у него подкосились ноги. «По дѣлу объ убійствѣ Гинтовта», прочиталъ онъ.

— Когда, гдѣ его убили, кто? — съ волненіемъ спросилъ онъ.

— Не могу знать.

— Отчего вы мнѣ сразу не сказали, по какому дѣлу?

— Не мое дѣло, — усмѣхнулся околоточный.

Гроховъ торопливо, дрожащею рукою расписался въ полученіи повѣстки.

— Гдѣ-же живетъ онъ?

— Вамъ въ камеру надобно. Пожалуйте прямо въ окружный судъ, тамъ спросите слѣдователя IV участка.

Гроховъ взялъ шляпу, палку, накинулъ пальто и быстро пошелъ изъ комнаты. Околоточный также вышелъ слѣдомъ за нимъ.

Переходя дворъ, Гроховъ встрѣтилъ какого-то штатскаго съ рыжими бакенбардами и огромнымъ толстымъ носомъ.

Гроховъ быстро пошелъ къ окружному суду, но по мѣрѣ приближенія къ высокому бѣлому зданію съ лѣпными украшеніями, шагъ его замедлялся, и какое-то тоскливое предчувствіе понемногу наполняло его душу. Онъ едва могъ пересилить свое волненіе, когда входилъ въ подъѣздъ

«Господи, да чего-жъ это я?» — подумалъ съ досадою Гроховъ и тотчасъ почувствовалъ, что волненіе охватило его еще сильнѣе.

— Гдѣ тутъ камера слѣдователя IV участка? — спросилъ онъ швейцара.

Тотъ указалъ ему въ конецъ длиннаго коридора:

— Послѣдняя дверь направо! — и Грохову почулился въ его словахъ словно скрытый укоръ.

Онъ медленно пошелъ по коридору. Шаги его гулко раздавались подъ тяжелыми сводами и пугали его самого. По правую сторону коридора находились двери, оберегаемыя сторожами, и на каждой изъ нихъ Гроховъ читалъ поочереди: слѣдователь I участка, VII участка, товарищъ прокурора, слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ и т. д.; по лѣвую сторону, противъ каждой двери, тянулись длинныя ясневыя скамьи.

Подходя къ послѣдней двери, на которой была надпись: «камера слѣдователя IV участка», — Гроховъ увидѣлъ сидящими на ясневой скамьѣ Анфису и Василья, прислугу убитаго Гинтовта.

Гроховъ обратился къ сторожу, стоявшему у двери, и попросилъ доложить о немъ слѣдователю.

— Вызовутъ, когда надо будетъ! — грубо отвѣтилъ сторожъ.

Гроховъ сконфужено отошелъ отъ него къ скамьѣ. Анфиса и Василій какъ-то зловѣще взглянули на него и быстро передвинулись къ самому краю скамьи, очистивъ ее всю для Грохова. Гроховъ растерянно взглянулъ на нихъ, и ему стало почему-то совѣстно.

За дверью зазвенѣлъ звонокъ. Сторожъ быстро прошелъ въ комнату и также быстро вернулся.

— Анфиса Прохорова, — сказалъ онъ, — иди!

Анфиса испуганно вскочила, какъ-то нервно передвинула платокъ на плечахъ и юркнула въ пріотворенную сторожемъ дверь.

Для Грохова наступили мучительныя минуты ожиданія. Онъ то сидѣлъ, то вставалъ, и самыя глупыя предположенія лѣзли ему въ голову—предположенія, отъ которыхъ онъ краснѣлъ, блѣднѣлъ и начиналъ нервно ходить по коридору.

Черезъ мгновеніе онъ замѣчалъ на себѣ пристально устремленные взоры сторожа и Василья, и ему начинало казаться, что они по своему истолковываютъ его волненіе. Онъ тогда старался принять спокойный видъ, усаживался на скамью, но черезъ минуту волненіе его увеличивалось, и онъ снова начиналъ бѣгать по коридору.

Время тянулось мучительно-долго. Наконецъ, за дверью снова зазвенѣлъ колокольчикъ. Сторожъ снова вошелъ и вышелъ.

— Василій Смуровъ,— сказалъ онъ.

Василій, молодой парень съ наглымъ лицомъ, быстро всталъ, ухорски одернулъ пиджакъ и рѣшительнымъ шагомъ двинулся къ двери, по дорогѣ презрительно скосивъ глаза на Грохова.

Отъ этого взгляда Грохову стало какъ-то жутко. «Что они думаютъ?»—съ ужасомъ и тоскою подумалъ онъ. Дверь отворилась, и на ея порогѣ столкнулись Анфиса съ Васильемъ. Они перекинулись между собою взглядами. Василій скрылся за дверью, а Анфиса, растерянно натягивая на голову платокъ, торопливо пошла по коридору.

Для Грохова снова потянулись мучительныя минуты. Мгновеньями его вдругъ охватывалъ такой страхъ передъ какою-то грозящей неизвѣстностью, что онъ готовъ былъ вскочить со скамьи и броситься бѣжать. По коридору раздались тяжелые шаги. Къ мѣсту, гдѣ онъ сидѣлъ, медленно приближался господинъ съ рыжими бакенбардами и толстымъ краснымъ носомъ, съ какимъ-то свертком подъ мышкою. Подойдя къ двери, онъ что-то шепнулъ сторожу и, медленно отойдя, опустился на скамейку. Грохов невольно всталъ съ нея и отошелъ, такъ показалс

ему противенъ этотъ господинъ, видимо, «свой» въ этомъ мѣстѣ.

За дверью снова раздался звонокъ. Сторожъ скрылся и пробылъ тамъ нѣсколько дольше. Дверь отворилась. Изъ комнаты развязной походкой вышелъ Василій. Гроховъ рванулся къ двери. Въ это время вышедшій сторожъ остановилъ его, а подозрительный господинъ, поднявшись со скамьи, слащаво произнесъ:

— Извините, молодой человѣкъ, — на одну минутку!

Гроховъ отшатнулся, Василій прошелъ мимо него, окинувъ его наглымъ взглядомъ, а подозрительный господинъ быстро юркнулъ въ дверь.

Гроховъ снова началъ томиться. О, это ожиданіе! мучительнѣе его, кажется, нѣтъ пытки.

Наконецъ, подозрительный господинъ вышелъ изъ комнаты, и сторожъ сказалъ Грохову:

— Пожалуйте!

Гроховъ пошелъ къ двери, и, странная вещь, волненіе его вдругъ улеглось. Онъ почувствовалъ себя почти спокойнымъ и твердымъ шагомъ вошелъ въ комнату слѣдователя.

Прямо передъ нимъ, за большимъ столомъ, заваленнымъ бумагами, сидѣлъ молодой человѣкъ, съ злымъ и непріятнымъ лицомъ. Большой носъ загибался крючкомъ, тонкія губы кривились насмѣшливой улыбкой, обнажавшей гнилые зубы, изъ-подъ густыхъ рыжеватыхъ бровей зло смотрѣли узкіе сѣрые глаза, и весь онъ былъ бѣлый, рыжеватый, злой и плюгавый, какъ переодѣтый гномъ.

Вправо отъ него, за столомъ меньшихъ размѣровъ, сидѣлъ другой молодой человѣкъ, рыжій, косматый, съ лукаво прищуренными глазами, толстыми мясистыми губами и приплюснутымъ носомъ.

Это были слѣдователь—Захаръ Васильевичъ Мямлинъ, и его письмоводитель—Ферапонтъ Кондратьевичъ Шмыгра.

Гроховъ, войдя, тотчасъ почувствовалъ на себѣ двѣ пары

жадныхъ, любопытныхъ глазъ и снова смутился. Онъ поднялъ глаза и встрѣтился съ пристально устремленнымъ на него взглядомъ слѣдователя.

— Вы меня пригласили,—нервнымъ голосомъ сказалъ Гроховъ,—по дѣлу...

— Объ убійствѣ Гинтовта, — рѣзко перебилъ его слѣдователь:—садитесь, пожалуйста.

Гроховъ опустился на стулъ. Слѣдователь подперъ ладонью облокоченной руки голову и нѣсколько мгновеній молча разсматривалъ Грохова. Тому становилось все тягостнѣе; наконецъ, онъ возмутился въ душѣ, и то блѣднѣвшее, то краснѣвшее лицо выдавало его смущеніе.

Наконецъ, слѣдователь прервалъ тягостное молчаніе.

— Петръ Александровичъ? такъ, кажется? Такъ вотъ-съ, вы давно знакомы съ убитымъ Гинтовтомъ?

— Третій годъ!

— Вы познакомились съ нимъ... у... у... — слѣдователь сталъ переворачивать листы бумаги.

— У Вишняковыхъ,—отвѣтилъ Гроховъ.

— Ахъ, да! и потомъ вы у него служили? такъ?

— Да, съ августа прошлаго года я былъ у него въ качествѣ секретаря, за 50 рублей въ мѣсяцъ.

— Онъ, вѣдь, кажется, не былъ общественнымъ дѣятелемъ?

— Нѣтъ!

— У него была обширная переписка?

— Нѣтъ!

— Что вы у него дѣлали? или онъ просто протежировалъ вамъ?

Гроховъ вспыхнулъ.

— Я у него получалъ деньги за работу!

Слѣдователь торжествующе улыбнулся и взглянулъ на письмоводителя. Тотъ кивнулъ головою и отвѣтилъ улыбкою.

О, Мямлинъ зналъ свое дѣло, несмотря на свою молодость! Его излюбленнымъ пріемомъ было раздражить

допрашиваемаго, и тогда онъ успѣвалъ все вывѣдать, ловя его на словахъ.

— Тэкъ-съ! что-же у него была за работа?

— Онъ писалъ свои мемуары, собиралъ дневникъ, диктовалъ! Наконецъ, зачѣмъ это?

— Я, видите-ли, хотѣлъ узнать, на какой почвѣ у васъ могло недавно произойти крупное столкновеніе съ нимъ, окончившееся ссорой? — медленно и рѣзко проговорилъ Мямлинъ.

Гроховъ густо покраснѣлъ. Неужели онъ долженъ будетъ передать всю грязь этой сцены?

— Мнѣ не понравилось его отношеніе къ нѣкоторымъ предметамъ.

— Онъ обременялъ работою? не платилъ исправно?

— Нѣтъ! онъ относился съ насмѣшкой къ нѣкоторымъ дорогимъ мнѣ особамъ,—сдержанно отвѣтилъ Гроховъ.

— И вы его хотѣли бить?

— Да, я въ запальчивости замахнулся на него.

— И угрожали убить, какъ собаку?

Гроховъ вздрогнулъ. Вотъ оно, то подлое, чего такъ боялся онъ.

— Очень можетъ быть, я такъ и выразился.

— Это навѣрное,—словно про себя, сказалъ слѣдователь и вернулся къ прежней темѣ:—онъ, кажется, любилъ скоромненькіе анекдоты?

— Любилъ.

— Можетъ, онъ облюбовалъ даму вашего сердца?

Гроховъ вспыхнулъ.

— Я не буду отвѣчать на такіе вопросы, и, вообще, я не могу разсказать нашу ссору. Достаточно, что я бросился на него, онъ позвалъ лакея; я уцѣлъ отъ него и больше его не видѣлъ!

— И больше его не видѣли? — переспросилъ лукаво слѣдователь.

— Не видѣлъ!

— Не можете-ли сказать мнѣ, какъ вы провели эту ночь? т.-е. гдѣ были? что видѣли, кого?

— Я былъ дома до 7 часовъ вечера, потомъ пошелъ къ однимъ знакомымъ пить чай...

— Это къ кому-же?

— Къ Рощинымъ, мать и дочь, но это къ дѣлу не относится...

— Очень даже. Продолжайте!

— Потомъ,— Гроховъ замялся: — потомъ я пошелъ съ дочерью, Прасковьей Андреевной, гулять...

— Гулять? И долго вы гуляли?

— Часовъ до одиннадцати...

— Потомъ?

Гроховъ вдругъ почувствовалъ, что сейчасъ начнется опять «подлое» и что почва словно ускользаетъ изъ-подъ его ногъ.

— Потомъ... потомъ я ее проводилъ, а самъ пошелъ гулять...

— Опять гулять! Одни, ночью? Гдѣ-же вы гуляли?

— Одинъ, ночью, — волнуясь, отвѣтилъ Гроховъ: — я былъ на рѣкѣ, у желѣзнаго моста.

— И долго гуляли?

— Почти до свѣту.

— Гм... почти до свѣту! Васъ никто не видалъ?

— Никто!

Слѣдователь лукаво улыбнулся.

— Я-бы на вашемъ мѣстѣ подумалъ! а? можетъ быть вы гуляли дольше... съ Прасковьей... съ Рощиной? можетъ быть, вы и до свѣту...

Гроховъ не выдержалъ.

— Не смѣйте такъ говорить! я одинъ гулялъ, слышите вы это!—проговорилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Не хотите-ли воды?..

Гроховъ, измученный, опустился на стулъ. Онъ былъ блѣденъ. Шмыгра подалъ ему стаканъ съ водою.

Гроховъ сдѣлалъ нѣсколько глотковъ, и его зубы стучали о края стакана.

— Скажите, пожалуйста, вы сегодня хотѣли уѣхать?— спросилъ слѣдователь.

— Да, съ вечернимъ поѣздомъ.

— Куда?

— Въ Петербургъ.

— Учиться?

— Нѣтъ, искать мѣсто. Тамъ у меня пріятель.

— Гм... и когда вы рѣшили свою поѣздку?

— Три дня тому назадъ, какъ ушелъ отъ Гинтовта.

— Гм... поссорились съ Гинтовтомъ, рѣшили уѣхать,— какъ-бы про себя сказалъ слѣдователь:—потомъ пошли къ Рощинымъ, гуляли до свѣту, а утромъ стали укладываться... У васъ много вещей? имущества, которое вы везти съ собой хотѣли?

— Одинъ всего чемоданъ.

— Зачѣмъ-же вы съ утра стали укладываться?

— Я хотѣлъ уже съ чемоданомъ идти къ знакомымъ и отъ нихъ ѣхать.

— Такъ! отлично!

Мямлинъ какъ будто-бы задумался и потомъ вдругъ спросилъ, словно о пустякахъ:

— Ахъ, да! не можете-ли вы припомнить, въ какомъ платьѣ вы вчера были?

Гроховъ поблѣднѣлъ. Онъ вдругъ понялъ, что попалъ въ заколдованный кругъ, что то, что онъ смутно предчувствовалъ, ближе и ближе подвигается къ нему, какъ страшная дѣйствительность.

— Я вчера былъ въ коломенковомъ пиджакѣ.

— Въ этомъ?—слѣдователь вдругъ поднялъ надъ столомъ его вчерашній пиджакъ и рубашку.

Гроховъ кивнулъ головою и почувствовалъ на своемъ лицѣ капли холоднаго пота.

Въ эту минуту передъ нимъ мелькнула отвратительная

физіономія съ краснымъ носомъ и рыжими бакенбардами, и онъ вспомнилъ, что встрѣтилъ ее, идя сюда.

— Въ этомъ? Не можете-ли вы сказать, откуда на немъ эти странныя пятна?—слѣдователь повернулъ къ Грохову запачканный рукавъ.

Гроховъ встрепенулся. Онъ заговорилъ дрожащимъ, стонущимъ голосомъ, и ему казалось, что онъ боится за свою жизнь.

— Я, гуляя, встрѣтилъ пьянаго... Да, когда одинъ гулялъ... не перебивайте меня! Онъ, можетъ, былъ и трезвый; я не знаю: было темно. Онъ схватилъ меня за плечо, требовалъ денегъ, онъ говорилъ — на ночлегъ, но зачѣмъ онъ трясъ меня за плечо? Я размахнулся и ударилъ... да, какъ вы показываете, наотмашь. Онъ закричалъ и оставилъ меня. Я пришелъ домой: у меня кровь, и на рубашкѣ кровь... Вы не вѣрите?!—почти вскрикнулъ онъ.

Послѣ его крика наступила словно гробовая тишина. Онъ обвелъ мутнымъ взоромъ комнату. Письмоводитель уткнулся въ бумагу носомъ и быстро писалъ. Слѣдователь въ упоръ смотрѣлъ на Грохова, и наглая, насмѣшливая улыбка кривила его губы.

— Вы не вѣрите?—упавшимъ голосомъ повторилъ Гроховъ:—но, клянусь Богомъ, это было все такъ!

Во время рѣчи онъ всталъ, сдѣлалъ къ столу два шага, потомъ сѣлъ снова и замолчалъ съ безнадежной тоскою.

Сотни молотковъ били въ его голову, сердце стучало громкимъ стукомъ, какой-то клубъ мыслей свивался и развивался въ его мозгу, причемъ онъ не могъ уловить ни одной связной идеи; а гробовая тишина попрежнему царила въ комнатѣ; слѣдователь попрежнему смотрѣлъ на него въ упоръ, и на губахъ его попрежнему мелькала наглая усмѣшка.

— Клянусь всѣмъ святымъ, я не виновенъ!—пролепеталъ Гроховъ.

— Въ чемъ?—съ удивленіемъ спросилъ слѣдователь.

Этотъ вопросъ срѣзалъ Грохова. Изъ его глазъ брызнули слёзы.

— Въ убійствѣ,—прошепталъ онъ.

— И все-таки, господинъ Гроховъ,—холодно отчеканилъ слѣдователь, ударяя въ бронзовый звонокъ:—я долженъ подвергнуть васъ предварительному аресту.

Гроховъ опустилъ голову. Его сразу оставили силы.

Въ комнату вошелъ сторожъ.

— Приготовили?— спросилъ слѣдователь.

— Такъ точно!

Письмоводитель подалъ Мямлину уже написанный приказъ объ арестѣ. Онъ подписалъ его.

— Проводите господина Грохова, — сказалъ онъ сторожу:—а это передайте въ канцелярію прокурора!—подалъ онъ приказъ сторожу.

— Пожалуйте, баринъ!—принимая суровый тонъ, сказалъ Грохову сторожъ.

Гроховъ всталъ...

— А, каковъ молодчикъ?—сказалъ, ухмыляясь, слѣдователь, когда Гроховъ вышелъ.

— Все разсчиталъ, хитрый! но какъ вы его допекли! самъ сознался!—воскликнулъ Шмыгра.

— Да! тутъ, очевидно, ревность!

— Не виновенъ, говоритъ!—повторилъ Шмыгра.

— Хе-хе-хе, я еще одинъ камешекъ оставилъ!

Лицо Шмыгры изобразило вопросъ. Слѣдователь самодовольно улыбнулся.

— Отчего онъ, когда раньше говорилъ о своей прогулкѣ, не упомянулъ про встрѣчу съ пьянымъ? а? Очевидно, онъ это выдумалъ вдругъ, тутъ-же, когда увидѣлъ, что мы овладѣли пиджакомъ!

Лицо Шмыгры изобразило восторгъ и изумленіе.

— Тсс...—прошепталъ онъ,—голова!

VII.

Авдотья Павловна Рощина потеряла терпѣнье.

— Я голодна, наконецъ, Проня! оставимъ ему, а сами сядемъ обѣдать. Можетъ быть, онъ еще черезъ часъ придетъ.

Проня вздохнула.

— Онъ обѣщался къ обѣду, мама, я не знаю, что съ нимъ! онъ всегда аккуратный!

— Ну, мать моя, ты какъ хочешь! а я не могу ждать,— сказала Рощина, поднимаясь съ кресла, и прошла въ кухню.

Проня была, какъ на иголкахъ. Гроховъ обѣщался придти къ обѣду, значитъ—въ три часа, а вотъ уже четыре, а его все нѣтъ. Она сперва поминутно подходила къ окошку и смотрѣла въ него, наконецъ, сѣла у окна и стала глядѣть въ него, не сводя глазъ. Ея хорошенькое личико затуманилось. Она смотрѣла и думала, что могло задержать его? а потомъ стала думать, какъ будетъ ей тяжело, когда онъ вовсе уѣдетъ. На глазахъ ея показались слезы.

Въ комнату вошла Дуня и поставила на столъ миску; слѣдомъ за нею вошла и сама Рощина.

— Ну, садись!—сказала она дочери.

— Я не хочу, мама!

— Глупости, садись! мы ему оставимъ. Онъ придетъ, станетъ ѣсть и разсказывать, что его задержало. Ты плачешь, глупенькая?—воскликнула она съ тревогой.

— Это такъ!—сконфуженно улыбаясь, сказала Проня и торопливо перешла къ столу:—мнѣ что-то грустно!

— Если ты такъ безпокоишься, напиши записку. Дуняша поставитъ самоваръ и снесетъ ему.

Лицо Прони оживилось. Она быстро встала и прошла въ спальню.

— И то, мама, я напишу ему; побраню его!

— Выругай его хорошенько.

Проня сѣла къ столику и торопливо написала:

«Милый, я измучилась! иди скорѣе. Вѣдь это послѣдній день».

Она написала эту фразу, и ей снова стало грустно.

— Ну, теперь ѣшь!—сказала мать, но Проня не могла ѣсть

— Какъ только поставишь самоваръ, сейчасъ и бѣги,— говорила она Дунѣ: — если онъ не можетъ идти сейчасъ, пусть записку дастъ!

— Господи, какая ты несносная!—воскликнула шутливо Рощина:—сядь хоть къ столу: дай мнѣ пообѣдать!

Проня сѣла. Дуня перемѣнила блюдо и пошла ставить самоваръ.

Въ сѣняхъ послышался шумъ и торопливые шаги. Проня радостно встала и вдругъ изумленно остановилась.

— Таня!—воскликнула она.

Рощина быстро обернулась.

— Танюша, что съ вами? — спросила она, въ свою очередь.

Лицо Тани разгорѣлось отъ быстрой ходьбы. Она тяжело дышала и была взволнована, но, несмотря на это, при видѣ изумленія Прони, невольно улыбнулась.

— Я! чего тутъ удивительнаго?

— Да вѣдь вы всѣ у Бѣгишева нынче!

Таня махнула рукою и устало опустилась въ кресло.

— Ахъ, все разстроилось! Вы знаете, Гинтовтъ убитъ!

Мать и дочь поблѣднѣли и вздрогнули. Пронѣ вдругъ сдѣлалось страшно.

— Когда, гдѣ?—воскликнула Рощина.

— Я его вчера видала, — прошептала Проня.

Ихъ волненіе передалось и Татьянѣ.

— Да, да, убитъ! — заговорила она оживленно: — его нашли въ канавѣ съ разбитой головою, подлѣ сада «Моя радость»! убитъ!! И вотъ я къ вамъ бѣжала, торопилась; ты, Проня, не волнуйся! это пустяки, это я такъ, по глупости, — спуталась она.

Проня въ одинъ мигъ очутилась подлѣ нея и, схвативъ ея руки, стала изступленно выкрикивать:

— Что, что? да говори-же! о, Господи!

— Проня, чего ты, успокойся! — взволнованно заговорила Авдотья Павловна: — что такое, Танюша, говорите скорѣе, говорите сразу! ну?

Татьяна совершенно смутилась. Она теперь готова была плакать въ досадѣ на свою какую-то сумасшедшую поспѣшность.

— Ахъ, да ничего! увѣряю васъ, — заговорила она, чуть не плача: — это я съ дуру, какъ всегда! Просто, Петра Александровича позвали къ слѣдователю...

— Арестовали?! — вскрикнула Проня.

Она побѣлѣла, какъ мѣлъ, глаза ея расширились, и она дрожала въ ознобѣ. Авдотья Павловна подошла къ ней и обняла ее.

— Ахъ, да нѣтъ-же! вотъ я и дура! — воскликнула Татьяна, заламывая руки: — я просто хотѣла тебя предупредить, успокоить! его такъ позвали!..

— Для показаній, — сказала Авдотья Павловна, и голосъ ея невольно дрогнулъ.

— Но вѣдь онъ не виновенъ! онъ не могъ убить! — простонала Проня.

Татьяна вскочила съ кресла и забѣгала по комнатѣ.

— Ахъ, я дура, дура! кто-же тебѣ говоритъ про его виновность. Его такъ взяли, просто; понимаешь, для слѣдствія!

— Боже, Боже! — вскрикнула снова Проня и бросилась въ кухню.

Она схватила за плечи Дуню и стала трясти ее.

— Сейчасъ! сейчасъ! — кричала она: — бѣги и узнай: дома онъ или нѣтъ. Можетъ, тамъ знаютъ! О, Господи! да иди-же! — съ отчаяньемъ вскрикнула она, видя, что Дуня стоитъ неподвижно.

Рощина поспѣшно объяснила ей, что надо, и Дуня, накинувъ платокъ, выбѣжала изъ кухни.

Проня не могла сидѣть. Ее охватилъ словно горячечный пароксизмъ. Она бѣгала по комнатѣ, подходила каждую минуту къ окошку, выбѣгала въ сѣни и, заламывая руки, вскрикивала:

— Боже, Боже! но вѣдь это нелѣпо!

Ея волоса растрепались и длинными прядями повисли на лицо. Татьянѣ становилось страшно: она схватывала руки Прони, цѣловала ее, какъ и она, металась по комнатѣ и безсвязно бормотала:

— Это я, я, дура, надѣлала! Проня, успокойся! Господи!

Авдотья Павловна не знала, что дѣлать. Разсудокъ подсказывалъ ей оставаться хладнокровной, и она начинала успокаивать обѣихъ, но черезъ мгновеніе ихъ волненіе передавалось и ей, и она начинала взволнованно кричать на нихъ, ругая ихъ сумасшедшими и въ то-же время безотчетно подчиняясь чувству страха за Грохова при мысли, что его заподозрили.

— Ну что, что? придетъ? вернулся? — осыпала Проня вопросами Дуню, когда та, запыхавшаяся, вошла въ сѣни.

— Ничего не придетъ, — отвѣтила та: — съ утра, эдто, пришли за нимъ, онъ ушелъ, и нѣтъ его.

— Господи, что-же это? — воскликнула изумленно Татьяна.

— Мама́, его арестовали! — сказала Проня.

Авдотья Павловна поблѣднѣла.

— Глупости, этого не можетъ быть, — сказала она упавшимъ голосомъ.

— Матрена сказываетъ, — заговорила снова Дуня, — какъ, эдто, онъ ушелъ, сейчасъ пришли къ нему чиновники и все какъ есть перерыли.

— Ну, да, да! — вдругъ снова завопиновалась Проня: — его подозрѣваютъ, его арестовали!

Татьяна быстро подбѣжала къ Пронѣ.

— Проня, пойдемъ! — заговорила она торопливо: — идемъ, узнаемъ! — она схватила ее за руку.

— Ахъ, идемъ, идемъ! — ничего не понимая, отвѣтила Проня и бросилась въ свою комнатку одѣваться.

— Постойте, куда вы пойдете? — заговорила Авдотья Павловна:—вамъ ничего не скажутъ, гдѣ вы и что узнаете?

— Ахъ, я знаю, знаю!—взволнованно заговорила Татьяна: — у Страусовой есть знакомый Шмыгра, онъ служитъ у слѣдователя, онъ для меня узнаетъ. Проня, скоро? — крикнула она.

Проня вышла въ кофточкѣ и шляпѣ.

— Идемъ-же! — заторопила ее Татьяна: — мы сперва къ Надеждѣ Гавриловнѣ, она скажетъ, гдѣ живетъ Шмыгра а потомъ — къ нему. Скорѣй-же.

Не прощаясь съ Авдотьей Павловной, онѣ выбежали изъ квартиры. Татьяна волновалась сильнѣе Прони. На ту, напротивъ, напало какое-то оцѣпенѣніе. Мысль, что его заподозрили, давила ее, какъ тяжелымъ камнемъ.

Дѣвица Страусова, со своею подругою Хрюминой, жила недалеко отъ Рощиныхъ. Онѣ занимали хорошенькій флигель изъ четырехъ комнатъ, въ которыхъ и помѣщались со старою служанкою, то-же дѣвою, Грунькой, и жильцомъ.

— Барышни спятъ, спятъ барышни, — заговорила какимъ-то испуганнымъ шепотомъ Грунька, когда въ сѣни вошли Татьяна и Проня.

— Можетъ, ты знаешь, гдѣ живетъ Шмыгра, тогда не буди ихъ, а скажи только его адресъ! — сказала нетерпѣливо Татьяна.

— Знаю, какже не знать-то, это съ гитарой? живетъ онъ, милыя мои, въ Мелочномъ проулочкѣ, въ домѣ Казявина, маленькій флигелечекъ во дворѣ, тамъ и живетъ, — прошептала она, таинственно кивая головою.

Татьяна съ Пронею быстро повернулись и вышли изъ сѣней. Грунька долго смотрѣла изъ дверей имъ вслѣдъ, потомъ затворила дверь, многозначительно подняла кверху брови и осторожно, на цыпочкахъ пробралась въ кухню.

Грунька была толстая, короткая дѣвка, со стриженой головой, курносымъ носомъ и изумленно-глупыми глазами. Съ двѣнадцати лѣтъ она поступила въ услуженіе къ старымъ дѣвамъ, Страусовой и Хрюминой, и успѣла у нихъ состариться, прослуживъ безъ малаго 35 лѣтъ. За это продолжительное время она пріобрѣла ненасытную жажду новостей и плавныя движенія, исполненныя какой-то таинственности, идіотскій взглядъ, выражающій изумленіе, и какой-то странный, зловѣщій шепотъ.

Она пришла въ кухню, присѣла къ столу и сгорала желаніемъ скорѣе разбудить своихъ барышенъ и разсказать имъ о странномъ посѣщеніи «гордянки», какъ звали онѣ Татьяну.

Но барышни спали, оглашая унылую тишину дома громовымъ храпомъ, и Грунька, протомившись съ четверть часа, клюнула носомъ, потомъ сложила на столѣ руки, положила на нихъ стриженную голову и тотчасъ-же захрапѣла въ тонъ своимъ барышнямъ.

VIII.

Шмыгра еще потягивался въ своей постели послѣ обѣденнаго сна. За ситцевой занавѣской, отгораживающей его спальную отъ гостинной, было темно. Онъ потягивался и сладко зѣвалъ, слыша, какъ его мать возится въ кухнѣ за самоваромъ.

Черезъ десять минутъ она ему крикнетъ: Ферапоша, вставай! — онъ встанетъ, распахнетъ занавѣску и очутится въ гостинной. Они мирно напьются чайку, а потомъ онъ раскроетъ окошко, сядетъ подлѣ него съ гитарою и станетъ вплоть до ночи перебирать струны и напѣвать вполголоса свои любимые романсы.

Шмыгра лежалъ и потягивался, какъ вдругъ до слуха его донесся стукъ дверей и женскій взволнованный голосъ, произнесшій его имя. Онъ вскочилъ, какъ ужаленный, и свѣсилъ ноги съ постели.

Послышался снова женскій голосъ, потомъ голосъ его матери и опять незнакомый голосъ.

Шмыгра дрожалъ отъ непонятнаго волненія.

— Ферапоша! — окликнула его мать: — къ тебѣ двѣ какія-то дѣвицы пришли.

Шмыгра вскочилъ и заметался за занавѣскою.

— Просите, мамаша, въ гостинную пройти!

Онъ слышалъ шелестъ платьевъ, взволнованный шепотъ.

Не сдерживая любопытства, онъ выглянулъ изъ-за занавѣски и замеръ: Татьяна Антоновна Вишнякова, своею персоною! у него!

Шмыгра отбросилъ дрянной пиджачекъ, который собирался надѣть, и снялъ съ гвоздика свой парадный сюртукъ.

Въ головѣ его проносились нелѣпыя мысли. Она, о которой онъ въ мечтаніяхъ проводилъ долгіе часы передъ сномъ, она, которая, сама не подозрѣвая того, зажгла палящимъ огнемъ его сердце!

«А, можетъ, и подозрѣваетъ; можетъ, узнала, и сама... почувствовала. Захотѣла увидѣть, ознакомиться. Понятно, она дѣвица благороднаго происхожденія, она не можетъ одна; и вотъ — взяла подругу», — мелькали у него дикія мысли и, съ сіяющимъ лицомъ, съ сіяющимъ глянцемъ дешеваго сукна на сюртукѣ, съ низкимъ поклономъ онъ отпахнулъ занавѣску и предсталъ предъ Татьяною и Проней.

Татьяна быстро двинулась къ нему.

— Вы меня не знаете? Я — Вишнякова! Мы знакомы со Страусовой и Хрюминой. Вы должны намъ помочь. Вы намъ очень, очень нужны!—проговорила она залпомъ.

Шмыгра не могъ говорить и изобразилъ цѣлую пантомиму.

Онъ откинулся и поднялъ руки, словно возмущенный,

что его Татьяна заподозрила въ незнаніи ея; потомъ дико сверкнулъ глазами и махнулъ на дверь рукою, отчего дверь быстро хлопнула и скрыла собою любопытно выставившуюся голову его матери; наконецъ, прижалъ руки къ сердцу и склонилъ голову въ знакъ полной готовности исполнить всякую, даже наипустяшнѣйшую, просьбу Татьяны.

Татьяна и Проня невольно улыбнулись.

— Слушайте, — быстро заговорила Татьяна: — говорятъ, убили Гинтовта; объ этомъ идетъ слѣдствіе. Тутъ одного, Грохова, взяли свидѣтелемъ, и онъ не возвращается. Мы хотимъ знать, что съ нимъ. Вы можете, вы тамъ гдѣ-то служите. Вы, вѣрно, знаете.

Шмыгра отшатнулся. Онъ ждалъ всего, чего угодно, кромѣ этого. Но сознаніе, что къ нему обращаются какъ къ свѣдущему лицу, возвысило его въ своихъ глазахъ, и онъ вообразилъ себя чуть не прокуроромъ. На лицѣ его отразилась холодная важность.

— Присядьте, пожалуйста! — проговорилъ онъ, указывая на рваное сидѣнье, дивана, и, когда Татьяна съ Пронею сѣли, онъ тоже опустился на кончикъ ближняго кресла и задумчиво заговорилъ: — Дѣло объ убійствѣ Гинтовта, за № 316; знаемъ! мы теперь о немъ производимъ слѣдствіе; но по закону предварительное слѣдствіе составляетъ тайну, такъ какъ при огласкѣ можетъ пострадать невинно заподозрѣнный человѣкъ, а также, благодаря гласности, преступникъ можетъ принять мѣры къ сокрытію...

— Ахъ, Господи! — воскликнула Проня, вскакивая съ дивана: — что онъ говоритъ! Таня, да спроси-же его!

— Гроховъ былъ у васъ на слѣдствіи? — спросила Татьяна.

Шмыгра нѣсколько смутился. Онъ только что вошелъ въ тонъ и хотѣлъ выложить передъ ними всѣ свои знанія, блеснуть краснорѣчіемъ, когда его такъ неделикатно перебили.

— По закону,—заговорилъ онъ снова:—предварительное слѣдствіе...

— Составляетъ тайну,—перебила Проня:—а вы не по закону!..

Она дрожала отъ волненія и почти бѣгала по комнатѣ.

«Что за дѣвченка?»—подумалъ возмущенный Шмыгра и, недовольный, принялъ видъ настоящаго сановника.

— Мы имѣемъ право привлекать въ качествѣ свидѣтеля всякое лицо, которое найдемъ необходимымъ по ходу слѣдствія...

— Ну, и его позвали!

— И если мы его сочли нужнымъ позвать, то онъ былъ позванъ, и мы снимали съ него показанія,—онъ говорилъ сухо и почти враждебно глядѣлъ на Проню.

— Слушайте, — заговорила Татьяна: — мы пришли къ вамъ, какъ къ единственному человѣку, который можетъ помочь намъ. Скажите, что вы знаете про Грохова?— она съ мольбою взглянула на Шмыгру.

Проня остановила свои нетерпѣливые шаги.

Шмыгра растаялъ. Нѣтъ, его не обманываетъ сердце: она выдумала весь этотъ разговоръ, какъ предлогъ, и, съ просіявшимъ лицемъ, онъ заговорилъ уже не прежнимъ дѣланнымъ тономъ:

— Гроховъ? это бѣлокурый молодой человѣкъ? О, да! мы его допрашивали... и, видите-ли, на основаніи... ну, да вамъ все-равно это... видите-ли, мы имѣемъ право по своему личному убѣжденію арестовать каждаго человѣка...

— Арестовать! — вскрикнула не своимъ голосомъ Проня:—вы его арестовали?

Татьяна поблѣднѣла.

— Если для насъ являются какія-нибудь данныя для подозрѣній, если, напримѣръ, говорятъ про угрозы, про ненависть, а потомъ находятъ всю рубашку въ крови и пиджакъ...

— Таня, Таня!—съ тоскою воскликнула Проня: — что онъ говоритъ?

— Да-съ,—продержалъ Шмыгра, снова входя въ роль сановника: — и коль скоро мы слышимъ очень сбивчивыя показанія и даже, можно сказать, нелѣпость относительно своего alibi, въ родѣ безцѣльнаго блужданія по улицамъ до ранняго утра, то мы, принимая все это...

— Да арестовали вы его или нѣтъ? — не выдержала, наконецъ, и Татьяна.

Шмыгра удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Ну, да! — отвѣтилъ онъ.

Проня подняла руки и воскликнула:

— Таня, они подозрѣваютъ его!

— Это глупо, — дрожащимъ голосомъ промолвила Татьяна, поспѣшно поднимаясь съ мѣста.

Проня вдругъ бросилась къ Шмыгрѣ.

— Если въ васъ есть сердце, отпустите его, — залепетала она: — клянусь, онъ не виновенъ! Вѣдь этого не можетъ быть, развѣ онъ похожъ на убійцу!

Шмыгра отшатнулся и сконфузился. Онъ никакъ не ожидалъ такого оборота.

— Я... я... что-же... — забормоталъ онъ смущенно: — если рубашка, и пиджакъ, и потомъ...

— Проня, оставь! пойдемъ! — нетерпѣливо крикнула Татьяна.

Проня, словно отъ удара, опустила голову и покорно пошла за Татьяною.

— Благодарю васъ, господинъ Шмыгра! — сказала Татьяна, и, когда онъ очнулся, въ комнатѣ никого уже не было.

Онъ вытеръ потъ, катившійся съ его лица, и глубоко вздохнулъ.

Въ комнату вошла низенькая, толстенькая старушка со сморщеннымъ въ кулачекъ лицомъ и внесла самоваръ.

— Зачѣмъ это, Ферапоша, онѣ къ тебѣ приходили? по дѣлу? — спросила она.

Шмыгра окончательно пришелъ въ себя.

— Мамаша!—воскликнулъ онъ:—сколько разъ я васъ просилъ не задавать мнѣ глупыхъ вопросовъ!

— Почему-же глупыхъ, Ферапоша?

— Почему, почему? есть служебныя тайны, мамаша!— и онъ пошелъ за занавѣску.

— Тайны?

— Да, тайны!—крикнулъ онъ оттуда и, снявъ сюртукъ, злобно швырнулъ его на постель.

Совсѣмъ не такъ онъ долженъ былъ вести себя, совершенно иначе!..

Съ мрачнымъ лицомъ онъ вышелъ снова въ комнату, принялъ отъ матери стаканъ съ чаемъ и, по обыкновенію, присѣлъ къ окошку.

Совсѣмъ иначе! Онъ долженъ былъ быть предупредительнымъ и внимательнымъ. Изящно разсказать весь ходъ дѣла и потомъ ловко перевести разговоръ на общихъ знакомыхъ.

Прихлебывая чай, онъ мысленно очаровывалъ обѣихъ дѣвицъ своею рѣчью, льющейся, какъ быстрый ручей, онъ вставлялъ комплименты, пристегивалъ стишки и упивался своимъ краснорѣчіемъ, мысленно созерцая внимательныя лица увлеченныхъ слушательницъ. Онъ уже начиналъ снова твердо вѣрить, что Татьяна Вишнякова пришла исключительно съ цѣлью познакомиться съ нимъ.

— Мамаша!—вдругъ произнесъ онъ торжественно:— Бога ради, никому не разсказывайте, что онѣ у меня были!

Старушка удивленно посмотрѣла на него.

— Хорошо, не скажу, Ферапоша!—отвѣтила она послушно.

— Вы знаете, мамаша, — съ нѣкоторой таинственностью проговорилъ онъ:—эти дѣвицы изъ такого круга, понимаете? и если узнаютъ, что онѣ посѣтили молодого

холостого человѣка, это ихъ можетъ скомпрометировать въ обществѣ. Мамаша! я долженъ оберегать ихъ честь!

— Честь, Фераноша?

— Да, мамаша. Въ высшемъ свѣтѣ на этотъ счетъ строго!

— Что-же это строго-то, Ферапоша,—сказала мать:— ты не одинъ живешь, съ матерью!

Шмыгра нетерпѣливо вздернулъ плечами.

— Васъ просятъ, мамаша, объ одномъ только: не болтать!

Онъ замолчалъ и черезъ минуту прибавилъ:

— И потомъ, если эта высокая барышня въ слѣдующій разъ одна придетъ, вы, пожалуйста, уйдите изъ квартиры, какъ будто за дѣломъ!

Старушка отъ изумленія отставила даже блюдце, съ котораго пила чай.

— Къ тебѣ? одна?

— Ну да! чего-же вы удивляетесь? Если хотите, я прибавлю: она безъ памяти меня любитъ!

При этихъ словахъ лицо Шмыгры засвѣтилось блаженствомъ. Его толстыя губы растянулись въ огромную улыбку, и глаза уставились въ одну точку.

Старушка глубоко вздохнула и молча начала убирать посуду. Въ комнатѣ стоялъ вечерній сумракъ. Шмыгра сидѣлъ подъ окошкомъ и весь отдался счастливымъ, фантастическимъ грезамъ. Ему казалось, что его затаенныя мечты начинаютъ сбываться.

* * *

Татьяна едва довела Проню до дому. Проня была словно безумная. То впадая въ какое-то оцѣпенѣніе, она не говорила ни слова, то вдругъ начинала стонать и ломать руки. Мать едва уложила ее въ постель.

Поздно вечеромъ Татьяна вернулась домой и прямо прошла въ спальню, не заглянувъ даже въ столовую,

гдѣ шумѣли постоянные гости. Ей было до боли жалко и Грохова, и Проню, и все происшедшее за день ей казалось какимъ-то глупымъ сномъ.

IX.

Усадьба имѣнья «Широкое» была расположена какъ разъ на столбовой дорогѣ. Огромный помѣщичій домъ, отдѣленный отъ дороги небольшой дубовой аллеей, напоминалъ своею архитектурою всѣ старинные помѣщичьи дома.

Дубовая аллея вела къ широкому подъѣзду съ верандой, надъ которымъ былъ расположенъ огромный открытый балконъ, подпираемый деревянными колоннами. Широкій, просторный двухэтажный домъ былъ украшенъ двумя башенками съ крытыми балкончиками. Справа и слѣва были раскинуты службы и различныя пристройки, а позади, на далекое пространство, протянулся роскошный паркъ, по самой серединѣ пересѣченный рѣкою и своею опушкою выходившій въ безконечныя поля.

Но, несмотря на природное богатство и слѣды прежней роскоши, усадьба имѣла унылый, запущенный видъ. Бѣгичевъ второй годъ жилъ въ своей усадьбѣ, пріѣхавъ въ нее совершенно неожиданно, и въ своемъ томительномъ бездѣйствіи ни разу не обратилъ вниманія на мрачную запущенность, окружающую его въ имѣньи.

Положимъ, онъ большую часть времени проводилъ въ городѣ, до котораго было всего четыре часа ѣзды, но если-бы онъ и жилъ въ своемъ домѣ, онъ врядъ-ли отнесся-бы къ нему внимательнѣе, погруженный весь въ самого себя и свои невеселыя думы.

Алексѣю Николаевичу Бѣгичеву шелъ всего 34-й годъ, но онъ казался гораздо старше своихъ лѣтъ; его лицо носило на себѣ печать утомленія: блѣдное, всегда усталое, съ сѣтью мелкихъ морщинъ вокругъ глазъ; въ его свѣтлыхъ волосахъ на бородѣ и усахъ можно было-бы [illegible]

считать много сѣдыхъ волосъ, если-бы приглядѣться внимательнѣе; его движенія, манеры, взглядъ, все говорило, что онъ испыталъ и пережилъ въ своей жизни многое, но это пережитое, очевидно, не было тѣмъ безумнымъ разгуломъ, въ которомъ люди его положенія прожигаютъ свои лучшіе годы.

Алексѣй Николаевичъ производилъ впечатлѣніе утомленнаго человѣка, но это утомленіе не было физическое утомленіе жизнью, а результатъ ему одному извѣстныхъ нравственныхъ потрясеній и разочарованій.

Но сегодня, проснувшись раннимъ утромъ, онъ былъ весь день какъ-то странно возбужденъ.

Онъ обошелъ весь домъ и распорядился привести комнаты въ порядокъ; онъ зашелъ въ конюшню, заглянулъ въ сараи, спустился въ кухню, и старый Осипъ, бывшій еще до освобожденія крестьянъ дворецкимъ, едва успѣвалъ слѣдить за распоряженіями барина.

Съ одиннадцати часовъ возбужденіе Бѣгишева стало возрастать. Онъ нетерпѣливо ходилъ по комнатамъ, заглядывалъ въ окна, выходилъ на террасу и даже два раза поднимался на одну изъ башенокъ, пристально смотря на дорогу.

Онъ ждалъ гостей, съ которыми должна была пріѣхать Татьяна, и не могъ преодолѣть своего волненія.

Время отъ времени онъ разыскивалъ Осипа, находилъ его и спрашивалъ:

— Феногенъ не возвращался?

— Никакъ нѣтъ-съ! не видать было, — отвѣчалъ Осипъ.

— Что-бы это значило?—задумчиво говорилъ Бѣгишевъ.

Осипъ ожидалъ.

— Извѣстно, — говорилъ онъ: — мужиченко! нѣшто у него есть правила? нѣшто онъ блюдетъ себя? теперь, изволите видѣть, вездѣ распущенность, одна пакость! уѣхалъ да и пьетъ. Вотъ и все; и очень просто; налилъ зѣнки и спитъ.

Бѣгишевъ задумчиво отходилъ отъ него и снова шелъ на террасу глядѣть на дорогу, а Осипъ продолжалъ ворчать, приводя сравненіе между теперешнимъ мужикомъ и прежнимъ.

Бѣгишевъ терялъ терпѣніе. Послѣдній разъ онъ взошелъ на балконъ башенки, долго смотрѣлъ на дорогу и, наконецъ, спустился внизъ и сошелъ въ садъ.

Густыя деревья накрыли его своею тѣнью. Онъ медленно дошелъ до рѣки и тамъ сѣлъ на берегу, на широкій пень огромной, для чего-то спиленной, липы.

Рѣка тихо катилась, сверкая на солнцѣ тысячами стальныхъ иглъ. Она выходила изъ густой чащи кустарниковъ, словно рождаясь въ нихъ, и, прокатившись шаговъ триста скрывалась изъ глазъ за излучиной.

На той сторонѣ сквозь порѣдѣвшія деревья виднѣлось безпредѣльное поле. Кругомъ было тихо, какъ бываетъ въ природѣ въ жаркій томительный полдень. Гдѣ-то лѣниво долбилъ дятелъ да стрекотали кузнечики.

Бѣгишевъ утомленно опустилъ голову и задумался. Грустная усмѣшка скользнула по его губамъ. Чего онъ волнуется? Откуда эта новая жажда жизни, когда ея уже не надо?..

Правда-ли, не надо? По крайней мѣрѣ, онъ такъ думалъ, когда ѣхалъ сюда, въ холодный ненастный день полтора года тому назадъ. Онъ думалъ иначе, когда у него вдругъ появилась красавица-жена, но день за днемъ онъ разочаровывался въ ней, и наступилъ моментъ, когда они оба сразу сознали, что имъ надо разъѣхаться.

Гдѣ она теперь? Вѣроятно, гдѣ-нибудь на водахъ; но не все-ли ему равно! Онъ аккуратно вноситъ условленную сумму ея повѣренному, и ея участь его нисколько не безпокоитъ.

Это былъ первый ударъ, но онъ еще хотѣлъ жить; хотѣлъ жить для своего крошки-сына, котораго бросила мать, который для него являлся и смысломъ, и оправданіемъ

всей его безцвѣтной жизни. Пробилъ часъ, и его мальчикъ умеръ, умеръ отъ дифтерита, въ 26 часовъ, такъ что бѣдный отецъ не смогъ даже понять силы безсмысленнаго удара, поразившаго его.

И для него тогда жизнь утратила свое значеніе.

Странно, но никакая честолюбивая мечта не волновала его, никакихъ стремленій не ощущалъ онъ въ своемъ сердцѣ, и со смертью ребенка ему казалось, что въ немъ умерли всѣ импульсы жизни.

Онъ бросилъ службу, игнорируя блестящую карьеру, бросилъ Петербургъ съ родной ему атмосферою и переѣхалъ сюда, въ глухую усадьбу. Онъ искалъ покоя и уединенія. Что онъ будетъ дѣлать дальше, онъ не зналъ, и хотѣлъ только отдохнуть ото всего пережитаго.

Мѣсяцевъ девять онъ жилъ одинъ, ни съ кѣмъ не сносясь, пока его снова не потянуло къ людямъ. Онъ поѣхалъ въ городъ и сталъ членомъ мѣстнаго клуба.

Тамъ онъ познакомился съ Гинтовтомъ, этимъ старымъ сластолюбцемъ-лицемѣромъ, дающимъ въ ростъ деньги и не стѣсняющимся въ способахъ къ достиженію желаемаго и къ удовлетворенію своихъ грязныхъ страстишекъ.

Черезъ него онъ вошелъ въ домъ Вишняковыхъ, и вдругъ весь строй его мыслей измѣнился, какъ и порядокъ его жизни.

Онъ пересталъ быть затворникомъ, хотя лицо его оставалось все такъ-же грустно, какъ и прежде, почти каждый день сталъ бывать въ городѣ. Не видѣть Татьяны, не слышать ея саркастической рѣчи стало для него лишеніемъ. Онъ не замѣчалъ, какъ съ каждымъ днемъ сильнѣе увлекался этой дѣвушкой и только тогда очнулся и рѣшился провѣрить свои чувства, когда любовь къ ней стала для него несомнѣнной истиной.

Любовь къ ней! Онъ сравнивалъ свои чувства къ ней и къ женѣ, когда та была еще дѣвушкой.

Нѣтъ, эти чувства сравнить нельзя. Онъ видѣлъ

въ Татьянѣ дикарку, его разсказы о петербургской и заграничной жизни казались ей волшебными сказками, его слова, когда онъ говорилъ съ ней объ искусствѣ, политикѣ, наукѣ, казались ей откровеніемъ, и ему нравилось видѣть, какъ она — гордая, неприступная красавица со всѣми, — дѣлалась передъ нимъ застѣнчивой дѣвочкой.

Тутъ не было никакихъ параллелей. Онъ только любовался той и не обмѣнялся съ нею ни одной мыслью. И гдѣ было говорить съ нею? они видѣлись въ залахъ выставокъ, въ фойѣ театровъ, въ гостинныхъ знакомыхъ или на шумныхъ балахъ. Ихъ рѣчи ограничивались банальными фразами, и любовь загоралась въ немъ отраженнымъ пламенемъ, при обманчивомъ свѣтѣ электрическихъ лампъ, въ атмосферѣ лжи и лицемѣрія, среди блеска и роскоши мишурнаго довольства.

Нѣтъ, тутъ не могло быть сравненій.

И, когда онъ созналъ свое чувство, онъ испыталъ снова жгучее страданье. Онъ для нея уже старъ, онъ, наконецъ, женатый. Женатый! онъ на время отогналъ отъ себя мысль о любви и старался забыться. Временное очарованіе пройдетъ, и онъ освободится отъ этой пытки.

Но, когда онъ вдругъ узналъ планы Гинтовта и понялъ поведеніе матери Татьяны, онъ созналъ, что страданія начинаютъ превышать мѣру. Онъ хотѣлъ уѣхать, хотѣлъ убить себя и, наконецъ, рѣшилъ сказать все Татьянѣ и умолить ее отказать Гинтовту.

Онъ это сдѣлаетъ сегодня, тотчасъ, какъ только они пріѣдутъ...

Онъ очнулся отъ думъ и встряхнулъ головою, словно сбрасывая съ себя ихъ тяжелый грузъ. Потомъ онъ медленно пошелъ къ дому.

Навстрѣчу ему бѣжалъ Осипъ.

— Баринъ, Феногенъ пріѣхалъ! — подбѣгая, сказалъ онъ взволнованно: — бѣда случилась! такіе разсказываетъ страхи, ужасти, просто!

Бѣгишевъ быстро пошелъ къ дому. На террасѣ безъ шапки стоялъ Феногенъ.

— Что случилось? — поспѣшно спросилъ у него Бѣгишевъ.

— Этто, я ѣхалъ, батюшка баринъ, — началъ Феногенъ: — и вдругъ убитый, сичасъ, этто, полицію, и меня: показаніе то-исть.

— Кто убитый? что ты несешь?

— Никакъ нѣтъ-съ; сущую правду! и сичасъ протоколъ: что и какъ, потому это я нашелъ; ну, и задержка выходитъ.

Бѣгишевъ понялъ его безсвязную рѣчь.

— Кто-же убитый-то? — спросилъ онъ.

— А господинъ Гинтовтъ оказалися! Потомъ и я ихъ призналъ. Значитъ, у господъ Вишняковыхъ...

— Гинтовтъ?! — не своимъ голосомъ воскликнулъ Бѣгишевъ и въ то-же мгновеніе почувствовалъ, какъ безумная радость охватила его сердце.

— Такъ точно! Ихъ, значитъ, кто-то по головѣ ударилъ, и всю это голову, какъ есть, то-исть! — Феногенъ приложилъ свой кулакъ къ виску, наглядно показывая, какъ опустился ударъ на голову Гинтовта.

Бѣгишевъ не слышалъ его словъ. Мысли вихремъ проносились въ его головѣ, и яснѣе всѣхъ выдѣлялось сознаніе, что Татьяна теперь снова свободна, что чья-то невѣдомая рука вдругъ устранила съ дороги тотъ ужасный призракъ, который послѣднее время мѣшалъ думать, жить, дышать ему, Бѣгишеву, снова почувствовавшему жажду жизни и безграничную силу любви.

Онъ отвернулся отъ Феногена и быстро сошелъ въ садъ. Онъ долженъ былъ остаться одинъ и собраться съ мыслями.

X.

Захаръ Васильевичъ Мямлинъ, съ огромнымъ портфелемъ подъ мышкою, быстро ѣхалъ къ зданію окружнаго суда, въ нетерпѣніи, то и дѣло подгоняя извозчика.

Лицо его сіяло удовольствіемъ. Сегодня онъ рѣшился сдѣлать послѣдній энергичный шагъ. Онъ вызвалъ для показаній Прасковью Андреевну Рощину («любовь» Грохова). Онъ ее запугаетъ, а потомъ разрѣшитъ свиданіе съ Гроховымъ, и она уговоритъ его чистосердечно во всемъ сознаться.

При послѣдней мысли лицо слѣдователя сурово нахмурилось.

Вѣдь вотъ, кажется, простое дѣло. Всѣ улики на лицо. И подозрительное ночное гулянье, и окровавленная одежда съ глупымъ вымысломъ, а нѣтъ... нельзя представить картины убійства; чѣмъ убилъ, какъ убилъ, о чемъ говорили?... ужасно глупо, а мальчишка упорствуетъ.

Мямлинъ окончательно нахмурился, чувствуя, что онъ безсиленъ передъ упорствомъ Грохова, и сознавая, что такими данными прокуроръ, навѣрное, останется недоволенъ при составленіи обвинительнаго акта.

Слѣдствіе такъ быстро и гладко пошло сначала—и вдругъ такой глупый тормазъ. Вся надежда на сыщиковъ и Рощину.

Въ окончательно испорченномъ настроеніи духа, Мямлинъ слѣзъ съ пролетки и вошелъ въ подъѣздъ зловѣщаго зданія суда. Шаги его звонко раздались по коридору.

Онъ вошелъ въ свою камеру. Шмыгра сидѣлъ уже у своего столика и мечательно глядѣлъ на противоположную стѣну. Онъ мысленно воспроизводилъ образъ Татьяны и глубоко вздыхалъ; со дня ея появленія въ его квартирѣ, она окончательно заняла всѣ его мысли.

— Маменька, если я женюсь на ней...—говорилъ мечтательно Шмыгра за вечернимъ чаемъ.

— Ну, что ты, въ умѣ-ли!—перебивала его старуха:— и придетъ-же человѣку такая блажь въ голову!

— Маменька!—восклицалъ Шмыгра:—не перебивайте меня! Дайте излить свое сердце!.. Когда я женюсь, маменька, на ней,—повторялъ онъ снова и начиналъ вслухъ строить планы своего будущаго образа жизни и рисовать самыя заманчивыя картины семейнаго счастья.

Онъ забросилъ свою гитару и въ этихъ мечтахъ и разговорахъ проводилъ большую часть свободнаго времени. Иногда, впрочемъ, онъ выходилъ гулять и тогда, по два часа и больше, ходилъ подъ окнами квартиры Вишняковыхъ.

— Повѣстка послана?—рѣзко спросилъ Мямлинъ, нескоро поздоровавшись со Шмыгрою.

— Вчера, какъ сказали,—отвѣтилъ Шмыгра, выведенный изъ своихъ мечтаній.

— Приготовьте все къ слѣдствію,—сказалъ Мямлинъ и безпокойно заходилъ по крошечной камерѣ.

Шмыгра давно не видалъ его въ такомъ состояніи. Нахмуривъ брови и подобравъ нижнюю губу, Мямлинъ выглядѣлъ особенно мрачно.

— Знаете, Ферапонтъ Кондратьевичъ, — проговорилъ онъ, вдругъ остановившись: — я начинаю сомнѣваться въ своихъ способностяхъ.

Шмыгра откинулся съ жестомъ самаго горячаго протеста.

— Да, да, сомнѣваюсь! — повторилъ Мямлинъ съ горечью.—Знаете, Шмыгра, я сперва мечталъ быть поэтомъ, я даже писалъ стихи.

Лицо Шмыгры выразило изумленіе.

— Потомъ я оставилъ стихи; впрочемъ, стихи меня оставили, и вотъ я сталъ мечтать сдѣлаться заступникомъ угнетенныхъ и невинныхъ, да! я мысленно произносилъ свои рѣчи; но знаете, Шмыгра, удивительная вещь: онѣ всегда были скорѣе обвинительнаго характера. Я тогда

понялъ, Шмыгра, что мое призваніе—прокуроръ! да! и вотъ, я дѣлаюсь сначала слѣдователемъ, и тутъ...

Онъ остановился и со злости топнулъ ногою.

— Но вы-же проявляете изумительную прозорливость,— воскликнулъ Шмыгра, тряся своею кудлатою головою.

— Оставьте!—остановилъ его Мямлинъ: — я открылъ тогда поджогъ, вы на это намекаете? положимъ. Я привелъ къ сознанію Федьку Безроднаго, такъ! Положимъ, я произвелъ слѣдствія по 40 дѣламъ, и всѣ привлеченные мною не могли увернуться и пошли въ Сибирь. Но, теперь этотъ, этотъ!—воскликнулъ онъ съ яростью:—преступленіе ясно! Мотивы, улики, — все есть! но картины нѣтъ, сознанія нѣтъ — и все прахомъ! Придется посылать такой матеріалъ, изъ котораго трудно сдѣлать безусловное обвиненіе!—сказалъ онъ уныло.

— Вѣдь всего двѣ недѣли прошло!—утѣшительно замѣтилъ Шмыгра.

— А убійца былъ открытъ въ одни сутки! въ одни сутки, Шмыгра!

Слѣдователь въ волненіи называлъ всегда Шмыгру по фамиліи.

Въ эту минуту въ камеру вошелъ сторожъ и подалъ Мямлину распечатанную повѣстку.

— Барышня пришла, Рощина!—заявилъ онъ.

Мямлинъ встрепенулся.

— Проси, проси!—сказалъ онъ и торопливо пошелъ за свой столъ, гдѣ и усѣлся съ грознымъ, нахмуреннымъ видомъ.

— Притворитесь занятымъ, — шепнулъ онъ Шмыгрѣ, но дверь отворилась, и Шмыгра не могъ исполнить приказанія Мямлина, потому что застылъ въ изумленіи съ разинутымъ ртомъ.

Въ комнату вошла та самая барышня, которая была у него съ Татьяною и кричала на него. Изумленіе Шмыгры перешло въ страхъ: вдругъ она разскажетъ Мямлину о

своемъ посѣщеніи Шмыгры и объ его болтовнѣ. Онъ похолодѣлъ отъ ужаса и уткнулся торопливо въ разложенный передъ нимъ листъ бумаги, приготовивъ перо для записыванія показаній свидѣтельницы.

Проня вошла и робко остановилась у двери.

Смотря теперь на ея смущеніе, поблѣднѣвшее личико, трудно было думать, что такъ недавно оно дышало здоровьемъ и счастьемъ. Да, она сильно мучилась за послѣднее время.

Она была послѣ Шмыгры у слѣдователя, прокурора, предсѣдателя суда, добиваясь свиданія съ Гроховымъ, и вездѣ получила отказъ. Она провела двѣ томительныхъ недѣли, ничего не зная, не слыша о немъ, кромѣ глупыхъ сожалѣній и сочувственныхъ вздоховъ, подъ которыми ей ясно чувствовалось обвиненіе ея любимаго Пети въ страшномъ преступленіи.

И вотъ, черезъ двѣ недѣли, она получила холодную повѣстку, требовавшую ее къ слѣдователю для снятія свидѣтельскаго показанія. Она всю ночь не могла сомкнуть глазъ отъ волненія и едва дождалась минуты, когда можно будетъ идти къ слѣдователю.

При взглядѣ на нее, Мямлинъ не смогъ удержать инквизиторскаго выраженія своего лица и, выйдя изъ-за стола, поспѣшно подошелъ къ Пронѣ.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, присядьте, ничего страшнаго васъ не ожидаетъ!—заговорилъ онъ, предупредительно подавая Пронѣ руку.

Проня сдѣлала надъ собою усиліе и, устранивъ его услугу, подошла къ стулу и опустилась на него.

— Подайте воды, Ферапонтъ Кондратьевичъ,—суетился Мямлинъ.

Шмыгра поспѣшно налилъ стаканъ воды. Проня отпила нѣсколько глотковъ.

— Вотъ такъ, теперь отлично!—сказалъ успокоительно Мямлинъ и пролѣзъ снова за свой столъ.

Проня немного успокоилась.

— Вы меня пригласили по дѣлу моего жениха,—сказала она слабымъ, ровнымъ голосомъ.

Мямлинъ встрепенулся. Онъ не ожидалъ, что она такъ сразу откроетъ свою близость къ Грохову.

— Жениха?—повторилъ онъ, какъ-бы изумляясь:—о, тѣмъ лучше! Я увѣренъ, что вы все сдѣлаете для его пользы!

Онъ замолчалъ и суетливо сталъ рыться въ своихъ бумагахъ.

Проню опять охватило волненіе.

Мямлинъ поднялъ, наконецъ, свою крошечную, бѣлобрысую голову и заговорилъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Да, я не сомнѣваюсь, что вы намъ поможете окончить это несчастное дѣло. Въ силу симпатій, нельзя не относиться къ нему сочувственно. О, да, это все такъ просто. Молодой, пылкаго характера, чистый и честный юноша, вдругъ вспыхнулъ, раздражился и... да, это все могло случиться, присяжные, навѣрное, оцѣнятъ его молодость, поймутъ эту вспышку...

Проня слушала его, широко раскрывъ глаза, и, по мѣрѣ его словъ, на лицѣ ея отражался все бо́льшій ужасъ.

— Что вы говорите?—воскликнула, наконецъ, она:—какіе присяжные?

Мямлинъ снисходительно улыбнулся.

— Простите, я увлекся, вы не знаете всѣхъ обстоятельствъ...

— Онъ не виновенъ, онъ не можетъ быть убійцей!—воскликнула съ тоскою Проня.

Мямлинъ улыбнулся снова.

— Вѣроятно, вамъ господинъ Гроховъ разсказывалъ про свою ссору съ Гинтовтомъ? да! я такъ и зналъ. Но онъ, навѣрное, не говорилъ вамъ про свои угрозы. И лакей, и прислуга Гинтовта слыхали, какъ онъ обѣщался убить его, какъ собаку...

— Неправда, онъ говорилъ мнѣ и это!—горячо перебила его Проня.

— Говорилъ?! — Мямлинъ сдѣлалъ удивленное лицо, но потомъ тотчасъ оправился. — Говорилъ, тѣмъ лучше! Такъ вотъ, видите-ли, послѣ этого на третью ночь Гинтовта нашли убитымъ; это вѣдь вамъ извѣстно? такъ! а въ ту-же ночь вы изволили гулять съ Гроховымъ до.....

— До полночи и видѣли Гинтовта, — горячо вставила Проня.

Мямлинъ кивнулъ Шмыгрѣ, и Шмыгра тотчасъ заскрипѣлъ перомъ.

— Видѣли, гдѣ-же?

— Онъ входилъ въ садъ «Моя радость». Мы стояли въ сторонѣ и видѣли, какъ онъ прошелъ...

На лицѣ Мямлина отразилась радость.

— Такъ, такъ,—сказалъ онъ:—но это къ дѣлу не относится. Гинтовта нашли убитымъ, разъ. Гроховъ не возвращался домой до утра, два. У него нашли рубашку и пиджакъ въ крови, три. Далѣе, онъ началъ разсказывать, что всю ночь онъ, такъ, бродилъ по улицамъ, что не знаетъ, откуда кровь, и, наконецъ, торопился уѣхать отсюда...

Проня нервно встала со стула.

— Все это ложь, ложь!—заговорила она, сверкая глазами:—если онъ это говоритъ — неправда! онъ не убивал, это вы все такъ подсочинили!

— Что-же, вы знаете, откуда у него на рубашкѣ кровь?

Проня опустилась на стулъ, какъ подкошенная.

— Вы знаете, гдѣ онъ провелъ всю ночь? — продолжалъ слѣдователь и вдругъ заговорилъ ласковымъ голосомъ:—успокойтесь, вѣдь это со всякимъ можетъ случиться. Одинъ ударъ... въ раздраженіи... Надо только, чтобы онъ самъ сказалъ намъ это, все-бы сказалъ. И тогда... помилуйте, кто осудитъ его?!

Проня закрыла лицо руками и, вздрагивая отъ волненія, чуть слышно говорила:

— Ложь, ложь!

— Да! и онъ этого не хочетъ понять; онъ раздраженъ! вотъ видите, я и позвалъ васъ, чтобы попросить. Сходите къ нему, поговорите съ нимъ, вы тогда все поймете, все почувствуете сами и ужъ будете знать, что для него полезно.

Проня при этихъ словахъ снова встрепенулась, какъ отъ электрическаго удара.

— Вы позволяете? я увижу его? Когда-же, когда?— спросила она, вся вздрагивая.

— Хоть сейчасъ!—спокойно отвѣтилъ Мямлинъ, надавливая кнопку звонка.

— О, спасибо вамъ!—сказала восторженно Проня:— если-бы вы знали, какъ я измучилась! что я ни передумала, что ни пережила! Я увижу его, я буду говорить съ нимъ!

— Сведите эту барышню къ смотрителю. Пусть онъ позволитъ ей свиданіе съ № 17. Я вамъ дамъ пропускъ,— сказалъ Мямлинъ при появленіи на его звонокъ сторожа.

Онъ подписалъ пропускъ и подалъ его Пронѣ.

— Благодарю, благодарю! — горячо сказала Проня:— правда, сейчасъ можно!

— Сію минуту! онъ васъ проводитъ! — предупредительно сказалъ Мямлинъ, указывая на сторожа.

— Идемъ, идемъ!—воскликнула Проня и быстро двинулась къ двери.

Сторожъ пошелъ за нею.

— Ну-съ,—сказалъ Мямлинъ по уходѣ ея:—дѣло въ шляпѣ!

Шмыгра съ восторженной улыбкою вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Да, эта дѣвченка узнаетъ правду и заставитъ его сознаться! — онъ задумчиво прошелся по комнатѣ.—Вы знаете!—вдругъ сказалъ онъ Шмыгрѣ:—она съ нимъ обвѣнчается и за нимъ въ Сибирь пойдетъ!

Шмыгра закивалъ головою, хотя знать этого онъ никакъ не могъ, а Мямлинъ вышелъ изъ комнаты и по коридору направился къ кабинету прокурора.

— Ну что? какъ дѣло о Гинтовтѣ?—спросилъ Мямлина прокуроръ.

Это былъ коренастый, низенкій господинъ, съ краснымъ лицомъ, толстымъ носомъ и сѣдыми бакенбардами-котлетками.

— Дѣло въ шляпѣ, Петръ Фомичъ!—довольно весело сказалъ Мямлинъ.

— А! что-же?

Мямлинъ передалъ свиданіе съ Проней и надежды на нее.

Прокуроръ пожалъ плечами и нахмурился.

— Вѣдь все дѣло тутъ въ сознаніи, за сознаніемъ остановка!—видя недовольство прокурора, пробормоталъ Мямлинъ.

— Да какъ-же сознаться, если онъ не убилъ?—спросилъ рѣзко прокуроръ.

Мямлинъ отшатнулся.

— Это такъ ясно!

— Для васъ однихъ ясно. Я читалъ вчера дѣло. На этихъ данныхъ нельзя строить обвиненія! чѣмъ убилъ? за что убилъ? какъ убилъ?

— Онъ-же угрожалъ?

— Да я, играя въ винтъ, два раза обѣщался задушить Казиміра Григорьевича! Вдругъ, его задушатъ. Подозрѣніе на меня?..

— Онъ-же всю ночь былъ неизвѣстно гдѣ!

— Шатался! и вы такъ шатались пять лѣтъ назадъ, и я въ 20 лѣтъ, да еще стихи писалъ!

— У него нашли кровь!

— Докажите, откуда. Вы должны все доказать!

Мямлинъ былъ совершенно сбитъ съ толку.

— Какое-же ваше мнѣніе, Петръ Фомичъ?—робко спросилъ Мямлинъ:—что-же, убилъ не онъ?

— Основанія очень шаткія: по моему, могъ убить и онъ, могъ и не онъ. Фактъ, что убитый на лицо; значитъ, долженъ быть и убійца. По моему, нельзя успокоиться на Гроховѣ. Надо искать, продолжать искать. Можетъ, наткнетесь на новый слѣдъ, болѣе вѣрный. А то на-те, поймали юношу, заподоврили, и баста! все кончено! Нѣтъ, надо искать, еще искать!!.

XI.

Гроховъ измучился. Вторую недѣлю онъ сидѣлъ въ одиночномъ заключеніи, окруженный неизвѣстностью, лишенный возможности сообщенія съ внѣшнимъ міромъ.

Онъ думалъ о Пропѣ, и его сердце обливалось кровью. Что она думаетъ, какъ она себя чувствуетъ, можетъ, захворала, а можетъ, услышала о страшномъ обвиненіи и... повѣрила. При этой мысли вся кровь приливала къ его лицу, и онъ чувствовалъ, что теряетъ разсудокъ.

Къ довершенію всего слѣдователь не давалъ ему покоя. Не проходило дня, чтобы онъ не призывалъ его къ себѣ въ камеру или не заходилъ къ нему и каждый разъ мучилъ его, убѣждая чистосердечно сознаться въ мерзкомъ преступленіи. Гроховъ отказывался, иногда, теряя терпѣніе, выходилъ изъ себя и послѣ каждаго такого свиданія все сильнѣе и сильнѣе падалъ духомъ, чувствуя свое полное безсиліе.

Ему казалось, что онъ попалъ въ какой-то роковой, заколдованный кругъ. Онъ чувствовалъ, что никакія клятвы не могутъ въ этомъ случаѣ разсѣять подозрѣній и что въ такомъ серьезномъ дѣлѣ его безцѣльная ночная прогулка и встрѣча съ пьянымъ неминуемо должны казаться глупою, мальчишеской уверткой.

Это состояніе и эти мысли мучили его и физически, и нравственно. Онъ въ теченіе двухъ недѣль не зналъ ни одного часу покойнаго сна и ни разу не чувствовалъ здороваго аппетита.

Онъ безпокойными шагами ходилъ по небольшой комнатѣ, меблировку которой составляли желѣзная кровать и столикъ, и въ тысячный разъ передумывалъ свое положеніе, когда услышалъ шаги, звяканья ключей и, наконецъ, шумъ отодвигавшагося засова.

«Опять слѣдователь»,—подумалъ онъ съ тоскою, устремляя тревожный взглядъ на дверь, и вдругъ съ радостнымъ крикомъ рванулся впередъ.

— Проня!—закричалъ онъ, протягивая руки.

— Петя!

И взволнованный Гроховъ сталъ обнимать прижавшуюся къ его груди, трепещущую и плачущую отъ волненія Проню.

— Милая моя, голубка моя, пустили!—лепеталъ онъ, цѣлуя ея волоса.

Дверь въ камеру затворилась; они остались одни.

— Проня, да покажись, милая! Посмотри на меня!—зашепталъ Гроховъ, стараясь приподнять ея голову.

Она подняла голову, увидѣла его пожелтѣвшее, исхудалое лицо и снова заплакала. Она вдругъ почувствовала всю величину его несчастія.

— Проня, милая,—растерянно заговорилъ Гроховъ,—перестань, что съ тобою? ты, можетъ...

У него внезапно мелькнула ужасная мысль, но онъ не былъ въ состояніи ее высказать. Проня поняла его и сразу сдержалась отъ слезъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, что ты подумалъ, милый!—сказала она, торопливо вытирая слезы и стараясь улыбнуться:—я просто обрадовалась тебя увидѣть.

Гроховъ грустно улыбнулся, разглядѣвъ и ея поблѣднѣвшее личико.

— Въ нерадостномъ мѣстѣ встрѣтились!—грустно сказалъ онъ.

Проня встрепенулась. Она подумала, что должна дать ему силу, а не разстраивать его.

— Это временное,—сказала она:—что-же мы стоимъ? Сядемъ!

Они сѣли на кровать и нѣсколько времени сидѣли молча, держа другъ друга за руки.

— Думалъ-ли я, что на меня свалится такой камень?—сказалъ тихо Гроховъ.

— Ахъ, брось это!—нетерпѣливо перебила его Проня:—все это пройдетъ! Потомъ станемъ вспоминать и смѣяться. Ты скажи лучше, какъ тебѣ живется?..

И она стала торопливо засыпать его вопросами.

Хорошо-ли кормятъ? Не нужно-ли ему чего? Позволяютъ-ли курить? читать? Гуляетъ-ли онъ? Хорошо-ли спитъ? ѣстъ?

Гроховъ вяло отвѣчалъ на ея вопросы, занятый теченіемъ своихъ мыслей.

— Главное, тутъ то ужасно,—заговорилъ онъ снова, когда Проня на минуту замолчала,—что я попалъ въ какой-то заколдованный кругъ. Я не могу изъ него выбраться. Вѣдь что-же, развѣ мои клятвы и честныя слова могутъ быть приняты во вниманіе?

— Петя, что ты говоришь?!—съ мольбой произнесла Проня:—вѣдь ты чистъ! что-же они могутъ сдѣлать?

— Все, все!—вдругъ съ отчаяньемъ воскликнулъ Гроховъ:—они меня уже опозорили подозрѣніемъ, потомъ они станутъ меня судить, лишатъ правъ и пошлютъ на каторгу! все, Проня, все!

Онъ схватился руками за голову и въ отчаяньи вскочилъ съ кровати.

— Понимаешь? И я безсиленъ!.. Но я усталъ, кончено! Теперь ихъ дѣло. Пусть они теперь докажутъ, что я убійца, пусть докажутъ! Пусть докажутъ!—закричалъ онъ изступленно.

Испуганная Проня протянула съ мольбою къ нему руки.

— Пусть докажутъ! Я не ночевалъ дома, хорошо! Рубашка въ крови, хорошо! Но кто видѣлъ, какъ я убилъ, чѣмъ я убилъ, какъ завлекъ его изъ сада? А? Пусть они мнѣ все это разскажутъ! Пусть!

— Петя, Петя!—воскликнула Проня.—Милый мой, сядь, успокойся! Слушай!—вдругъ заговорила она восторженно,—ты знаешь, что ты чистъ; я, Таня, мама вѣримъ въ твою правду. Чего тебѣ еще? Они? Да что они могутъ сдѣлать? Они тебя осудятъ, пошлютъ на каторгу, пусть! Твоя правда съ тобой, и я съ тобой! Я пойду за тобою вездѣ, вездѣ! Чѣмъ намъ будетъ тяжелѣе, тѣмъ я крѣпче буду любить тебя. И, вѣрь, настанетъ время, Петя,—тутъ ея голосъ зазвенѣлъ отъ волненія,—когда найдется настоящій преступникъ, и правда останется правдой! Милый мой!

Она протянула ему руки, а онъ, потрясенный ея словами, упалъ на колѣни и прижался къ ея рукамъ лицомъ. Она ласкала его, какъ ребенка, и тихо говорила ему о своей любви, чувствуя, какъ вся сотрясается отъ нервнаго озноба.

— Петя, еще одно слово, — произнесла она вдругъ, почти шепотомъ.

Гроховъ поднялъ голову.

— Петя, скажи мнѣ,—зашептала она,—откуда у тебя рубашка въ крови была?

Гроховъ вскочилъ на ноги.

— Вѣдь, я объяснилъ имъ, Проня, они не вѣрятъ!—воскликнулъ онъ и, опять взволновавшись, разсказалъ ей про свою встрѣчу съ пьянымъ.

Лицо Прони озарилось улыбкой. Она боялась этого вопроса и, предлагая его, замерла отъ ужаса. Итакъ, слѣдователь для чего-то совралъ: все это такъ просто, ясно.

— Милый, какъ я боялась!—ласково проговорила она.

Въ этотъ моментъ дверь отворилась, и на порогѣ показался смотритель

— Прошелъ часъ!—сказалъ онъ.

— Уже?!—съ тоскою прошепталъ Гроховъ.

Проня встала и обняла его.

— Я приду! Я вымолю еще свиданіе, теперь ужъ легко!

— Зачѣмъ?—удивленно сказалъ Гроховъ.— Прокуроръ разрѣшилъ. Тебѣ не надо просить. Ты можешь видѣть меня каждый день.

— Прокуроръ?

— Ну, да!

Проня опять подумала, что слѣдователь нарочно сдѣлалъ видъ, что она обязана свиданіемъ ему.

— Такъ я приду къ тебѣ!—сказала она радостно.— Приду и завтра, и послѣзавтра, и каждый день!

Она горячо поцѣловала его. Грохову не хотѣлось выпускать ее изъ своихъ объятій. Смотритель, скрывавшійся изъ скромности за дверью, нетерпѣливо крякнулъ.

— Пора, милый!—шепнула Проня.

Гроховъ съ сожалѣніемъ разжалъ руки.

Проня ушла. Дверь со стукомъ захлопнулась, загремѣлъ засовъ, раздались шаги, которые, мало-по-малу, замерли, и Гроховъ снова остался одинъ.

Но онъ замѣтно пріободрился. На лицѣ его видна была рѣшимость, на губахъ появилась улыбка, и онъ, отходя отъ двери, подумалъ: «Да, пусть докажутъ!»

Онъ подошелъ къ постели, легъ на нее и задумался о Пронѣ, одно появленіе которой придало ему столько силы.

XII.

Проня шла, не разбирая дороги. Она была въ какомъ-то странномъ полузабытьи и то радовалась, что ей разрѣшили свиданія, то начинала тосковать за Грохова.

Двѣ недѣли она не знала покоя, а сегодняшній день окончательно подорвалъ ея силы. Вызовъ слѣдователя взволновалъ ее. Она всю ночь не смыкала глазъ, потомъ

бесѣда съ нимъ и, наконецъ, свиданіе съ Гроховымъ. Это было уже ей не по силамъ.

— Пронюшка! Что съ тобой?!—въ ужасѣ воскликнула Авдотья Павловна, когда ея дочь вошла въ комнату.

Дѣвушка была блѣдна, какъ полотно, и только глаза ея свѣтились лихорадочнымъ блескомъ.

— Мама, я видѣла его!—прошептала она и безсильно опустилась въ кресло.

Авдотья Павловна поспѣшно подала ей воды. Проня отпила.

— Какъ онъ измучился,—заговорила она снова,—блѣдный. Вѣдь онъ не виновенъ, мама!

— Проня, что ты?! Кто-же его обвиняетъ?

— Тамъ, мама, слѣдователь, всѣ. И онъ въ тюрьмѣ!.. Потомъ рубашка въ крови, онъ пропадалъ ночью, онъ гулялъ, а они... Мама, вѣдь онъ не виновенъ!

— Господь съ тобой, дѣвочка! Что говоришь ты, Проня?—въ страхѣ заговорила Авдотья Павловна.

— Мама, мама!—съ мукою воскликнула Проня и вдругъ зарыдала въ истерикѣ.

Перепуганная Авдотья Павловна стала брызгать на нее водою и разстегивать платье.

— Бѣги за докторомъ, доктора! нашего! — крикнула она выбѣжавшей изъ кухни растерявшейся Дунѣ.

Проня вся содрогалась отъ нервнаго смѣха и рыданій. Авдотья Павловна съ трудомъ довела ее до постели и уложила.

Пришедшій съ Дунею докторъ, съ которымъ всегда практиковала Рощина, остался доволенъ припадкомъ.

— Это хорошо,—сказалъ онъ,—не будь его, у барышни открылась-бы нервная горячка, а теперь черезъ три дня она молодцомъ встанетъ.

Онъ написалъ ей рецепты и ушелъ. Проня съ блѣднымъ осунувшимся лицомъ, измученная припадкомъ, безсильно лежала на постели; подлѣ нея на креслѣ примо-

стилась Авдотья Павловна и, тихо гладя блѣдную руку своей «дочурки», говорила съ нею тѣмъ ласковымъ голосомъ, какимъ говорить только мать со своимъ больнымъ ребенкомъ.

Зачѣмъ она безпокоится такъ, зачѣмъ такъ волнуется? Кто-же повѣритъ въ виновность Грохова? Всѣ доказательства будутъ недѣйствительными передъ судомъ, потому что судятъ присяжные. Совѣсть нельзя ничѣмъ подкупить. Всякій пойметъ, что онъ не преступникъ. Теперь ей тяжело, правда, но ему, одинокому, въ тюрьмѣ еще тяжелѣе. Если она его любитъ, она должна сдѣлаться молодцомъ, показать ему всю свою силу и поддержать его въ несчастіи. Онъ одинъ, она для него—все... И Авдотья Павловна стала тихо разсказывать Пронѣ про то счастье, которое ожидаетъ ихъ впереди, послѣ этой ужасной исторіи.

Подъ ея тихій говоръ Проня заснула. Авдотья Павловна замолкла и задумалась. Да! жизнь не шутка, особенно для людей бѣдныхъ; она выкидываетъ съ ними иногда такія неожиданныя вещи, что становится страшно и непонятно, какъ еще вообще можно жить. Она подумала про свою жизнь и въ это время взглянула на тихо спящую Проню. Ей вдругъ стала понятна тайна жизни. Она родила крошку-дѣвочку, вскормила, воспитала ее, и у нея стала Проня, ея радость и гордость. Не то-же-ли и съ Пронею?.. И она родитъ маленькое существо, сдѣлаетъ изъ него человѣка и, любуясь имъ, забудетъ всѣ свои бѣды...

Въ кухнѣ послышался шепотъ, потомъ легкіе шаги.

Авдотья Павловна подняла голову и увидѣла въ дверяхъ Татьяну. Ея лицо было испугано. Она только что услыхала отъ Дуни про припадокъ Прони и встревоженно смотрѣла то на спящую больную, то на ея мать. Авдотья Павловна тихо поднялась, поцѣловала Татьяну и увлекла ее въ гостинную.

— Я пришла посидѣть съ нею, поговорить и вдругъ... — сказала Татьяна.—Что съ нею?

Авдотья Павловна разсказала весь день Проши.

— Такъ ее допустили, наконецъ?

— Да, теперь разрѣшили!

— Бѣдная,—вздохнула Татьяна.—Я посижу съ нею, вы отдохните, я подлѣ нея побуду.

— Теперь не надо, она спитъ.

— Такъ я ночью!—сказала возбужденно Татьяна.

— Что вы, что вы! Зачѣмъ? Она, вѣдь, не такъ больна,—успокоила ее Авдотья Павловна.—Ну, что у васъ?—спросила она, переводя разговоръ.

— Ахъ, у насъ, у насъ!—взволнованно проговорила Татьяна,—все то-же! Тѣ-же Адовы, Морозовы, то-же безденежье и ложь, ложь! Боже, какъ мнѣ все это наскучило!

Авдотья Павловна ласково взяла ее за руку.

— Вы все преувеличиваете, Таня!

— Ахъ, нѣтъ! Господи, да вы не хуже меня знаете правду! На мое счастье кто-то убилъ Гинтовта...

— Что вы, Таня!—испуганно остановила ее Авдотья Павловна.

— Да, да, на мое счастье!—повторила Татьяна,—потому что меня хотѣли сбыть ему! А теперь—Морозовъ, тотъ, что ухаживалъ прежде за мамой!

— Таня, Таня!

— Ахъ, если-бы умереть мнѣ!—простонала Татьяна, всплескивая руками.

«Бѣдная птичка»,—подумала Авдотья Павловна, съ любовью гладя Татьянину руку.

Татьяна встала.

— Я пойду!

— Зайдите къ намъ вечеромъ, Таня; Проня проснется.

— Я не знаю. У насъ, вѣрно, опять будутъ гости!

Она прошла къ Пронѣ, тихо поцѣловала ее, спящую, въ лобъ и, простившись съ Авдотьей Павловной, пошла домой.

Невыразимо тоскливо было у нея на сердцѣ.

Вездѣ, куда она ни ходила, чужая семейная жизнь вызывала въ ней жгучіе протесты къ своей обстановкѣ.

Развѣ это жизнь, что она испытываетъ? Жизнь пошлой, чуть не развратной, полусвѣтской куклы! Вѣчная ложь, обманы, гнусныя ухаживанія гостей, унизительная льстивость матери, испорченная до мозга костей сестренка и несчастный полоумный отецъ! И вся эта грязь, гадость,— ради мишурнаго блеска, въ силу привычекъ матери, ради, яко-бы, нея, Татьяны, которую мать всячески пытается сбыть подороже!

Порою и ею овладѣваютъ суетныя стремленія, но какъ она потомъ казнится за нихъ! Какъ тяжко ей послѣ этого смотрѣть на чистыхъ, на честныхъ людей, какъ совѣстно ей передъ Рощиными и... Бѣгишевымъ! Онъ, онъ одинъ могъ-бы спасти ее изъ этого омута, но онъ словно не видитъ ни ея тоски, ни ея страданій. Онъ съ ней ласковъ. Боже, ей не надо, она не хочетъ этой его ласки, которую онъ одинаково оказываетъ и всѣмъ другимъ. Онъ ухаживаетъ за нею. Боже, да кто-же за нею не ухаживаетъ! Нѣтъ, она хочетъ любви чистой, свѣтлой, ненарушимой любви, такой, которую чувствуютъ другъ къ другу Проня и Гроховъ.

Она думала все это въ тысячный разъ и теперь не шла, а бѣжала, вся отдавшись своимъ тоскливымъ мыслямъ.

Запыхавшаяся и раскраснѣвшаяся, она вошла въ переднюю.

— Наше вамъ почтеніе, барышня! — сказалъ рыжій толстый господинъ, похожій на лабазника.

Татьяна очнулась отъ своихъ думъ.

— Здравствуйте! — сказала она.

Въ передней стояли этотъ купецъ, какой-то брюнетъ въ золотыхъ очкахъ, съ портфелемъ, и Серафима Герасимовна, по лицу и по голосу которой Татьяна сразу поняла, въ чемъ дѣло.

— Богомъ клянусь, Фаддей Степановичъ! завтра, чѣмъ свѣтъ! — слезливымъ, но ободреннымъ голосомъ говорила Серафима Герасимовна.

— До утра, оно понятно, ни Богъ вѣсть!—соглашался рыжій купецъ: — только, какъ-бы не пришлось занапрасно ихъ милость опять тревожить!

— Честное слово, честное слово! — твердила Серафима Герасимовна, стараясь тѣснить ихъ къ двери.

Этотъ рыжій купецъ — фруктовщикъ, у котораго Серафима Герасимовна, Богъ знаетъ, какъ ухитрилась забрать товару на 64 рубля, этотъ господинъ, очевидно,— судебный приставъ. Для Татьяны это была не новость.

Краска стыда за униженіе матери залила ея лицо, и она торопливо прошла въ спальную.

Тамъ, въ креслѣ, вся въ слезахъ, уныло сидѣла Лида, а по комнатѣ большими шагами быстро ходилъ изъ угла въ уголъ Николай съ нахмуреннымъ, злымъ лицомъ.

— Таня! — со слезами заговорила Лида: — ты знаешь, пришелъ этотъ Кровлевъ, съ приставомъ, все описать хотятъ. Мама упрашиваетъ!

— Мерзавецъ! — выругался Николай: — опять опозорилъ! хорошо еще, никого не было!

— Какой срамъ, срамъ! завтра всѣ знать будутъ! — заплакала Лида.

Въ комнату торопливо вошла Серафима Герасимовна съ сіяющимъ лицомъ.

— Уфъ! — воскликнула она, падая въ кресло: — насилу уговорила!

— Ушли? — спрыгивая съ кресла, весело спросила Лида.

— До завтра! насилу урезонила, — повторила мать.

— Мерзавецъ!—снова выругался Николай:—ему только скандала хотѣлось!

Татьяна молча съ поблѣднѣвшимъ лицомъ выдергивала дрожащими пальцами шпильку изъ шляпы.

Ея сердце тоскливо сжималось. Она знала, чѣмъ кончится эта исторія, и, замирая отъ страха, ждала рокового момента.

— До завтра, до завтра, — повторила со вздохомъ мать: — а гдѣ я возьму денегъ, кто мнѣ ихъ повѣритъ!

— Сколько всего-то?

— Шестьдесятъ четыре рубля, Коля! гдѣ ихъ взять, гдѣ взять?

Серафима Герасимовна дѣланнымъ жестомъ заломила свои пухлыя, выхоленныя руки.

«Началось», — съ тоскою подумала Татьяна и, холодно повернувшись, пошла къ двери.

— Таня, — робко позвала ее мать.

У Татьяны сжалось сердце; она остановилась и молчала.

— Танюша! — вкрадчиво сказала Серафима Герасимовна: — не откажи, моя рыбка! сходи къ Морозову! Я знаю, онъ тебя послушаетъ, онъ выручитъ...

Татьяна вздрогнула и поблѣднѣла.

— Я не пойду, мама, никуда и никогда! — глухо отвѣтила она.

Серафима Герасимовна сверкнула глазами.

— Это почему-же? — нагло спросилъ ее Николай, засовывая руки въ карманы.

— А новыя платья любишь?—язвительно сказала Лида.

— Молчать! дряни!! — не своимъ голосомъ крикнула Татьяна.

Серафима Герасимовна, какъ безумная, вскочила съ кресла.

— Нѣтъ, ты—дрянь!! — закричала она: — ты знаешь, мать изъ себя жилы мотаетъ, ты знаешь, мать для тебя ничего не щадитъ. Мнѣ нужно это все? Мнѣ — тьфу! — плюнула она, взвизгивая.

— Не пойду на позоръ больше! — звенящимъ голосомъ сказала Татьяна.

— Фью, какъ громко, — свиснулъ Николай.

— Ай, какъ страшно! — сказала Лида.

— На позоръ?! — шипящимъ голосомъ повторила Серафима Герасимовна: — такъ мать тебя на позоръ посылаетъ? Спасибо, дочка, не ждала? спасибо!

— Да, на позоръ! и ты знаешь это, мама! — звонкимъ голосомъ заговорила Татьяна: — на позоръ, потому что Морозовъ, давая мнѣ деньги, цѣлуетъ мнѣ руки и говоритъ пошлости; позоръ, потому что Гинтовтъ смѣлъ мнѣ предло...

— Не поминай мертвыхъ!—изступленно закричала мать.

— Смѣлъ предлагать мнѣ,—звенѣлъ голосъ Татьяны,— сто рублей за поцѣлуй! Да, ты все это знаешь, ты сама говорила тогда...

— Молчи, молчи! не хочешь идти, — не надо! — перекричала ее мать и, словно изступленная, вскочила съ кресла: — я сама, я сама на старости лѣтъ! — нервно твердила она, бросаясь къ шкапу за своей одеждой.

— Мамаша, пообѣдай съ нами! — съ воплемъ бросилась къ ней Лидія.

— Прочь! никакого обѣда не нужно! сыта я! Татьяна Антоновна накормила!

— Ничего вамъ она не сдѣлала!—крикнула, захлебываясь слезами, Татьяна и бросилась изъ комнаты.

— Бедламъ, какъ есть Бедламъ! — холодно произнесъ Николай и, посвистывая, вышелъ изъ комнаты.

— Иду, иду! — изступленно твердила Серафима Герасимовна, торопливо одѣваясь.

Татьяна пробѣжала въ столовую, гдѣ въ уголку ея блѣдный отецъ сосредоточенно отклеивалъ почтовыя марки отъ старыхъ конвертовъ, и бросилась на стулъ подлѣ отца. Старикъ встрепенулся, отложилъ марки и торопливо всталъ.

— Таня, Танюша, что съ тобою, милая! скажи! — растерянно лепеталъ онъ и гладилъ склоненную голову Татьяны. — Таня, милая. отзовись! обидѣлъ кто? скажи! я... я...

Въ голосѣ старика слышались слезы.

Татьяна подняла свое заплаканное лицо.

— Ничего, папочка, прошло! — тихо сказала она и при видѣ его растеряннаго лица сдѣлала усиліе улыбнуться.— Прошло, папочка, я пришла посидѣть съ тобою. Что, много у тебя?

Старикъ оживился и, успокоенный, сѣлъ къ столу.

— Скоро три, Тапюша! три безъ малаго! — сказалъ онъ, принимаясь за свою работу.

XIII.

Надежда Гавриловна Страусова и Александра Львовна Хрюмина вотъ уже двадцать лѣтъ числились закадычными подругами.

Обѣ высокія, тощія, костлявыя; обѣ восторженныя, обѣ — старыя дѣвы, онѣ такъ сжились другъ съ другомъ, что могли разговаривать безъ словъ.

Надежда Гавриловна Страусова когда-то прежде держала школу и сдавала отъ себя одну свободную комнатку. Эту комнатку сняла Александра Львовна Хрюмина, жившая на проценты съ капитальца и на дѣвичью пенсію послѣ отца-генерала.

Въ то время, онѣ обѣ были молоды, полны жизни, мечтаній и надеждъ. Ихъ сердца искали любви; ихъ тоскливое одиночество—сочувствія, но злая судьба отказала имъ и въ томъ и другомъ. Можетъ, и къ лучшему. Если онѣ не извѣдали сладости любви, то не узнали и ея мукъ: ревности, обиды и тоски разлуки; если онѣ не узнали семейнаго счастья, то не испытали и тяжелаго труда, и горькой нужды, и тысячи горькихъ мелочей.

Онѣ состарились, но сердца ихъ попрежнему теплились любовью и тихой радостью. Онѣ полюбили другъ друга; и эта любовь спасла ихъ отъ желчнаго ожесточенія старыхъ дѣвъ.

Надежда Гавриловна современемъ закрыла школу и

поселилась со своею подругою въ крошечномъ мезонинѣ, въ которомъ изъ четырехъ комнатъ онѣ еще сдавали одну подъ жильцовъ. Имъ прислуживала третья старая дѣва— Груня, въ противоположность имъ злая и ворчливая.

Свое время онѣ наполняли безконечными вязаньями и вышиваньями, свои досуги употребляли на посѣщенія церковныхъ службъ въ поискахъ за хорошимъ пѣніемъ; и ихъ жизнь текла мирно и ненарушимо, какъ тихая вода лѣсного ручья.

Ближайшимъ ихъ знакомымъ былъ Шмыгра. Въ началѣ ученикъ Надежды Гавриловны, потомъ, до пріѣзда матери, ихъ жилецъ, Шмыгра сдружился съ ними и зачастую проводилъ у нихъ вечера до поздняго часа, услаждая ихъ слухъ гитарою или развлекая страшными разсказами изъ архивовъ слѣдственной камеры.

Онѣ любили его, какъ сына, и видѣли въ немъ «мужа совѣта». Ни одно рѣшеніе не предпринималось ими безъ его утвержденія, ни одно мнѣніе не слагалось у нихъ безъ его объясненій, и теперь, въ этотъ вечеръ, онѣ ждали его съ понятнымъ нетерпѣніемъ.

Дѣло въ томъ, что жилецъ ихъ комнатки, недѣлю, какъ оставилъ ихъ, уѣхавъ въ другой городъ. И вотъ, теперь вдругъ объявился новый претендентъ на ихъ комнатку, но странный. Главное, онъ пріѣзжій, а потомъ, полякъ. Поляку страшно вѣрить, и потомъ... онѣ въ самомъ началѣ дали себѣ слово: никого не пускать безъ рекомендацій какихъ-нибудь знакомыхъ людей.

Онѣ сидѣли въ комнатѣ, замѣняющей гостинную и столовую. Старенькая мебель, обитая выцвѣтшимъ репсомъ и украшенная повсюду вязанными салфеточками, чинно стояла на своихъ мѣстахъ. Комнату украшали традиціонныя кисейныя занавѣси, герань, резеда на окошкахъ, двѣ канарейки и премія какого-то журнала въ золоченной рамкѣ.

У стѣны, противоположной дивану, стоялъ столъ съ кипящимъ самоваромъ, по сторонамъ котораго въ двухъ глу-

бокихъ креслахъ сидѣли подруги съ неизмѣннымъ вязаніемъ въ рукахъ. Ихъ добрыя высохшія лица мягкимъ свѣтомъ освѣщала лампа изъ-подъ зеленаго абажура.

Въ комнатѣ царила благодушная тишина, нарушаемая только сердитымъ урчаніемъ самовара да нечаяннымъ стукомъ спицъ въ быстро-движущихся пальцахъ Александры Львовны.

— Не понимаю, чего это не идетъ Ферапонтъ Кондратьевичъ! — прервала она, наконецъ, молчаніе.

— Ахъ, Alexandrine! — сказала Надежда Гавриловна: — онъ человѣкъ занятой, у него масса дѣла!

— Ужъ и масса! — усумнилась Alexandrine: — вспомни, Надина, прежде у него было столько-же дѣла, да находилъ онъ время бывать у насъ чуть не каждый вечеръ. А? а теперь съ убійства этого Гинтовта, зовешь и то опоздаетъ!

— Ты нападаешь на него, Alexandrine!

— Нѣтъ, нѣтъ, не защищай его! онъ испортился!

— Alexandrine!

— Надинъ!

— Ты несправедлива!

— Не говори! я вижу лучше тебя!

— Вотъ-же онъ и идетъ! — съ торжествомъ сказала Надежда Гавриловна, заслышавъ стукъ калитки и торопливые шаги по двору.

Дѣйствительно, черезъ минуту въ комнату вошелъ Шмыгра. Его лицо было мрачно насуплено. Онъ подошелъ поочереди къ двумъ дѣвамъ, поцѣловалъ ихъ руки, потомъ опустился на стулъ, ближе къ Надеждѣ Гавриловнѣ, и проговорилъ:

— Чѣмъ могу служить? Я получилъ отъ васъ записку, встревожился, но дѣла, дѣла!!

Онъ показалъ рукою на горло, а Надежда Гавриловна съ укоромъ взглянула на подругу и проговорила:

— Видишь!

Александра Львовна рѣшилась исправить ошибку и заговорила ласково:

— Дѣло у насъ, Ферапонтъ Кондратьевичъ! за совѣтомъ къ вамъ! а сперва чайку выпейте! — она поспѣшно стала разливать чай и раздала стаканы.

Шмыгра мрачно сталъ размѣшивать чай. Ему всегда казалось, что мрачное лицо дѣлаетъ его серьезнѣе.

— Сидимъ это мы вечеромъ... — начала излагать дѣло Alexandrine, когда выпила первую чашку чая.

— Послѣ обѣда,—поправила Надинъ.

— Послѣ обѣда; и вдругъ звонокъ, а потомъ входитъ Груня...

— И говоритъ намъ...

— Надинъ, если ты хочешь говорить, говори!

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! говори, Alexandrine, я не нарочно,— испуганно извинилась Надинъ и замолчала.

— И говоритъ, — продолжала Alexandrine: — баринъ пришелъ. Комнату посмотрѣть хочетъ... Проси, говоримъ. Входитъ вдругъ господинъ. Блондинъ такой, лохматый и одна нога короче другой...

— Носъ такой длинный-длинный; адвокатъ, говоритъ,— не вытерпѣла Надинъ.

Подруга взглянула на нее съ укоромъ, отчего та покраснѣла, и продолжала:

— Адвокатъ, говоритъ. Только ни я, ни Надинъ его нигдѣ не видали. Тутъ онъ и говоритъ, что адвокатъ, и пріѣхалъ ненадолго и хотѣлъ-бы комнату снять, чтобы по семейному, а платить будетъ за комнату 15 и за столъ 25. А? какъ вы скажете, сдавать ему?

— У насъ эта комната всегда за 8 шла, а обѣдъ всегда 10, а тутъ—вонъ!

— А съ деньгами? — спросилъ Шмыгра, хмуря рыжія брови.

— Надо полагать, потому что такія цѣны даетъ...

— Съ длиннымъ носомъ, говорите?

— Да, да! говоритъ, адвокатъ!

Шмыгра задумался и потомъ сказалъ:

— По моему, пустить и деньги впередъ спросить. Отдастъ—и отлично, а не отдастъ — отказать. Простое дѣло!

— И правда, Надинъ? вѣдь, прекрасно!—воскликнула Alexandrine.

Надежда Гавриловна закивала головою.

— Ферапонтъ Кондратьевичъ — законникъ. Какъ-же ему не понимать дѣла!—съ гордостью отвѣтила она.

Шмыгра самодовольно улыбнулся и вздохнулъ, словно каясь въ своей мимолетной веселости.

Надежда Гавриловна обратилась къ нему:

— А я безъ васъ тутъ съ Alexandrine чуть не поссорилась. Все за васъ заступалась. Она говоритъ, что вы насъ бросили.

Шмыгра опять глубоко вздохнулъ.

— Видишь, Надинъ, у Ферапонта Кондратьевича есть какая-то забота, кромѣ дѣла. Слышишь, какъ онъ вздыхаетъ?

— Есть, есть! — тряся головою, мрачно произнесъ Шмыгра.

Подруги встрепенулись.

— Что съ вами, голубчикъ?

— Что у васъ случилось?—спросили онѣ въ одинъ голосъ.

Шмыгра вздохнулъ въ третій разъ и ударилъ себя кулакомъ въ грудь.

— Здѣсь,—глухо произнесъ онъ и затѣмъ зашепталъ таинственно: — если я и былъ плѣненъ, то издали. Я изнывалъ и по вечерамъ тихо пѣлъ грустныя пѣсни. Но какъ она пришла ко мнѣ сама, что я могу подумать? а?—онъ мрачно встряхнулъ головою,—ежели это съ ея стороны одно жестокосердіе, издѣвка; а, можетъ, мой пылъ воспламенилъ и ея сердце, и какъ я теперь въ полной неизвѣстности...

— Господи, кто-же она?—сочувственно, моргая глазами, спросили подруги.

— Имя — тайна! — ударяя себя въ грудь, сказалъ Шмыгра: — «что въ имени тебѣ моемъ?..» Она... царица красоты!.. Въ ея глазахъ—рай, волоса—ароматъ!..

Подруги сочувственно вздохнули.

«Бѣдный, онъ влюбленъ!»

Шмыгра медленно поднялся со стула и мрачно распростился съ подругами.

— Заходите къ намъ чаще. Отведете душу!—участливо сказала Надежда Гавриловна.

— Вы намъ разскажите про нее какъ-нибудь подробнѣе, — прибавила болѣе любопытная Александра Львовна.

— Нѣтъ!—рѣшительно сказалъ Шмыгра: — говорить, это растравлять сердечную язву. Что говорить! Тогда, когда я поведу ее къ брачному алтарю, тогда... весь міръ узнаетъ про мои тайныя муки! — воскликнулъ онъ трагически и, мрачный, пошелъ домой, напутствуемый сочувственными вздохами двухъ нѣжныхъ подругъ. Возвращаясь домой, онъ сдѣлалъ огромный крюкъ, чтобы пройти мимо ея оконъ. Окна были растворены настежь, и изъ освѣщенныхъ комнатъ громко слышался веселый, оживленный говоръ. Шмыгра перешелъ на другую сторону и, прислонившись спиною къ забору, впивался жаднымъ взглядомъ въ закрытыя окна. Вдругъ онъ вздрогнулъ и вытянулся, какъ собака на стойкѣ.

Къ окну подошла Татьяна. Ея лицо было устало и блѣдно. Она высунулась изъ окошка и жадно вдохнула въ себя теплый вечерній воздухъ.

Шмыгра въ экстазѣ упалъ на колѣни и протянулъ впередъ руки, но темнота ночи, на счастье, скрыла его отъ глазъ Татьяны.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ II.

УБІЙЦА.

I.

Страусова и Хрюмина поступили по совѣту Шмыгры.

Новый жилецъ ихъ, Аллоизій Феликсовичъ Довойно, оказался вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ. Онъ безпрекословно отдалъ деньги за столъ и квартиру, это во-первыхъ, а во-вторыхъ, привезъ съ собою два такихъ изящныхъ чемодана и такъ щедро наградилъ Груню, что всѣ три дѣвы сразу почувствовали къ нему благоволеніе.

Тѣмъ не менѣе, это былъ странный жилецъ. Одѣтый франтомъ, съ короткой ногою, длинными свѣтлыми волосами и огромнымъ носомъ, онъ производилъ впечатлѣніе комическое. Звалъ онъ себя адвокатомъ, а пріѣхалъ сюда безъ всякой опредѣленной цѣли. Къ довершенію всего, дѣвы услыхали отъ него, что онъ не имѣетъ ни души знакомыхъ.

Все это должно было казаться страннымъ, но подруги были отчасти довольны имъ, такъ какъ нашли въ немъ чрезвычайно внимательнаго слушателя, котораго они, мало-по-малу, посвятили въ тайны всѣхъ городскихъ обывателей.

На третій вечеръ его пребыванія онѣ снова возврати-

лись къ убійству Гинтовта. Довойно выказывалъ къ этому дѣлу особенное вниманіе.

— Неужели-же убійцею могъ быть этотъ мальчикъ?— сказалъ онъ.

— О, нѣтъ!—воскликнула Надежда Гавриловна:—этого не можетъ быть, хотя Ферапонтъ Кондратьевичъ и старается увѣрить насъ въ этомъ.

— Уликъ такъ мало! — вставила Александра Львовна.

— Кто такой Ферапонтъ Кондратьевичъ?

— Это секретарь у того слѣдователя, который занимается этимъ дѣломъ!

— А!—протянулъ Довойно:—что-же, у Гинтовта могли быть враги?

— О, да, навѣрно! вѣдь онъ давалъ на проценты подъ закладныя деньги!

— Онъ былъ безпощаденъ!

— Кромѣ того, онъ любилъ...

Александра Львовна не досказала и смущенно покраснѣла.

Довойно съ видимымъ участіемъ сталъ разспрашивать о Гроховѣ. Обѣ дѣвы наперерывъ хвалили его. Его душевная чистота въ ихъ глазахъ еще болѣе украшалась ореоломъ юношеской любви къ Пронѣ.

— Какъ она убивалась!

— Какъ они измучены! — воскликнули добрыя дѣвы, и Довойно, послѣ бесѣды съ ними, казался взволнованнымъ.

Онъ всталъ, допивъ свой стаканъ чая, и раскланялся съ ними.

— Я не стѣсню васъ, если вернусь немного поздно? — спросилъ онъ, уходя.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—въ одинъ голосъ отвѣтили подруги.

— Я хочу пройти въ клубъ! Теперь я почти со всѣми знакомъ по вашимъ разсказамъ,—прибавилъ онъ.

— Какой обходительный господинъ!—воскликнула Надежда Гавриловна по его уходѣ.

— Какъ ты думаешь, Надинъ, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ?

— Вѣроятно, кого-нибудь защищать!

— Тогда-бы къ нему ходили. Онъ-бы зналъ кого-нибудь!

— Ты знаешь,—понижая голосъ, сказала Alexandrine:— я думаю, онъ—инкогнито!

— Можетъ, принцъ!—мечтательно прибавила Надинъ.

А тѣмъ временемъ, «инкогнито» медленно ковылялъ въ мѣстное дворянское собраніе съ цѣлью свести съ кѣмъ-нибудь знакомство и развлечь свою монотонную жизнь. Въ темнотѣ лѣтней душной ночи ему вспомнились веселые огни «Аркадіи», свистки пароходовъ, трескъ экипажей, веселые мотивы шансонетокъ, и онъ невольно вздохнулъ. Потомъ ему стало грустно, что такъ монотонно и пошло проходитъ его жизнь, промелькнуло сознаніе, что хотѣлось-бы ему какого-нибудь дѣла, страсти, и его длинный носъ опустился какъ-то безнадежно-тоскливо.

Въ такомъ настроеніи Довойно доковылялъ до собранія и вошелъ въ слабо освѣщенный подъѣздъ.

II.

Поручикъ Адовъ только что возвратился изъ лагеря съ ученія. Онъ не любилъ оставаться въ лагерѣ и каждый день шагалъ шесть верстъ изъ города и въ городъ, предпочитая городской садъ, рестораны и городскихъ знакомыхъ унылымъ окрестностямъ лагеря и монотонной жизни въ кругу пріятелей-офицеровъ.

Онъ вернулся домой и съ наслажденіемъ валялся на промятомъ диванѣ, разутый, полураздѣтый, съ папиросою въ зубахъ. Подлѣ него на стулѣ стоялъ стаканъ крѣпкаго чаю и полбутылки коньяку.

Онъ лежалъ и въ сладкой полудремотѣ старался уловить мелькавшія въ его головѣ мысли.

Куда идти? это первая мысль, мелькающая въ головѣ

каждаго одинокаго офицера. Дневная служба коротка, свободнаго времени остается слишкомъ много и убить его, по возможности пріятно, дѣйствительно, трудная задача.

Адовъ перебиралъ въ головѣ своихъ знакомыхъ, и первая мысль его была о Вишняковыхъ. Тамъ—Татьяна.

Онъ не оправдалъ-бы своего званія, если-бы устоялъ противъ красоты Татьяны, и потому при мысли о ней его лицо тотчасъ приняло восторженно-мечтательное выраженіе.

Ему вспомнилось послѣднее свиданіе съ нею, потомъ свиданіе въ день убійства Гинтовта, когда она позвала его ѣхать къ Бѣгишеву и такъ странно вела себѣ на дорогѣ. Это странное ея поведеніе онъ приписалъ исключительно себѣ. Онъ сталъ припоминать малѣйшіе эпизоды, дающіе поводъ къ пристрастнымъ толкованіямъ, и, какъ утопающій хватается за соломенку, такъ и онъ старался придать имъ исключительный смыслъ въ свою пользу, и, мало-по-малу, увлеченный пылкою самоувѣренностью, онъ сталъ мечтать о счастіи назвать Татьяну «своею». Мечты его приняли восторженный характеръ. Онъ уже мысленно обнималъ стройный станъ Татьяны и слушалъ ея ласковый лепетъ, какъ, вдругъ, ему на бѣду представилась чисто практическая сторона этой идилліи. У нея ничего и — претензіи, у него — тоже претензіи и 50 рублей жалованья. При этой мысли въ его головѣ тотчасъ мелькнулъ другой образъ,— образъ дебелой круглолицой блондинки съ лоснящимися щеками и масляными прищуренными глазками. Она была ужасна, особенно когда говорила о «чувствахъ», но у нея было два дома, дача, мельница, посѣвы и лабазъ. Она была ужасна, но вмѣстѣ съ этимъ Адовъ чувствовалъ надъ нею силу своихъ чаръ и сознавалъ, что она—«пылкая натура» и несмѣтно богата. Мысли его приняли другое направленіе. Онъ представлялъ себя купающимся въ изобиліи всякихъ довольствъ и наслажденій, и на мгновеніе ему показалось, что онъ лежитъ не на старомъ диванѣ, а развалился въ

роскошной коляскѣ на резиновыхъ шинахъ и лежачихъ рессорахъ.

Въ дверяхъ вдругъ показался денщикъ и сразу разрушилъ воздушные замки Адова.

— Ваше благородіе, Серафима Герасимовна пришли-съ!— доложилъ онъ.

Адовъ быстро вскочилъ съ дивана.

— Проси, проси!—суетливо заговорилъ онъ, натягивая сапоги:—подай тужурку, убери подушку, болванъ!

Настроеніе духа его было испорчено.

«Чертъ ее принесъ»,—думалъ онъ:—«интересно знать, зачѣмъ?»

— А, уважаемая Серафима Герасимовна, честь имѣю! какъ поживаете? сюда, сюда, на диванчикъ! не хотите-ли чайку! Степанъ, чаю!—радушно, улыбаясь, встрѣтилъ Адовъ Серафиму Герасимовну и бережно усадилъ ее на диванъ, на которомъ только что валялся.

Серафима Герасимовна въ черномъ платьѣ и такой-же накидкѣ, высокая, полная, съ чарующей улыбкой на губахъ производила впечатлѣніе величественной дамы.

— Милушка!—заговорила она ласково:—а я вамъ, кажется, отдохнуть помѣшала. Простите, голубчикъ, но шла мимо, думаю, какъ не зайти! Что вы съ нами, разбойникъ, дѣлаете? а?—вдругъ спросила она шутливо-строго.

Адовъ смутился.

— Я? что такое? чѣмъ провинился? Сюда, болванъ! подвинь столикъ!—крикнулъ онъ на денщика, внесшаго стаканъ чаю.

Денщикъ неуклюже сдвинулъ съ кругленькаго столика пачку табаку и погоны, перенесъ столикъ къ дивану и поставилъ на него стаканъ чаю.

— Еще спрашиваетъ!—укоризненно сказала Серафима Герасимовна, помѣшивая ложечкой въ стаканѣ:—самъ глазъ не кажетъ третій день. Танюша совсѣмъ стосковалась, все въ окно смотритъ. Придетъ вечеръ, она ходитъ

да спрашиваетъ: что, мама, придетъ Адовъ сегодня или опять нѣтъ? да такъ тоскливо. Я ужъ не выдержала. Дай, думаю, зайду да намылю ему за свою доченьку голову!

По мѣрѣ ея словъ, лицо Адова расцвѣтало блаженной самодовольной улыбкой. Образъ купеческой вдовы безслѣдно исчезъ въ его душѣ, и на ея мѣстѣ вновь водворился прекрасный образъ чистой Татьяны.

— Что-же, придете вы къ намъ? а? когда васъ ждать, какъ ей сказать?—окончила свою рѣчь Серафима Герасимовна.

Расцвѣтшій Адовъ галантно прижалъ свои руки къ сердцу.

— Вѣдь я всей душой къ вамъ стремлюсь! Вѣрьте мнѣ, я всегда, всегда о васъ думаю, но,—дѣла!

— Охъ, дѣла! знаемъ про нихъ! когда-же придете?

— Когда прикажете?

— Приходите сегодня вечеромъ! Кой-кто свои соберутся! — сказала Серафима Герасимовна и обмерла: «Господи, вотъ сболтнула! дома рубля нѣтъ, занимать пріѣхала, а тутъ гостей сзывать. Ну, да куда ни шло, ишь какъ растаялъ».

Адовъ, дѣйствительно, растаялъ. Онъ склонилъ свою голову и тихо, радостно отвѣтилъ:

— Обязательно приду. Сочту за счастье!

Послѣ этого наступило короткое молчаніе.

Чтобы прервать его, Адовъ произнесъ обычную фразу:

— Ну-съ, какъ-же вы поживаете, Серафима Герасимовна? какъ дѣла?

Опытная Серафима Герасимовна только и ждала этихъ словъ.

Лицо ея тотчасъ приняло грустное выраженіе.

Она вздохнула, подняла глаза кверху и скорѣе простонала, чѣмъ проговорила:

— Охъ, плохо, Адушка, плохо!

Адовъ сочувственно склонился въ ея сторону.

— Что-же такое?

— Ахъ, и не спрашивайте! — махнула она рукою: — сегодня пришелъ къ намъ одинъ кредиторъ, я и не знала его. Оказывается, муженекъ за кого-то поручился! 100 р.! Пришелъ, взыскиваетъ, кричитъ! Съ Таней дурно!—ея голосъ задрожалъ: — я стала умолять его повременить чуточку, недѣлю. Онъ ничего не слушалъ. Я умолила его отложить опись имущества до завтра. Ну, думаю, объѣду знакомыхъ. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей! Понемногу, кто что можетъ... какъ нищая...

При этихъ словахъ она вынула платокъ и закрыла имъ свое лицо.

Сердце Адова тоскливо сжалось.

«Вотъ тебѣ и фунтъ!»—подумалъ онъ и печально оглядѣлся по сторонамъ.

Увы, ничто не говорило о его состоятельности. Крошечный столъ, заваленный всякой офицерской мелочью; четыре стула, шкапъ, зеленой занавѣской производившій впечатлѣніе книжнаго, а на самомъ дѣлѣ скрывавшій всю убогую утварь поручика, да диванъ — составляли бѣдную меблировку комнаты.

Адовъ грустно вздохнулъ.

— Каждый, что можетъ: кто пять, кто десять, и я спасусь отъ этого кровопійцы! — простонала Серафима Герасимовна и подумала: «неужели откажетъ?»

Адовъ мысленно сообразилъ свои средства. До 20-го осталось 19 дней, у него въ карманѣ 16 рублей съ мелочью. Если подѣлиться? положимъ, трудно; но у него-же кредитъ, да и такъ перехватить можно...

— Вы меня извините, Серафима Герасимовна, — заговорилъ онъ, краснѣя и путаясь: — я... я могу... только пять, ну, шесть рублей... у меня самого...

Серафима Герасимовна схватила его руку и пылко сказала:

— Милый! Адушка! мнѣ вниманье дорого! вниманье! О, я всегда знала, что вы рыцарь, что вы благороднѣйшій человѣкъ! Я говорила Танѣ: да, вотъ тебѣ «человѣкъ»!.. Спасибо, милый! — прибавила она задыхающимся отъ волненія шепотомъ.

Адовъ вынулъ деньги и передалъ ей шесть рублей.

«Чтобы черти тебя съѣли!» — подумалъ онъ злобно.

Серафима Герасимовна встала и начала прощаться.

— До гроба не забуду, до гроба!—говорила она:—спасибо, дорогой! Я, какъ только получу пособіе, о которомъ хлопочу, сейчасъ-же возвращу. Теперь ужъ 31 рубль накопился. Тогда, помните, 10, да еще 15! Нѣтъ, нѣтъ! это не пустяки! не говорите такъ! Не краснѣйте, голубчикъ, не махайте руками. Я знаю ваше жалованье! Какъ только получу... Ну, хорошо, не буду, не буду! Богъ съ вами! Такъ до вечера! да? Пойду обрадую Танюшу!

Она еще разъ пожала руку Адову, ласково кивнула его денщику и вышла.

— Вотъ чертъ баба! — выругался вполголоса Адовъ когда за нею затворилась дверь: — вытащила, хоть-бы что! а?

Настроеніе его духа было-бы окончательно испорчено, если-бы не мысль, что Татьяна вспомнила его и скучала долго не видя его.

Онъ снова улегся на диванъ и велѣлъ подать горячаго чаю.

Тѣмъ временемъ, Серафима Герасимовна, ободренная первымъ успѣхомъ, поспѣшно шла къ полковнику Морозову.

«Потомъ къ Шахову, а тамъ на удачу къ Бѣгишеву; можетъ быть, въ городѣ»,—подумала она, всходя по изящной парадной лѣстницѣ и останавливаясь у двери холостой квартиры Морозова.

«Дома-ли?» — тоскливо мелькнуло у нея въ головѣ, когда она нажала пуговку дверного звонка.

Бравый, вымуштрованный денщикъ широко распахнулъ передъ ней дверь и, встрѣтивъ ее, какъ старую знакомую, провелъ въ крошечную, но изящно и со вкусомъ убранную гостинную.

— Сейчасъ доложу! — сказалъ онъ, приподнимая портьеру смежной комнаты, и ловко скользнулъ за нее.

Серафима Герасимовна безпокойно повернулась въ мягкомъ креслѣ.

За портьерой она услышала вдругъ сдержанный голосъ денщика, потомъ шепотъ и раскатистый смѣхъ.

Денщикъ вынырнулъ изъ-за портьеры и осторожно прошелъ черезъ гостинную.

Слѣдомъ за нимъ въ гостинную вошелъ Морозовъ. Онъ вошелъ развинченной, небрежной походкой, въ безукоризненномъ бѣльѣ, изящной тужуркѣ, съ пѣнковымъ мундштукомъ въ выхоленной рукѣ съ обточенными ногтями. Изъ-подъ нафабренныхъ усовъ сверкали бѣлые зубы, обнаженные вѣжливой улыбкой.

Серафима Герасимовна порывисто рванулась ему навстрѣчу, протянувъ впередъ обѣ руки.

— Дорогой Поль!—воскликнула она фамильярно:—мы соскучились по васъ!

Павелъ Сергѣевичъ изящно поцѣловалъ ея руку.

— Я-же, голубушка, занятъ, занятъ, занятъ! — произнесъ онъ, устало опускаясь въ кресло: — ну, что у васъ? что Таня? не слыхали-ли что о Гроховѣ?

Онъ говорилъ съ ней товарищески-фамильярнымъ тономъ, что укрѣпляло ходившіе слухи о томъ, что, будто-бы, когда онъ былъ артиллерійскимъ капитаномъ, а она тридцатишести-лѣтней belle femme...

— Ахъ, дорогой мой, я ничего не знаю про Грохова. Я такъ разстроена!

— Денегъ?—слегка иронически спросилъ Морозовъ.

— Да, да, денегъ!—простонала Серафима Герасимовна.

сегодня ко мнѣ ворвался Кровлевъ, съ приставомъ; скандалъ! я умолила отложить до завтра.

— И много?

— Сто!—упавшимъ голосомъ произнесла Серафима Герасимовна и замерла въ ожиданіи.

Морозовъ молча всталъ, прошелъ за портьеру и черезъ минуту вернулся назадъ.

— Сто — это значитъ пятьдесятъ, — сказалъ онъ съ усмѣшкой: — но я не могу дать больше 25. На-те, возьмите.

Онъ подалъ свѣжую 25-ти-рублевую ассигнацію.

Подавленная его холоднымъ тономъ, Серафима Герасимовна молча взяла деньги и опустила ихъ въ карманъ. Морозовъ задумчиво прошелся взадъ и впередъ по гостинной и остановился передъ Серафимой Герасимовной. Лицо его вдругъ залила густая краска.

— Слушайте, — сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ:— я поправлю ваши дѣла сразу; сосватайте мнѣ Татьяну.

— Милый, да я!.. — воскликнула тотчасъ она, но Морозовъ перебилъ ее:

— Когда вы хлопотали за Гинтовта, я не мѣшалъ. Онъ богаче меня, но теперь его нѣтъ. Я могу. Что-же, вы видите — у меня есть положеніе. Черезъ пять лѣтъ я — генералъ. Я не старъ. Я не богатъ, но 15 — 20 тысячъ у меня наберется...

Онъ повернулся и нервно прошелъ по комнатѣ.

— Господи, это была моя мечта! — протянула Серафима Герасимовна: — но Таня?!

— Вы-же умѣли убѣдить ее выйти за Гинтовта...

— Нѣтъ, нѣтъ, а теперь ко всему она стала нервна, упряма, теперь она, кажется, полюбила...

— Кого? — почти крикнулъ Морозовъ.

— Мнѣ кажется... можетъ, неправда, — пробормотала Серафима Герасимовна: — я замѣтила...

— Кого-же?

— Бѣгишева.

Морозовъ передернулъ плечами и презрительно усмѣхнулся:

— Вы объясните ей, что онъ — женатый, — сказалъ онъ.

Серафима Герасимовна чуть не вскрикнула.

— Вы и не знали? — удивился онъ: — ну, такъ знайте: онъ, третій годъ, какъ разошелся съ нею. Она таскается по заграницамъ и треплетъ его имя, а онъ изнываетъ тутъ и ежегодно вноситъ ей три тысячи.

Лицо Серафимы Герасимовны просіяло. Она усиленно закивала головою и встала.

— Скажу, скажу! все скажу!

— А тамъ и уломайте!

— И уломаю! Боже, да это мечта моя!

Морозовъ почтительно поцѣловалъ ея руку, а она съ жаромъ прильнула къ его полусѣдой головѣ.

— Сегодня вечеромъ къ намъ загляните. Поухаживайте! — сказала она на прощаніе.

— Обязательно!..

Морозовъ проводилъ ее до дверей и въ отличномъ настроеніи вернулся въ свой кабинетъ-будуаръ, гдѣ, развалясь на софѣ, его поджидалъ товарищъ по академіи, принявшій на время въ его округѣ командованье полкомъ.

— Это она-то и есть? — встрѣтилъ его вопросомъ пріятель.

— Она, братецъ; въ свое время — шикъ! — отвѣтилъ Морозовъ.

— А теперь — дочка?

— Теперь дочка шикъ, только съ норовомъ!

— Всѣ онѣ, покуда дѣвицы...—нагло засмѣялся пріятель.

— Ну, есть и дѣвицы! — мечтательно сказалъ Морозовъ, и передъ нимъ мелькнуло миловидное личико дѣвушки-подростка.

Это было давно, еще когда онъ только что пріѣхалъ въ академію...

Серафима Герасимовна устремилась къ Шахову. Первыя удачи ободряли ее. Разговоръ съ Морозовымъ придалъ ей бодрости, и въ ея мечтахъ уже рисовались картины семейнаго счастія ея дочери, но она тутъ-же вспомнила характеръ Татьяны и сокрушенно вздохнула.

Ахъ, если-бы на ея мѣстѣ была вторая дочка, Лида!..

Шаховъ жилъ во второмъ этажѣ деревяннаго флигеля во дворѣ. Она шла къ нему въ первый разъ и теперь не безъ робости поднималась во второй этажъ по шаткимъ ступенямъ ветхой лѣстницы.

Дверь съ площадки въ квартиру была пріотворена. Серафима Герасимовна смѣло распахнула ее и вошла въ полутемную переднюю. Свѣтъ въ нее падалъ изъ открытой двери въ первую комнату. Гдѣ-то въ боку раздавались тяжелые шаги и слышался быстрый разговоръ вполголоса.

Серафима Герасимовна слегка кашлянула.

Никто не отозвался. Она робко заглянула въ дверь направо. Это была кухня. Пустая, заброшенная, она производила унылый, нежилой видъ.

Серафима Герасимовна въ недоумѣніи простояла нѣсколько мгновеній; потомъ, вдругъ, быстро рѣшившись, смѣло направилась во внутреннія комнаты. Первая комната представляла собою кабинетъ и нѣчто въ родѣ пріемной. У одной стѣны стоялъ огромный письменный столъ, надъ которымъ тянулись полки съ книгами, у другой стоялъ диванъ съ обѣденнымъ столомъ; между оконъ противъ двери стояли два кресла и курительный приборъ, а у свободной стѣны, подлѣ дверей, находился токарный станокъ и валялись обрубки дерева. Слѣдующая комната была полутемная и, вѣроятно, служила спальнею.

Серафима Герасимовна смѣло вошла въ первую комнату и застыла въ пугливомъ недоумѣніи. На порогѣ другой комнаты стоялъ самъ Шаховъ. Въ разстегнутомъ сюртукѣ и жилетѣ, съ растрепанными волосами, которые, казалось, шевелились на его бородѣ и головѣ, съ странными

какими-то сумасшедшими, жестами онъ смотрѣлъ широко раскрытыми взступленными глазами прямо передъ собою и что-то говорилъ кому-то невидимому. Можетъ быть, онъ не замѣтилъ-бы Серафимы Герасимовны, если-бы она въ страхѣ поспѣшно не бросилась къ дверямъ.

При шумѣ ея шаговъ Шаховъ словно очнулся.

Въ одинъ прыжокъ онъ нагналъ ее и схватилъ за руку.

— Вы давно тутъ стояли, а? какъ вы вошли сюда? — первно проговорилъ онъ.

Серафима Герасимовна растерялась.

— Пустите меня. Дверь была отворена... Я ничего не знаю, я вошла сейчасъ только! — проговорила она жалобно.

Шаховъ оставилъ ее, устало провелъ рукою по лицу и теперь очнулся совершенно. На блѣдномъ лицѣ его показалась слабая улыбка.

— Простите меня, Серафима Герасимовна, — сказалъ онъ тихо: — со мною бываютъ странные припадки. Это хандра, тяжелая хандра. Я тогда избѣгаю видѣть людей.

Серафима Герасимовна молчала. Она слышала, что онъ хандритъ; въ послѣдній разъ онъ даже говорилъ про это, но она никогда не предполагала, что это такъ страшно. «Сумасшедшій, какъ есть сумасшедшій»,—мелькало въ ея головѣ, и ей становилось жутко.

— Я очень радъ васъ видѣть, — обычною фразою прервалъ молчаніе Шаховъ: — какъ поживаютъ ваши, чѣмъ могу служить?

Эта обычная фраза вдругъ вернула все самообладаніе Серафимѣ Герасимовнѣ. Она выпрямилась, всплеснула руками и заговорила выученнымъ тономъ:

— Ахъ, Глѣбъ Степановичъ, я къ вамъ пришла, какъ къ другу, какъ къ единственному человѣку, благородная натура котораго мнѣ такъ хорошо знакома. Мнѣ и Таня сказала...

Шаховъ вздрогнулъ и порывисто перебилъ:

— Въ чемъ дѣло?

Занятый своими мыслями, онъ позабылъ даже пригласить присѣсть Серафиму Герасимовну. Она быстро, взволнованно начала свой заученный разсказъ про Кровлева. Шаховъ, скрестивъ руки, почти не слушалъ ея, задумчиво глядя на противоположную стѣну.

— Я не могу вамъ дать 100 рублей, — сказалъ онъ, когда она окончила: — у меня всего на обиходѣ 45, но изъ нихъ я отдамъ вамъ 35. Да, 35 могу!

Онъ подошелъ къ столу и, все попрежнему не сводя глазъ съ какой-то точки, выдвинулъ ящикъ, досталъ изъ него деньги и, бросивъ назадъ въ ящикъ 10 рублей, передалъ тощую пачку ассигнацій Серафимѣ Герасимовнѣ.

Она схватила вмѣстѣ съ деньгами его руку и горячо потрясла ее.

— О, тысячу разъ спасибо вамъ! — воскликнула она: — я увѣрена, что Таня...

Она не договорила словъ и въ испугѣ отскочила къ дверямъ. Шаховъ вдругъ при имени Татьяны поблѣднѣлъ и задрожалъ.

— Не поминайте ея имени всуе! — заоралъ онъ: — дѣлайте подлости безъ нея! Ее можно продавать, но она сама не продалась-бы! Идите, идите!! — замахалъ онъ руками.

Серафима Герасимовна бросилась въ темную переднюю, не помня себя отъ страха.

Блѣдная, дрожащая, она только на улицѣ пришла въ себя и, увидѣвъ въ своей рукѣ зажатую пачку ассигнацій, поспѣшно опустила ее въ карманъ...

На счастье Серафимы Герасимовны, Бѣгишевъ пріѣхалъ только что въ городъ. Серафима Герасимовна еще не рѣшалась просить у него взаймы и потому была увѣрена въ успѣхѣ. Она смѣло взошла по роскошной лѣстницѣ

гостинницы и велѣла корридорному доложить о своемъ приходѣ.

Корридорный тотчасъ вернулся съ приглашеніемъ, вѣжливо извиваясь передъ Серафимой Герасимовной. Она величественно вошла въ роскошно убранную комнату. Бѣгишевъ снималъ лучшій номеръ изъ трехъ комнатъ.

— Ахъ, Алексѣй Николаевичъ! какъ я напугалась сейчасъ, — здороваясь съ Бѣгишевымъ, сказала она и томно опустилась на мягкій пуфъ. — Я зашла сейчасъ къ Шахову, — хотѣла достать уроки своему сыну, — и, вообразите, застала его сумасшедшимъ! Онъ говорилъ самъ съ собою, махалъ руками и, принявъ меня за какое-то привидѣніе, набросился на меня съ крикомъ. Я едва убѣжала отъ него. Ахъ, какъ я испугалась. Прикажите подать мнѣ воды!

Бѣгишевъ поспѣшно вскочилъ и налилъ ей стаканъ. Она слегка отъ него отпила и поставила на сосѣдній столикъ.

— А я къ вамъ и по дѣлу, и съ просьбой!—скалала она, ласково заглядывая въ лицо Бѣгишеву.

Бѣгишевъ улыбнулся.

— Ну, сперва дѣло!

— Дѣло? Таня сегодня устроиваетъ вечеринку,—нечаянно соврала она,—и просила васъ пригласить. Вѣдь вы не откажете?

Бѣгишевъ склонилъ голову.

— Сочту за удовольствіе!—сказалъ онъ:—ну-съ, теперь просьба?

— Ахъ, просьба, просьба,—смущенно проговорила Серафима Герасимовна:—мнѣ, право, неловко. Знаете-ли, видите-ли...

Она взглянула на Бѣгишева. Онъ привѣтливо улыбался; тогда она, словно ободренная его улыбкой, рѣшительно произнесла:

— Мнѣ нужно по-зарѣзъ 100 рублей. Одолжите, Алексѣй Николаевичъ!

— Господи, какіе пустяки! — воскликнулъ Бѣгишевъ, быстро вставая:—стоило вамъ самой безпокоиться; вы-бы чиркнули только!

Онъ подошелъ къ столу, взялъ съ него бумажникъ и тотчасъ вынулъ изъ него 100 рублевую ассигнацію.

— Я очень благодаренъ вамъ, что вы обратились именно ко мнѣ,—галантно прибавилъ онъ, подавая ей деньги.

— Къ кому-же мнѣ и обратиться, какъ не къ вамъ!— широко улыбаясь, отвѣтила Серафима Герасимовна, и въ эту минуту передъ этимъ великодушнымъ человѣкомъ ей вдругъ захотѣлось разсказать про всѣ свои мытарства, про жизненныя неудачи, про тьму обидъ, про вѣчные недостатки, но она во-время сдержалась и поспѣшно допила холодную воду.

Волненіе ея улеглось, и она уже ровнымъ голосомъ сказала:

— Такъ сегодня вечеромъ мы васъ ждемъ! Не обманите!

III.

Серафима Герасимовна устроила вечеръ. Она, торжествующая, вернулась домой и, усталая, но радостная, опустилась на кресло въ гостинной, гдѣ ее встрѣтили Николай и Лидія.

— По лицу вижу, что удалось?!—спросила Лида.

— Уфъ!—съ довольнымъ видомъ произнесла мать:—и намучилась-же я! а гдѣ Татьяна?

Лида небрежно встряхнула головою.

— Съ папой сидитъ!

— Много-ли? хватитъ?—озабоченно спросилъ Николай.

— Ахъ, погоди, пожалуйста! дай передохнуть!—махнула мать рукою и, тяжело поднявшись, медленно прошла въ столовую.

Лицо ея было довольно и ласково.

Татьяна сидѣла у столика подлѣ отца и внимательно слушала сбивчивый разсказъ увлекшагося старичка.

— Губернаторъ мнѣ и говоритъ, Танечка,—разсказывалъ онъ и вдругъ смущенно осѣкся при видѣ подходившей къ нему жены.

Татьяна недовольно отшатнулась, и лицо ея приняло холодное выраженіе.

— Разсказываешь, врешь все,—ласково проговорила Серафима Герасимовна своему мужу, гладя его по головѣ.

— Нѣтъ... я такъ... почему-же...—смущенно пробормоталъ онъ.

Татьяна нахмурилась и встала.

— Ну, ври, ври!—снисходительно сказала Серафима Герасимовна и, обратясь къ Татьянѣ, радостно заговорила:— а знаешь, вышло къ лучшему, что я пошла, а не ты. Ты никогда-бы не принесла столько денегъ!

— А сколько, что ты не скажешь, мама! — крикнули въ одинъ голосъ вошедшіе Николай и Лида.

— Сто шестьдесятъ шесть!—радостно выговорила мать.

Татьяна невольно вздрогнула.

— У кого вы были? — спросила она сдержанно.

Мать поняла ея вопросъ и вспыхнула:

— Ужъ не тебѣ-ли отчетъ давать! можешь быть увѣрена, не украла!—прибавила она саркастически.

Татьяна хотѣла говорить, но ее перебили Николай и Лида. Они обрадовались деньгамъ, словно дикари бусамъ.

— Значитъ, у тебя сто два чистоганомъ останется!— тотчасъ вычислилъ Николай:—какъ хочешь, а мнѣ десять рублей давай!—заявилъ онъ.

— Изъ какихъ-же денегъ?—возмутилась мать.

— А мнѣ шляпку! ты обѣщала мнѣ шляпку!—заканючила Лида.

— Сто два рубля—это не деньги?—возмутился Николай и тотчасъ горячо прибавилъ:—не безпокойся, за мной не пропадутъ, отдамъ съ процентами, какъ урокъ получу.

— Да я не къ тому, а какъ-же съ квартирой?

— Къ черту квартиру!

— Мнѣ ты должна шляпу!

Они стояли и галдѣли посреди столовой. Смущенный этими криками Антонъ Петровичъ всталъ и началъ нервно ходить подлѣ своего столика, запахиваясь въ свое пальто. Татьяна тоже молча отошла отъ столика, подлѣ котораго сидѣла съ отцемъ, и направилась къ дверямъ.

— Постой, постой, Танюша! — торопливо остановила ее мать:—я еще не сказала тебѣ; у насъ сегодня будутъ гости. Бѣгишевъ будетъ!—поспѣшно прибавила она, видя что Татьяна сдѣлала протестующій жестъ.

Татьяна вдругъ вспыхнула.

— Вы и у него были?!—спросила она.

Серафима Герасимовна сдѣлала видъ, что не разслышала и обратилась къ Николаю и Лидѣ:

— Ахъ, дѣтки!—воскликнула она:—вечеромъ соберутся къ намъ, а у насъ ничего нѣтъ. Пойдемъ скорѣе къ этому негодяю Кровлеву, отдадимъ ему деньги и купимъ чего-нибудь! Коля, Лида!

Татьяна грустно качнула головою и вышла въ гостиную.

Она сѣла къ раскрытому роялю и машинально стала перебирать клавиши.

— Я сейчасъ, мамочка!—бросилась радостная Лида изъ комнаты.

Она знала, какъ выгодно было быть при матери, когда у послѣдней бывали деньги.

— Что мнѣ съ вами шататься,—брезгливо проговорилъ Николай:—вы лучше отдайте мнѣ мои десять рублей и—шабашъ!

— На, на, жадный!—шутливо крикнула Серафима Герасимовна и, вынувъ пачку денегъ, отсчитала десять рублей и бросила ихъ на столъ.

У Николая вспыхнули глаза, и онъ торопливо схватилъ деньги. Лицо его засіяло.

— Гайда теперь!—крикнулъ онъ весело:—наголодались!

Лида вбѣжала въ столовую, кокетливо одѣтая въ модное пальто и широкополую шляпу.

— Николай, позови Хвостова!—крикнула она, вбѣгая.

— Хочется?—подмигнулъ Николай.

— Позови, милый!

— Позови его, Коля, пусть полюбезничаютъ!—улыбнулась счастливая Серафима Герасимовна.

— Ну, идемъ, мамочка!

Онѣ ушли. Слѣдомъ за ними скрылся и Николай, и Татьяна снова осталась вдвоемъ съ отцомъ.

Отецъ вышелъ изъ столовой и сталъ медленно ходить по гостинной.

— Обрадовалась,—говорилъ онъ:—вѣрно, денегъ достала. Она всегда такъ: только и весела, когда тратить ѣдетъ. Вѣдь у меня были деньги, Танюша,—обратился онъ къ Татьянѣ: — много было, имѣнье было. Она все спустила. Вотъ также. Ты была маленькая тогда, маленькая. Она и тебя въ гостинный, бывало, утащитъ... Да, много было. А теперь—вотъ,—онъ развелъ руками и заговорилъ снова:—берегись, Танюша, деньги тратить; грѣхъ это; черезъ это люди въ пороки впадаютъ. Вотъ я оставлю вамъ послѣ себя тысячъ десять марокъ, продадите ихъ—снова богаты будете и вотъ тогда, Танюша, береги!..

Онъ ходилъ и говорилъ безъ умолку, а Татьяна, погруженная въ свои мысли, почти не слыхала его словъ. Сперва она думала, а теперь увѣрилась, что мать занимала деньги у Бѣгишева, и ей становилось совѣстно. Краска стыда заливала ея лицо при этой мысли. Значитъ, еще немного, и онъ потеряетъ къ нимъ уваженіе, какъ и всѣ другіе. Ей хотѣлось уйти сегодня, уйти къ больной Пронѣ и всю ночь просидѣть у ея постели подлѣ умной и доброй Авдотьи Павловны. Но рядомъ съ этимъ она стосковалась, не видѣвши послѣднюю недѣлю Бѣгишева, и не могла побороть желанія провести съ нимъ вечеръ.

Онъ въ послѣднее время сталъ заѣзжать къ нимъ все

рѣже и рѣже, и, несмотря на это, съ каждымъ разомъ Татьяна чувствовала, что онъ становится ей все ближе и ближе.

Онъ пріѣхалъ къ нимъ на другой день послѣ убійства Гинтовта и сказалъ ей:

— Какая страшная исторія!—потомъ прибавилъ:—и какъ некстати.

— Я къ вамъ все-таки поѣхала,—сказала Татьяна:—и вернулась съ дороги.

— Почему?

— Мнѣ стало вдругъ страшно, когда я доѣхала до мѣста убійства.

— А я васъ ждалъ,—тихо промолвилъ Бѣгишевъ.

Въ этотъ вечеръ они больше не говорили, но Татьянѣ показалось, что что-то произошло между ними, какія-то невидимыя нити протянулись, переплелись и скрѣпили ихъ отношенія. За ужиномъ Бѣгишевъ горячо защищалъ Грохова противъ всякаго подозрѣнія, и Татьянѣ казалось, что онъ говоритъ только съ нею.

Потомъ онъ былъ у нихъ черезъ недѣлю. Лицо его было грустнѣе обыкновеннаго.

— Почему вы сегодня такой грустный? — спросила она.

Онъ тихо улыбнулся.

— Я рѣдко бываю веселымъ,—отвѣтилъ онъ и тотчасъ шутливо прибавилъ:—грусть—спутникъ всякаго глубокаго мыслителя!

За ужиномъ онъ завладѣлъ разговоромъ и началъ доказывать, что свобода человѣческой личности это парадоксъ, что всякій человѣкъ связанъ и задавленъ всевозможными долгами и обязанностями и подобенъ вьючному животному,—и опять Татьянѣ казалось, что онъ говоритъ только ей одной, и въ его голосѣ ей слышалась безконечная грусть.

Съ того вечера онъ у нихъ не былъ. Нѣтъ, какъ ни

стыдно, но она чувствуетъ, что не можетъ уйти, если онъ обѣщался придти къ нимъ сегодня.

Она тихо улыбнулась, положила руки на клавиши и заиграла свою любимую мелодію.

— Ну, а я поклею еще, пока что!—окончилъ свою длинную рѣчь Антонъ Петровичъ и повернулся къ столовой.

— Папа, поцѣлуй меня!—крикнула ему Татьяна.

Онъ торопливо повернулся, подошелъ къ ней и нѣжно поцѣловалъ нѣсколько разъ ея бѣлый лобъ.

— Я люблю тебя, папа!—сказала Татьяна.

— Милая ты моя!—счастливо улыбнулся старикъ.

Въ передней раздался оглушительный звонокъ.

Угрюмая Марфа медленно протащилась черезъ гостинную, ругая людей, звонящихъ, «ровно черти оглашенные».

Это вернулись Серафима Герасимовна съ Лидой, нагруженныя покупками; за ними вошелъ мальчикъ, съ корзиной на головѣ.

— Сюда, сюда!—показала ему Серафима Герасимовна мѣсто, куда поставить корзину.—Ну и устала!—прибавила она, складывая свои покупки.

Мальчикъ опустилъ на полъ корзину и ушелъ.

— Ну, Танюша, расплатилась я съ этимъ Иродомъ!—радостно заявила Серафима Герасимовна:—ужъ какъ кланялся, извинялся за безпокойство! Купчишка!—окончила она презрительно...

Николай, Лида и Серафима Герасимовна были въ восторгѣ отъ вечера. Онъ удался на славу. За чаемъ были печенья, ромъ и конфеты, во время игры подавались фрукты, и вечеръ закончился обильнымъ ужиномъ, съ виномъ и дессертомъ.

Николай, кромѣ Хвостова, привелъ еще трехъ пріятелей, Лида успѣла позвать своихъ подругъ, и они устроили веселыя игры, а потомъ танцы, въ которыхъ и большіе приняли горячее участіе. Къ «большимъ» въ домѣ Вишняковыхъ причислялись всѣ, ухаживающіе за Татьяной.

Первымъ изъ нихъ явился Адовъ. Въ сюртукѣ до колѣнъ, съ сіяющимъ лицомъ и восторженнымъ голосомъ, онъ влетѣлъ въ оживленную Лидіей и ея подругами гостинную и жадно устремился къ рукѣ Татьяны, но она быстро выдернула свою руку, и поцѣлуй Адова прозвучалъ въ воздухѣ. Это на мгновеніе смутило его, но Серафима Герасимовна успѣла понять его состояніе и во-время протянула ему свою руку. На этотъ разъ поцѣлуй Адова не пропалъ безслѣдно! Онъ ожилъ и тотчасъ-же подсѣлъ къ Татьянѣ.

Та устроила молодежи танцы, и сѣла сама за тапера. Адовъ съ жаромъ сталъ говорить ей о страданіяхъ въ разлукѣ съ нею; она разсѣянно его слушала и чутко прислушивалась къ каждому звонку.

Если ей удалось спасти свою руку отъ поцѣлуя Адова, то это не удалось при приходѣ Морозова. Онъ сладко поцѣловалъ ее два раза и нѣсколько задержалъ въ своей рукѣ, смотря масляными глазами въ холодное лицо Татьяны. Въ эту минуту она страдала невыносимо. Ей было ясно, что Морозовъ считалъ въ правѣ такъ вести себя, потому что навѣрное далъ сегодня денегъ ея матери.

Почти вырвавъ свою руку, она поспѣшно сѣла снова за рояль и заиграла бравурную польку.

Морозовъ, не сводя съ нея глазъ и слащаво улыбаясь, сѣлъ подлѣ нея съ другой стороны.

— Чай, уши вамъ прожужжалъ своими любезностями!— сказалъ онъ, кивая на Адова.

— По крайней мѣрѣ, Федоръ Матвѣевичъ не говоритъ пошлостей!—рѣзко отвѣтила Татьяна и, ударивъ по клавишамъ, быстро встала изъ-за рояля.

Танцующіе съ недоумѣніемъ остановились.

— Что-же ты, Таня?—крикнула Лида.

— Подожди, голубка, руки устали!—отвѣтила Татьяна, проходя въ столовую, гдѣ Серафима Герасимовна, съ сіяющимъ лицомъ, хлопотала подлѣ самовара.

— Удивительная барышня!—снисходительно улыбаясь, сказалъ смущенный Морозовъ Адову.

Адовъ съ ехидной улыбкой пожалъ плечами. Онъ остался доволенъ рѣзкимъ отвѣтомъ Татьяны.

— Готовитесь къ маневрамъ,—спросилъ Морозовъ, перемѣняя тему.

— Понемножку,—отвѣтилъ Адовъ, ища предлога оставить докучнаго собесѣдника.

Молодежь раздѣлилась парочками. Въ уголку дивана усѣлся Хвостовъ съ Лидіей и что-то оживленно ей разсказывалъ.

Лидія смѣялась, и ея глазки горѣли удовольствіемъ.

— О чемъ это поэтъ разсказываетъ? — какъ-бы про себя, замѣтилъ Адовъ и, медленно вставъ, направился къ дивану.

При видѣ его, лицо Хвостова нахмурилось, а лицо Лидіи потускнѣло.

Морозовъ уныло оглядѣлся, всталъ и прошелъ въ столовую.

— А, Павелъ Сергѣевичъ! — воскликнула Серафима Герасимовна, смѣясь довольнымъ смѣхомъ.

— Онъ самый!—здороваясь, отвѣтилъ Морозовъ и подсѣлъ къ ней.

Татьяна вышла.

Скучая среди безпечнаго веселья молодежи, она пошла искать своего отца.

Онъ сидѣлъ въ спальнѣ, куда на время перенесли и его маленькій столикъ.

Увидѣвъ Татьяну, онъ ласково ей улыбнулся и сказалъ:

— Соскучилась? тамъ шумно...

— Мнѣ съ ними всегда скучно, папа.

— Вотъ и мнѣ такъ, бывало,—задумчиво сказалъ старикъ.

Татьяна сѣла подлѣ него и, смотря на его спокойныя движенія, томилась досадною скукой.

— Говорили?—вполголоса спросилъ Морозовъ у Серафимы Герасимовны, когда вышла Татьяна.

Та качнула головою.

— Вовсе времени не было! Завтра поговорю.

— Бѣгишевъ придетъ?—тревожно спросилъ Морозовъ.

Серафима Герасимовна смутилась.

— Не знаю. Развѣ онъ въ городѣ?

— Чертъ его знаетъ,—грубо отвѣтилъ Морозовъ:—вѣдь ему у себя не сидится!

— Чайку, чайку, Серафима Герасимовна! — сказалъ, входя въ комнату, Адовъ:—измученъ жаждой!

— Неудовлетворенной любви? — саркастически замѣтилъ Морозовъ.

Онъ начиналъ раздражаться на Адова.

Адовъ нахмурился.

— Я говорилъ про чай, кажется? — угрюмо замѣтилъ онъ.

Морозовъ дерзко засмѣялся.

Серафима Герасимовна поспѣшила на помощь и тотчасъ начала разспрашивать Адова про его лагерную жизнь.

— Какой навязливый! — прошепталъ Хвостовъ Лидіи, когда бѣдный Адовъ отошелъ отъ нихъ.

— Онъ давно и безнадежно влюбленъ въ Таню, — сказала Лидія.

— Дуракъ!—пожалъ плечами Хвостовъ.

— Не говорите такъ, можетъ, и вамъ придется быть въ такомъ положеніи.

— Мнѣ?!—фатовато воскликнулъ Хвостовъ: — никогда!

Лидія исподлобья взглянула на него, и ея неопытному уху въ его словахъ послышалась гордая сила... Она вспыхнула и потихоньку пожала ему руку.

Въ гостинную вошелъ Бѣгишевъ. Петербургскій баринъ былъ виденъ во всѣхъ его движеніяхъ, во всѣхъ мелочахъ его безукоризненнаго костюма. Онъ съ ласковой

улыбкой поздоровался съ Лидіей и Хвостовымъ, пожалъ по дорогѣ руки двумъ-тремъ юношамъ и легкой походкой прошелъ въ столовую.

Серафима Герасимовна встрѣтила его восторженнымъ восклицаніемъ.

Морозовъ поблѣднѣлъ отъ досады и быстро обмѣнялся взглядомъ съ Адовымъ; тотъ раздѣлялъ его состояніе, и они мысленно примирились другъ съ другомъ.

Ихъ сочувствіе было видно уже въ той холодной сдержанности, съ которою они оба поздоровались съ Бѣгишевымъ.

Серафима Герасимовна поспѣшно подала ему стаканъ чаю.

Если-бы Бѣгишевъ не обладалъ манерами свѣтскаго человѣка, то упорное молчаніе Морозова и Адова привело-бы его непремѣнно въ смущеніе, но онъ словно игнорировалъ ихъ хмурое настроеніе.

Легко и весело онъ началъ передавать Серафимѣ Герасимовнѣ послѣднія петербургскія новости, затѣмъ ловко перешелъ на новую оперу «Фальстафъ» и, съ пониманіемъ знатока, сталъ объяснять красоты этой оперы.

— А позвольте узнать,—раздраженно замѣтилъ Адовъ,— гдѣ вамъ удалось ее слушать?

Онъ думалъ смутить Бѣгишева, зная, что ея еще не давали въ Россіи, а тѣмъ болѣе въ ихъ городѣ, но смутился самъ, когда Бѣгишевъ спокойно ему отвѣтилъ:

— Я читалъ ее въ партитурѣ.

Злоба на него увеличилась еще больше, когда въ столовую вошла Татьяна, и Морозовъ съ Адовымъ увидѣли, какъ вспыхнуло и измѣнилось ея обыкновенно строгое, холодное лицо.

Голосъ Бѣгишева на мгновеніе тоже дрогнулъ, но онъ тотчасъ оправился и, поздоровавшись съ Татьяной, продолжалъ свою рѣчь.

Она присѣла къ столу и жадно стала его слушать.

Словно въ соревнованіи, Морозовъ и Адовъ вдругъ приняли участіе въ разговорѣ, и бесѣда оживилась.

Серафима Герасимовна торжествовала. Все шло отлично, и, хотя ей необходимо было зорко слѣдить за всѣми, тѣмъ не менѣе, она твердо была увѣрена, что съ этимъ «умницей», какъ она называла Бѣгишева, никакой неловкости произойти не можетъ.

Чаепитіе окончилось, и ей необходимо было заняться приготовленіемъ къ ужину.

— Таня, пригласи гостей въ гостиную!—сказала она.

Татьяна оживленно встала.

— Кавалеры, приглашайте дамъ! Кадриль!—закричала она, радостно возбужденная, входя въ гостиную, и, быстро подойдя къ роялю, заиграла ретурнель.

Бѣгишевъ присѣлъ на диванѣ со стаканомъ чая въ рукѣ, и Татьяна все время чувствовала на себѣ его ласковый взоръ, отъ котораго ей становилось удивительно легко и весело.

Морозовъ и Адовъ остановились въ сторонѣ и, ведя оживленный разговоръ объ общихъ знакомыхъ, не спускали внимательныхъ глазъ съ опаснаго соперника.

Бѣгишевъ замѣтилъ ихъ вниманіе, и оно его оскорбило за Татьяну. Что-то обидное было въ этомъ соревнованіи. Онъ тихо всталъ и осторожно прошелъ черезъ гостиную въ сосѣднюю комнату; въ маленькой комнатѣ, освѣщенной полосой свѣта изъ гостиной, царилъ полумракъ. Бѣгишевъ сѣлъ на ближайшее кресло и смотрѣлъ на оживленныя лица танцующихъ. «Безпечны и молоды, а впереди — тысячи заботъ и огорченій», — подумалъ онъ, и самъ улыбнулся банальности своей мысли.

Ему не надо оставаться одному. Въ одиночествѣ его всегда преслѣдуютъ то глупыя, то грустныя мысли. Онъ встряхнулъ головою и быстро всталъ.

Въ гостиную вошла Серафима Герасимовна и пригласила гостей ужинать. Въ комнатѣ поднялся переполохъ.

Воспользовавшись суматохою, Татьяна приблизилась къ Бѣгишеву.

— Вамъ скучно у насъ? — спросила она его.

Бѣгишевъ поднялъ на нее глаза и улыбнулся.

— Я очень доволенъ вечеромъ, — сказалъ онъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта.

— Отчего вы къ намъ такъ рѣдко приходите? — спросила вторично Татьяна.

— Я — скучный собесѣдникъ и боюсь надоѣсть слишкомъ частыми визитами.

— Вы мнѣ никогда не надоѣдите, — порывисто прошептала Татьяна.

Сердце Бѣгишева радостно вздрогнуло при этихъ словахъ, но онъ затаилъ свою радость.

— Вы сегодня доставили большое удовольствіе молодежи, — сказалъ онъ: — они скакали такъ весело, какъ можно веселиться только въ ихъ годы.

— Вы веселились такъ?

— О, да, когда былъ въ ихъ возрастѣ! — оживленно сказалъ Бѣгишевъ, и вдругъ, польщенный ея вниманіемъ, онъ сталъ съ увлеченіемъ разсказывать ей воспоминанія своихъ юношескихъ лѣтъ.

Глаза его засвѣтились, лицо вспыхнуло легкимъ румянцемъ. Татьяна слушала его съ затаеннымъ восторгомъ.

Въ это время къ нимъ подошелъ Адовъ съ салфеткою въ рукѣ.

— Ждемъ хозяйскую дочь! — сказалъ онъ съ шутливымъ поклономъ.

Татьяна и Бѣгишевъ смутились.

— Вотъ что значитъ молодость! — засмѣялся Бѣгишевъ: — только вспомнилъ о ней и сейчасъ-же провинился передъ этикетомъ. Простите меня, Татьяна Антоновна! — онъ медленно пошелъ въ столовую.

— Ну, а вы что-же? — спросилъ Адовъ Татьяну Антоновну.

— Оставьте меня: я не хочу ужинать! — рѣзко отвѣтила она и отошла къ окошку.

Она высунулась въ него до половины своего корпуса и жадно вдыхала свѣжій воздухъ, который опахнулъ ея разгоряченное лицо.

Отчего оно разгорѣлось у нея? — она и сама не знала, такъ какъ Бѣгишевъ говорилъ самыя обыкновенныя вещи.

Изъ столовой несся веселый смѣхъ. Огорченный Адовъ усиленно пилъ и смѣшилъ публику анекдотами, которые разсказывалъ чрезвычайно умѣло.

Морозовъ снисходительно улыбался, слушая его разсказы. Онъ улыбался болѣе для своей сосѣдки, хорошенькой шестнадцати-лѣтней брюнетки, подлѣ которой, съ другой стороны, сидѣлъ Николай, совершенно недовольный остроуміемъ Адова.

Бѣгишевъ одиноко сидѣлъ среди гостей и уныло скатывалъ шарики изъ хлѣба.

Ужинъ кончился. Всѣ шумно и весело встали изъ-за стола и, перейдя въ гостиную, затѣяли игры.

Въ играхъ на этотъ разъ приняли участіе и Адовъ, и Морозовъ, и Татьяна, и даже Бѣгишевъ.

Серафима Герасимовна съ ласковою улыбкой смотрѣла на общее веселье, и царившій въ комнатѣ невообразимый гамъ нѣжилъ ея слухъ, какъ лучшая музыка....

Серафима Герасимовна, Николай и Лида остались очень довольны вечеромъ. Онъ, безспорно, удался. Осталась довольна и Татьяна. Она все-таки видѣла Бѣгишева и говорила съ нимъ. Она сказала ему на прощанье:

— Придите какъ-нибудь днемъ, когда нѣтъ этихъ!

Онъ улыбнулся на ея слова и отвѣтилъ почему-то шепотомъ:

— Непремѣнно приду!

И эти фразы, которыми они обмѣнялись, оставили въ нихъ чувство какого-то удовлетворенія, доставившаго имъ полное, хотя и короткое, счастье.

Доволенъ вечеромъ былъ и Морозовъ. Онъ достаточно подготовилъ Серафиму Герасимовну и почти былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Если-же Татьяна и ломается, Богъ съ ней. Для него это вовсе не важно.

Онъ плотоядно улыбнулся и подумалъ: «образумится!»

Недоволенъ остался только Адовъ. Поведеніе Татьяны не соотвѣтствовало ни одному слову Серафимы Герасимовны. Онъ ждалъ и совершенно иного пріема, и совершенно иного разговора.

Нѣтъ, надо сознаться, что его мечты рушатся.

Его грызла тоска, обида, онъ готовъ былъ плакать, а въ то-же время какая-то неясная злоба противъ Татьяны и ея матери разросталась въ его груди, и передъ нимъ снова ясно началъ вырисовываться образъ соблазнительной купеческой вдовы.

«Женюсь», — подумалъ онъ злобно:—«и покажу имъ шику»,—и отъ этой мысли его злоба, какъ будто, на время затихла.

IV.

Татьяна лежала въ постели, когда Марфа грубо вошла въ спальню и бросила ей на одѣяло конвертъ. Татьяна быстро схватила его и распечатала. Лицо ея сперва выразило изумленіе, потомъ испугъ и снова удивленіе.

«Божественная Татьяна Антоновна, изъ посѣщенія вашего», значилось въ письмѣ, «я уразумѣлъ о вашемъ участіи къ дѣлу подслѣдственнаго Грохова, а потому и спѣшу увѣдомить, что дѣло о немъ передано уже на составленіе обвинительнаго акта, а потому я и осмѣлился предложить вамъ повидаться со мною, дабы я смогъ изложить вамъ всѣ причины и поводы къ таковому моему письму, а также и свиданію, которое я просилъ-бы назначить по набережной, у биржи, сегодня въ пять часовъ послѣ занятій, гдѣ я буду съ нетерпѣніемъ ожидать встрѣчи съ вами. Глубоко васъ уважающій Фераонтъ Шмыгра».

Татьяна перевернула листокъ и увидѣла приписку. Подъ двумя нарисованными сердцами стихотворными строками было написано:

«Съ тѣхъ поръ, какъ вы явились
Ко мнѣ въ квартиру, словно ангелъ,
Я брежу вами,
Очаровательная Татьяна.

Вашъ Ферапонтъ».

Она съ недоумѣніемъ прочитала еще разъ письмо, стараясь вникнуть въ его смыслъ. «Надо пойти, для Прони надо», — рѣшила она, вставая съ постели, и, одѣваясь, не могла выкинуть изъ головы мысли, что можетъ сказать ей Шмыгра.

Она съ нетерпѣніемъ ждала условнаго часа.

— Таня, — вдругъ сказала мать, когда она сидѣла у стола, пересматривая книгу: — мнѣ хочется переговорить съ тобою.

— О чемъ, мама? — спросила Татьяна, откладывая въ сторону книгу.

— Слушай! — ласково начала Серафима Герасимовна, подсаживаясь къ ней и беря ее за руку. — Ты слишкомъ горда, — заговорила она: — а въ послѣднее время ты совсѣмъ замкнулась, сторонишься, словно начала презирать меня... Не говори, не говори, я вижу! — воскликнула она, замѣтивъ протестующій жестъ Татьяны, и продолжала: — да, я все вижу! а мнѣ больно, больно потому еще, что я вижу больше, чѣмъ ты, и знаю больше тебя. Зачѣмъ ты отъ меня таишься? Отчего ты не придешь ко мнѣ и не разскажешь сама всего, что у тебя на душѣ?..

Серафима Герасимовна расчувствовалась, и въ голосѣ ея послышались слезы. Татьяна съ изумленіемъ посмотрѣла на нее.

— Мама, о чемъ ты? — воскликнула она.

— О чемъ! — качая головою, отвѣтила мать: — и ты словно не догадываешься! Ты думаешь, мать не видитъ, что дурочка влюблена въ этого Бѣгишева.

Она остановилась и пытливо посмотрѣла на Татьяну. Та при ея послѣднихъ словахъ вздрогнула, поблѣднѣла и безсильно опустила голову.

— Что, ты скажешь, неправда?

Татьяна молчала. Серафима Герасимовна придвинулась къ ней, обняла ее и нѣжно заговорила:

— Бѣдная ты моя, дурочка ты моя, тебѣ нужно вырвать изъ сердца эту любовь. Она принесетъ тебѣ только одно горе.

Татьяна освободилась изъ объятій матери и пытливо взглянула на нее. Сердце ея сжалось.

— Что вы говорите? — прошептала она.

— То, доченька, что Бѣгишевъ... женатъ!

Татьяна сжала руки такъ, что хрустнули пальцы, но сдержала готовый вырваться у нея крикъ обиды.

— Откуда вы это знаете? — спросила она, стараясь казаться спокойной.

Серафима Герасимовна обрадовалась ея спокойствію. «Значитъ, не такъ любитъ», — подумала она и отвѣтила:

— Господи! онъ самъ разсказывалъ это въ клубѣ; это всѣ знаютъ.

— А вы откуда? кто вамъ сказалъ?

— А мнѣ? мнѣ... мнѣ... Морозовъ сказалъ!

Татьянѣ многое стало понятно. Она спокойно, медленно встала и вышла изъ комнаты, сказавъ съ легкой усмѣшкой:

— А! Морозовъ!

Серафима Герасимовна осталась въ полномъ недоумѣніи относительно чувствъ Татьяны и въ то-же время ясно поняла, что сильно испортила дѣло своего друга. Это, въ свою очередь, испортило ея настроеніе, и, когда вернулась Лида съ прогулки въ сопровожденіи Хвостова, она рада была сорвать на ней свою досаду и стала бранить ее за уходъ безъ спросу. Лида заплакала и убѣжала. Серафима Герасимовна, гнѣвная, пошла въ кухню браниться съ Марфою, и Хвостовъ остался въ гостинной одинъ, въ неловкомъ смущеніи раздумывая, уйти ему или остаться...

Если Татьяна и показалась спокойной, то въ дѣйствительности сердце ея было готово разорваться на части отъ тоски и обиды. Неужели-же эти его улыбки и взгляды— одинъ обманъ, неужели она отдавала всѣ свои лучшія мечтанія обманщику, нечестному, потому что нечестенъ тотъ, кто, будучи женатымъ, выдаетъ себя за холостого.

Свиданью со Шмыгрой она обрадовалась теперь, какъ возможности развлечься. Потомъ она пойдетъ къ Пронѣ, просидитъ до вечера и не дастъ свободы своимъ грустнымъ мыслямъ.

Но грустныя мысли преслѣдовали ее и не дали ей улыбнуться даже при встрѣчѣ со Шмыгрою, который былъ невѣроятно смѣшенъ.

Въ модномъ короткомъ пальто мышинаго цвѣта, въ мягкой широкополой шляпѣ, рыжій и мясистый, онъ представлялъ изъ себя удивительную фигуру.

При видѣ Татьяны онъ, еще издалека, снялъ свою шляпу и, приближаясь къ ней, дѣлалъ какія-то странныя па, сопровождая ихъ поклонами.

— Осмѣлюсь-ли!—расцвѣтая улыбкою, робко проговорилъ онъ, когда Татьяна протянула ему руку, и затѣмъ, поклонившись еще разъ чуть не въ поясъ, онъ «осмѣлился» и прикоснулся къ ея рукѣ.

Татьяна пошла вдоль берега; Шмыгра, тая отъ восторга, шелъ подлѣ нея бокомъ и безсвязно восклицалъ:

— Счастіе!.. невѣроятно!.. какъ сонъ!..

— Что вы хотѣли сказать о Гроховѣ?—спросила, наконецъ, Татьяна, прерывая его восторженные возгласы.

Шмыгра нѣсколько смутился, внезапно охлажденый въ своемъ восторгѣ, но тотчасъ одумался, принялъ таинственный видъ и заговорилъ, прижимая руки къ сердцу:

— Для васъ, единственно для васъ! въ нѣкоторомъ родѣ совершаю преступленіе, посвящая васъ въ тайны нашего дѣлопроизводства; но, принимая во вниманіе ваше драгоцѣнное участіе въ этомъ молодомъ, но погибшемъ че-

ловѣкѣ, зная, сколь вы трепетно сочувствуете его дѣлу, осмѣлился преступить законы совѣсти и разсказать вамъ, такъ какъ... какъ...

Шмыгра спутался въ свой рѣчи.

Татьяна сдѣлала нетерпѣливый жестъ.

— Намъ надоѣло вести это слѣдствіе,—сказалъ Шмыгра:—мы представили его на заключеніе прокурора. Понятно, мы сдѣлали выводы. Мы постарались объяснить всѣ основанія, мы ничего не упустили, потому что...

— Что это значитъ «представили»? — перебила его Татьяна.

— Теперь, выходитъ, прокуроръ составитъ обвинительный актъ, а тамъ разборъ...

— Въ судѣ?

— Ну да, въ судѣ! а если я приглашалъ васъ на это таинственное свиданіе, то, такъ какъ вы интересуетесь...

— О, Господи, какъ долго!—воскликнула Татьяна:— что надо-то?

Шмыгра смутился.

— Я собственно, чтобы вы убѣдили, чтобы онъ, этотъ молодой человѣкъ, взялъ адвоката. Непремѣнно!

— О, да, да! это нужно!—сказала Татьяна.

— Такъ и я. И я даже отправилъ къ нему одного петербургскаго, столичнаго. Онъ, правда, хромой...

— Ну и что-же?

— Не желаютъ-съ!—взмахнулъ рукою Шмыгра:—отказываютъ, гонятъ, говорятъ—сами, а развѣ они знаютъ всѣ ходы, выходы, крюки, закорюки! да-съ! И я, какъ знаю, что вы, принимая въ немъ горячее сочувствіе, искренно желали-бы...

— О, да, да! я пойду къ нему уговорить его, это необходимо!

— Совершенно вѣрно, необходимо; и я то-же самое!..

— Благодарю васъ, г-нъ Шмыгра!—протянула Татьяна свою руку.

Лицо Шмыгры изобразило блаженство. Онъ изогнулся весь, едва коснулся ея руки и восторженно бормоталъ:

— Премного... безконечно... если что...

— Я всегда обращусь къ вамъ! а теперь не откажитесь проводить меня!

Если-бы сама богиня счастья со своимъ пресловутымъ рогомъ явилась-бы передъ Шмыгрой, онъ не былъ-бы ею такъ обрадованъ, какъ просьбой Татьяны.

Онъ важно, величественно пошелъ рядомъ съ нею, сіяя восторженнымъ счастьемъ, и въ то-же время съ мученіемъ въ душѣ старался быстро и находчиво подыскать занимательную тему для разговора, въ которомъ-бы онъ могъ блеснуть своимъ остроуміемъ; но темы, увы, не находилось, и онъ лепетатъ только безсвязныя замѣчанія о погодѣ, а Татьяна не приходила ему на помощь.

Она думала о сообщеніи Шмыгры и торопилась подѣлиться имъ съ Рощиными; она думала, что Проня больна; и хотѣла вызваться помочь ей, и эти мысли отвлекали ее отъ того ужаснаго, сквернаго, что таилось у нея гдѣ-то далеко въ душѣ и давило ее, словно камнемъ.

Подлѣ домика Рощиныхъ она разсталась со Шмыгрою. Онъ снова съ благоговѣніемъ едва коснулся ея руки и долго смотрѣлъ на ту калитку, за которой она исчезла. Потомъ онъ вздохнулъ, улыбнулся и медленно пошелъ домой, сочиняя по дорогѣ тотъ разговоръ, который онъ долженъ-бы былъ повести съ Татьяной.

Этотъ разговоръ, въ его мысляхъ, былъ легокъ, какъ воздушное печеніе. Онъ острилъ, вставлялъ мѣткій стихъ, заставлялъ ее смѣяться, и, мало-по-малу, въ своихъ грезахъ Шмыгра почти увѣрился, что именно все это онъ и говорилъ съ Татьяной, вслѣдствіе чего онъ съ сіяющимъ лицомъ вошелъ къ себѣ и, распахивая дверь, на порогѣ дрожащимъ отъ торжества голосомъ воскликнулъ:

— Мамаша, я побѣдилъ!..

Къ своему удивленію, Татьяна застала Проню на ногахъ. Она похудѣла еще больше; глаза ея свѣтились лихорадочнымъ блескомъ, и она вся была охвачена какимъ-то нервнымъ волненіемъ. Черное платье, плотно охватывающее ея стройную фигуру, какъ-то удивительно гармонировало съ ея блѣднымъ лицомъ и сверкающими глазами. Она поровисто бросилась навстрѣчу Татьянѣ и крѣпко обняла ее.

— Какъ я рада, милая, твоему приходу,—сказала она.

— Но ты вчера была такъ больна! зачѣмъ ты встала? — удивилась Татьяна.

Въ это время изъ спальни вышла Авдотья Павловна, въ шляпѣ и съ саквояжемъ въ рукахъ. Она поздоровалась торопливо съ Татьяной и сказала:

— Я должна уйти. Мои паціентки не сообразуются съ моими дѣлами! До свиданья, дѣтки!—и она снова поцѣловала Татьяну и Проню. — Побраните ее! — крикнула она Татьянѣ изъ передней.

— Зачѣмъ ты встала?—снова сказала Татьяна.

Проня весело улыбнулась.

— Я ужъ и у него была!—отвѣтила она.

Татьяна съ изумленіемъ опустилась въ кресло.

— А я къ тебѣ шла съ новостью, что...—начала она, но Проня ее перебила:

— Знаю, знаю! дѣло передано на заключеніе прокурора! — потомъ она прибавила: — тѣмъ лучше, скорѣе! Если-бы ты знала, какъ онъ измучился!

— Я думаю!

— Но теперь онъ спокоенъ! — сказала съ тихой радостью Проня.

Татьяна пытливо взглянула на нее и только теперь замѣтила въ ней страшную перемѣну. Несмотря на блѣдность и худобу, несмотря на лихорадочно блестящіе глаза,

ея лицо имѣло тихое, счастливое, даже радостное выраженіе.

— Ему нужно теперь взять хорошаго адвоката,—сказала Татьяна.

— Для чего?—тихо улыбаясь, спросила Проня.

— Чтобы онъ его защищалъ.

— Отъ чего?

Татьяна съ недоумѣніемъ посмотрѣла на нее.

— Отъ обвиненія!

— Въ чемъ?—вся смѣясь, снова спросила Проня.

— Господи! да... въ... Ахъ, ты знаешь, въ чемъ!

— Въ убійствѣ Гинтовта, ты хочешь сказать?

— Ну да!

— Зачѣмъ-же ему защищаться, если онъ не виновенъ въ этомъ убійствѣ!—возразила Проня, засмѣявшись.

Татьяна, вдругъ, возмутясь ея смѣхомъ, вскочила съ кресла.

— Поэтому-то и защищаться!—закричала она:—онъ долженъ доказать, что не виновенъ! онъ не сможетъ самъ!

— Не онъ, а они должны доказывать! — спокойно вставила Проня.

— Они?! они и докажутъ! у нихъ сотни крючковъ и закорючекъ! они опутаютъ его! ты не слыхала, какъ говорятъ прокуроры! а! то-то! — прибавила она торжествующе: — ему адвоката надо!—окончила она.

Проня съ тихой, какой-то торжествующей улыбкой подошла къ ней и спокойно заговорила:

— Нѣтъ, они не опутаютъ того, кто не виновенъ! не смогутъ они этого!.. Постой, не перебивай!.. Но если-бы они опутали его, какъ ты говоришь, обвинили-бы, осудили и наказали,—скажи! — голосъ ея дрожалъ, и она какимъ-то строгимъ, испытующимъ взглядомъ взглянула на Татьяну:—ты-бы осудила его, повѣрила-бы имъ?

Она на мгновеніе замолкла.

— Я? нѣтъ!—съ живостью сказала Татьяна:—но всѣ

другіе! Его имя попадетъ въ газеты, по всему свѣту станетъ извѣстно, что Гроховъ...

Она не договорила.

— Ты—нѣтъ! — восторженно воскликнула Проня:—и я — нѣтъ, и мама, и всѣ, кто его знаетъ, и онъ, онъ самъ, самъ — понимаешь? Кого-же осудятъ-то? Имя! звукъ!

— Но на каторгѣ онъ будетъ!

— Я пойду съ нимъ! — съ тихой улыбкой отвѣтила Проня: — все это временное; правда выше; о, выше! я, знаешь.. Таня, это въ своей вчерашней болѣзни узнала. Мнѣ кто-то говорилъ, объяснялъ, кто-то ободрялъ меня. Я встала утромъ, пошла къ нему и все, все сказала. Милый!—воскликнула она:—онъ такъ-же думалъ. Да, пусть они доказываютъ, за него—правда!

— Вы съ ума сошли!—не выдержавъ, крикнула снова Татьяна, а въ ея душѣ происходило какое-то безмолвное поклоненіе этой удивительной Пронѣ. — Да, съ ума! человѣкъ долженъ защищать себя! — продолжала она и обняла Проню: — милая, голубушка, ты знаешь, какъ я люблю васъ! пусть онъ возьметъ адвоката! позволь мнѣ сходить къ нему, уговорить его!

Проня улыбнулась.

— Да уговаривай! только онъ не послушаетъ, онъ не можетъ послушать!—окончила она убѣжденно.

Онѣ разстались друзьями. Татьяна вся была поглощена мыслію о свиданьи съ Гроховымъ. Она была почти увѣрена, что уговоритъ его. Онъ — мужчина!

Но, когда настала ночь и она осталась одна сама съ собою, ей вдругъ вспомнился ужасный разговоръ съ матерью, и мысли ея тотчасъ оставили и Проню, и Грохова, и безумство ихъ, цѣликомъ устремившись на одно страшное, чудовищное, что холодило всю ея кровь.

«Неужели-же его глаза и голосъ мнѣ лгали, неужели-же онъ такъ долго, такъ гадко маскировался?»—съ мучи-

тельной болью мелькало въ ея головѣ, и она не знала, что ей предпринять, какъ поступить.

Забыть его? словно это такъ легко и просто!.. А потомъ, если это неправда?.. И ей пришелъ въ голову смѣлый планъ. Да, только это и вѣрно. Она увидитъ его и сама спроситъ. Онъ не посмѣетъ ей солгать, и не можетъ даже. Да, такъ она и сдѣлаетъ. Въ первый-же разъ, какъ его увидитъ. Если это правда, — тогда ей все-равно: пусть этотъ Морозовъ, Шаховъ, Адовъ, кто угодно, если-же нѣтъ... о, тогда... Она вспыхнула и крѣпче прижалась лицомъ къ подушкѣ. Это неправда, неправда, неправда... Съ этими мыслями она заснула, и ей снились сны, полные любви и счастья.

V.

На другое утро она проснулась веселая и счастливая. Первою ея мыслію было идти къ Грохову, и она послѣ завтрака торопливо ушла изъ дому. Ее легко допустили на свиданіе.

Она вошла въ тѣсную камеру и въ первый моментъ не узнала Грохова: до такой степени онъ перемѣнился.

Гроховъ ей искренно обрадовался.

— Не побоялись, пришли!—сказалъ онъ радостно, цѣлуя ея руку.

— Чего-же бояться-то?—съ улыбкою спросила Татьяна.

— Какъ-же? преступникъ! убійца! — весело отвѣтилъ онъ, усаживая Татьяну на свою кровать. — Вы видѣли Проню?

— Я почти каждый день ее вижу.

— Ну, что она? какъ дома? при мнѣ-то она бодрится,— въ его голосѣ послышалась тревога.

— Она? она спокойна, какъ и я, какъ и всѣ, кто вѣритъ въ вашу невинность,—отвѣтила тихо Татьяна.

Онъ взялъ ея руку и пожалъ.

— Спасибо вамъ!—сказалъ онъ горячо:—я никогда не

сомнѣвался въ вашихъ добрыхъ чувствахъ. А Проня! ахъ, если-бы вы знали, какая у ней героическая душа!

Его лицо вспыхнуло.

— А насчетъ невиновности, я думаю по-иному, — съ раздумьемъ заговорилъ онъ:—она для совѣсти, для души,— да. А для людей... вы знаете, противъ меня всѣ улики, я весь опутанъ и на всѣ ихъ іезуитскіе вопросы могу отвѣчать только: клянусь, я не виновенъ! А что имъ въ моей клятвѣ.

По его лицу скользнула горькая улыбка, но онъ тотчасъ пріободрился.

— Вы знаете: со мною пойдетъ и Проня! мы рѣшили!— прибавилъ онъ радостно.

— Я знаю, что вы оба безумные! — горячо сказала Татьяна.

Она все время пыталась его прервать и теперь заговорила со всею пылкостью.

— Да, безумные! я нарочно и пришла сюда, чтобы сказать вамъ это. Вы сами говорите, что ваша правда не для людей, вы сами говорите, что они опутываютъ васъ всякими уликами; такъ вы должны защищаться по-людски, съ оружіемъ. Возьмите адвоката! милый, дорогой, возьмите! послушайте меня!—прибавила она умоляющимъ голосомъ, беря руку Грохова.

Онъ отрицательно покачалъ головою.

— Нѣтъ?! — воскликнула Татьяна, гнѣвно вставая:— нѣтъ? такъ это не честно, гадко! вы не любите ея!

— Развѣ она не говоритъ того-же? — съ удивленіемъ спросилъ Гроховъ.

— Говоритъ! что-же изъ этого? она безумна, какъ и вы, вотъ и все. Скажите, пожалуйста, вы ее любите и съ радостью говорите, что она съ вами въ Сибирь уйдетъ. Это для васъ счастье, а для нея? Если вы ее любите, вы должны все сдѣлать, чтобы остаться здѣсь, съ нами! а потомъ, вы будете осуждены людьми для людей. Вы-то не

виновны, да что изъ этого? Вашъ процессъ будетъ опубликованъ, всѣ прочтутъ вашу фамилію, васъ лишатъ вашихъ человѣческихъ правъ, что вы будете?...

Она въ изнеможеніи опустилась на кровать.

Гроховъ поблѣднѣлъ. Онъ два раза прошелся по своей камерѣ и потомъ вдругъ остановился передъ Татьяной.

— Бога ради, оставимте этотъ разговоръ,—произнесъ онъ съ мукою въ голосѣ: — вѣдь и я объ этомъ думалъ, все передумалъ и рѣшилъ. Я ничего не сдѣлаю для своей защиты, я не хочу... я хочу увѣровать въ правду, понимаете: увѣ-ро-вать!

— Вѣра—вѣрою, но не лишнее...—начала снова Татьяна и не договорила.

Дверь вдругъ пріотворилась, и въ камеру скользнулъ невысокаго роста господинъ съ огромнымъ, смѣшнымъ носомъ. Онъ былъ одѣтъ франтовато — въ свѣтлую лѣтнюю пару съ пуховою шляпою въ рукѣ.

Войдя въ комнату, онъ, видимо, смутился.

— Pardon! — произнесъ онъ виновато, прижимая къ груди шляпу, и, какъ-то припадая на одну ногу, подошелъ къ Грохову.

Гроховъ при входѣ его оживился.

— Здравствуйте, здравствуйте!—произнесъ онъ весело, пожимая ему руку, и, подведя къ Татьянѣ, прибавилъ:— позвольте васъ познакомить: Татьяна Антоновна Вишнякова, Аллоизій Феликсовичъ Довойно! Оба по одному дѣлу!—окончилъ онъ, смѣясь.

Довойно почтительно взялъ руку Татьяны и склонилъ свою голову, отчего длинные волоса его космами упали и закрыли его лицо. Онъ встряхнулъ головою и оправилъ ихъ рукой.

— Я отчасти съ вами знакомъ,—сказалъ онъ.

Татьяна удивленно на него посмотрѣла.

— У насъ есть общій знакомый: Алексѣй Николаевичъ Бѣгишевъ,—объяснилъ Довойно.

Татьяна густо покраснѣла и внимательно оглядѣла его; если онъ знакомый его, то значитъ хорошій человѣкъ.

— Вотъ какъ!—подхватилъ его слова Гроховъ: — вѣдь Бѣгишева и я знаю! что-же вы не сказали мнѣ?

— Вы позволите? — спросилъ Довойно, опускаясь на табуретку.

— Ахъ, сдѣлайте милость! это мнѣ вчера, Татьяна Антоновна, принесли. Визитеровъ много, а то прежде одна кровать!

Ему, видимо, хотѣлось оживить гостей. Онъ волновался и ходилъ по своей тѣсной камерѣ взадъ и впередъ.

— А знаете, Татьяна Антоновна, — заговорилъ онъ снова:—вѣдь Аллоизій Феликсовичъ по тому-же дѣлу. Хочетъ всячески меня защищать. А направилъ его ко мнѣ знаете кто? Шмыгра! вотъ добрая душа!

Татьяна съ любопытствомъ посмотрѣла на Довойно.

— Вы адвокатъ?

— Да, присяжный повѣренный, но, увы, сознаюсь въ своей несостоятельности.

— Это почему?

— Помилуйте, пріѣхалъ въ чужой городъ, услыхалъ о дѣлѣ, хотѣлъ блеснуть, прославиться и вдругъ... не могу даже его уговорить взять меня для защиты! — Довойно комически вздохнулъ и указалъ на Грохова.

Гроховъ весело засмѣялся.

— Я говорю ему, что это нечестно!—горячо сказала Татьяна.

— Я почти то-же самое,—вставилъ Довойно.

— Слушайте!—вдругъ рѣшительно сказала Татьяна:— придите завтра къ намъ!

Довойно поклонился.

— Я познакомлю васъ съ мамою, и потомъ мы пойдемъ къ его невѣстѣ. Мы ее уговоримъ.

Гроховъ засмѣялся снова.

— Цѣлый заговоръ!—сказалъ онъ.

— А вотъ вы поговорите, когда мы вашу невѣсту на васъ направимъ!—отвѣтилъ Довойно.

Татьяна встала.

Довойно взглянулъ на часы и тоже поднялся.

— Вы позволите васъ проводить?—спросилъ онъ.

— Да, да! кстати и адресъ узнаете!—сказала Татьяна и стала прощаться съ Гроховымъ.

— Такъ нѣтъ?—спросилъ Довойно, прощаясь, у Грохова.

— Нѣтъ и нѣтъ!—отвѣтилъ онъ, улыбаясь.

— Ну, Богъ съ вами! покуда...

Онъ вышелъ съ Татьяною и, припадая на лѣвую ногу, заковылялъ подлѣ нея. Нѣкоторое время они шли молча.

— А вы давно тутъ?—прервала молчаніе Татьяна.

— Вторую недѣлю.

— И прямо изъ Петербурга?

— Да.

— У васъ тутъ дѣла?

— Не то что дѣла, — отвѣтилъ онъ уклончиво и съ грустной улыбкой прибавилъ: — тоска, всегда одинъ, вотъ и слоняешься.

— А гдѣ вы...

— Съ Алексѣемъ Николаевичемъ познакомился?—досказалъ Довойно.

Татьяна кивнула головою.

— Да въ клубѣ! И онъ хандритъ; вотъ и сошлись!

Татьяна остановилась у крыльца квартиры.

— Мы тутъ живемъ!—сказала она, протягивая Довойно руку:—завтра и приходите!

Довойно галантно приподнялъ шляпу.

— И пойдемъ уговаривать невѣжду! — сказалъ онъ съ улыбкою.

— И уговоримъ!—весело отвѣтала Татьяна.

Она взошла на крыльцо, а Довойно медленно заковылялъ по улицѣ, почему-то радуясь, что познакомился еще съ одними людьми, знакомыми убитому Гинтовту.

«Центръ, самый центръ»,—думалъ онъ, улыбаясь.—«Тутъ они всѣ какъ есть сходились... И красивая-же!» — подумалъ онъ про Татьяну и почти вслухъ повторилъ девизъ знаменитаго Лекока: «cherchez la femme».

Онъ подозвалъ извозчика и поѣхалъ въ мѣстное дворянское собраніе, гдѣ рѣшилъ пообѣдать и провести остатокъ вечера.

VI,

Татьяна пришла домой и еще въ передней услыхала знакомый голосъ Бѣгишева. Сердце ея замерло и потомъ усиленно забилось. Она почти вбѣжала ва комнату. Бѣгишевъ, разговаривавшій съ Серафимой Герасимовной, поспѣшно всталъ, и ласковая улыбка освѣтила его грустное лицо. Серафима Герасимовна пытливо посмотрѣла на дочь; она не понимала оживленія дочери и думала: неужели ея слова пропали даромъ?

А Татьяна, войдя въ комнату и протягивая руку Бѣгишеву, весело сказала:

— А я сейчасъ съ вашимъ знакомымъ познакомилась!

— Съ кѣмъ это?—любуясь ею, спросилъ Бѣгишевъ.

— Съ Довойно!

Серафима Герасимовна изумленно подняла брови.

— Кто такой Довойно?—спросила она.

Бѣгишевъ засмѣялся.

— Вообразите, я и самъ хорошо не знаю, — отвѣтилъ онъ:—знаю только, что онъ великолѣпной души человѣкъ, что онъ присяжный повѣренный, вѣроятно, богатъ, что онъ скучаетъ...

— Зачѣмъ онъ здѣсь?

— Вотъ это-то и секретъ. Таинственность какая-то! У него никого знакомыхъ, никакого дѣла, а между тѣмъ чувствуется, что онъ здѣсь не «такъ себѣ».

— Вы говорите, богатый?—съ живостью спросила Серафима Герасимовна.

— Да, по всѣмъ вѣроятіямъ! судя по тому, какъ онъ одѣтъ, по его привычкамъ...

— Очень интересный господинъ,—сказала Серафима Герасимовна:—я-бы желала съ нимъ познакомиться.

— Онъ къ намъ придетъ завтра,—сказала Татьяна.

— Это какъ?—спросила мать.

— Гдѣ вы съ нимъ могли познакомиться? — спросилъ Бѣгишевъ.

Татьяна разсказала, гдѣ видѣла Довойно и что говорила съ нимъ. Серафима Герасимовна сочла нужнымъ нѣсколько разъ умиленно вздохнуть.

Бѣгишевъ, улыбаясь, кивалъ головою и, когда Татьяна окончила, сказалъ:

— О, да, это очень на него похоже! онъ все искалъ какого-нибудь дѣла и въ послѣднее время заинтересовался убійствомъ Гинтовта.

— Интересно, очень интересно!—сказала Серафима Герасимовна и подумала:—«Богатый... какъ знать, да и вообще не лишній».

Въ комнату вошелъ Николай. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлый китель на-распашку.

— А, Алексѣй Николаевичъ! — воскликнулъ онъ, небрежно съ нимъ здороваясь.—Мама, я пришелъ узнать, скоро у насъ обѣдъ, или я успѣю еще сходить?

— А тебѣ далеко?

— Часъ, полтора!

— Тогда иди!—сказала Серафима Герасимовна.

Николай, простившись съ Бѣгишевымъ, пошелъ къ дверямъ.

— Да, мама! — крикнулъ онъ находу: — придетъ Лида, отдай ей мои перчатки, вели къ вечеру вычистить!

— Ладно, ладно, ужъ иди!—ласково отвѣтила ему мать.

— Совсѣмъ гвардейскій офицеръ! - улыбнулся Бѣгишевъ.

Татьяна почувствовала насмѣшку и вся вспыхнула, а Серафима Герасимовна радостно засмѣялась.

— А если-бы вы знали, какія онъ побѣды одерживаетъ!— восторженно сказала она.

— Барыня, а что на второе-то дѣлать?—спросила, входя, Марфа.

— Ахъ, это ты! Никогда сразу ни поймешь! Вы извините, я по хозяйству,—сказала, поднимаясь, Серафима Герасимовна:—ну, пойдемъ, чего тебѣ?—спросила она у Марфы, выходя за нею изъ комнаты.

Татьяна и Бѣгишевъ остались одни. Татьяна слышала, какъ бьется ея сердце. «Теперь или никогда»,—подумала она и вдругъ тихо сказала:

— Алексѣй Николаевичъ, мнѣ надо съ вами поговорить!

Бѣгишевъ радостно встрепенулся.

— Я весь къ вашимъ услугамъ. Что угодно?

— Нѣтъ, не тутъ, не сейчасъ! Мнѣ о многомъ надо!

Бѣгишевъ пытливо посмотрѣлъ ей въ глаза; она вспыхнула и опустила голову. Лицо Бѣгишева просіяло.

— Мнѣ тоже хотѣлось-бы поговорить съ вами, — сказалъ онъ, невольно понижая голосъ:—но гдѣ мы встрѣтимся? хотите—назначимъ свиданье?—прибавилъ онъ шутливо и замеръ въ ожиданіи отвѣта.

Татьяна кивнула головою.

— Но гдѣ?—тихо сказала она.

Бѣгишевъ задумался, но черезъ минуту встрепенулся.

— Знаете что?—сказалъ онъ рѣшительно:—вы-же собирались навѣстить меня; пріѣзжайте! Я заѣду за вами!

— Мама не пуститъ; сцена...

— Слушайте, я завтра выплю коляску въ липовую аллею; вы придете и сядете...

— Завтра нельзя. Придетъ этотъ Довойно...

— Ну, послѣ-завтра, утромъ, въ 11 часовъ, въ 10! Вы будете у меня въ два, а въ шесть уже назадъ, дома! Хорошо?

Татьяна весело взглянула на него и кивнула головою. Бѣгишевъ не могъ сдержать радостной улыбки.

Въ передней раздался звонокъ. Бѣгишевъ поднялся уходить. Черезъ гостиную прошла Марфа открыть двери Въ комнату вбѣжала веселая Лидія, а за нею неизмѣнный Хвостовъ; въ дверяхъ показалась Серафима Герасимовна.

— А вотъ и голубки наши!—воскликнула она слащаво.

Хвостовъ подбѣжалъ къ ней и приникъ къ ея рукѣ.

— Знаешь, мама, мы сейчасъ видѣли Колю съ Желѣзновой!—оживленно сказала Лидія:—у нихъ, вѣроятно, свиданіе! идутъ и насъ не замѣтили даже! ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха!—засмѣялась и Серафима Герасимовна.

Бѣгишевъ поспѣшилъ откланяться. Прощаясь съ Татьяною, онъ, не могъ сдержать своей чисто дѣтской радости и шепнулъ ей:

— Такъ послѣ-завтра, въ 10 часовъ?

Татьяна съ улыбкою кивнула ему головою.

— Я Феногена пришлю!—сказалъ Бѣгишевъ.

Онъ проѣхалъ въ клубъ и тамъ встрѣтилъ Довойно. Они поздоровались, какъ близкіе пріятели. Бѣгишевъ обѣдалъ, а Довойно сидѣлъ подлѣ него и разсказывалъ ему приключенія дня. Потомъ они оба прошли въ бильярдную и, наконецъ, когда наступилъ вечеръ, вышли на веранду и велѣли подать вина.

Открытая веранда выходила въ садъ. Зданіе клуба помѣщалось на одномъ изъ холмовъ, окружающихъ городъ, и съ веранды открывался роскошный видъ: густой садъ спускался террасами до рѣки, которая быстро извивалась и съ пѣною билась о высокіе камни берега, а тамъ за нею тянулся зеленый лугъ и далеко, на горизонтѣ, синѣлъ лѣсъ.

Бѣгишевъ и Довойно закурили сигары. Душная ночь охватила ихъ со всѣхъ сторонъ; только одинокимъ пятномъ свѣтилась свѣчка въ стекляномъ колпакѣ, поставленная имъ на столъ. Сотни мошекъ кружились вокругъ нея и, мертвыя, падали на столъ. Кругомъ царила торже-

ственная тишина. Гдѣ-то далеко щелкалъ соловей, внизу тихо плескалась рѣка... Бѣгишевъ посмотрѣлъ вверхъ и увидѣлъ темно-синюю бездну, сплошь усѣянную ярко блистающими звѣздами.

— Господи, какъ хорошо! какъ дорожишь въ такіе минуты жизнью, какъ хороша она!—сказалъ Бѣгишевъ.

— Чисто субъективное ощущеніе,—сказалъ Довойно:— кто-нибудь стоитъ теперь среди этой-же ночи и готовитъ веревку, чтобы повѣситься. Вы сегодня почему-то въ восторженномъ настроеніи!

— Вы угадали, сегодня я чуть не въ первый разъ за послѣдніе три года счастливъ!

— Я радъ это слышать. Вы знаете, я сегодня тоже на время прогналъ свою хандру. Я подумалъ, что жизнь стоитъ чего-нибудь, хотя чисто рефлективно,—прибавилъ Довойно.

— Это какъ?

— Я видѣлъ юношу въ тюрьмѣ, который такъ глубоко вѣритъ въ существованіе правды на землѣ, что готовъ идти на каторгу, не желая для выясненія ея прибѣгать ни къ какимъ низкимъ человѣческимъ измышленіямъ... Вотъ для такой-то вѣры стоитъ жить! я хотѣлъ-бы такъ вѣрить!

— А хотѣли-бы вы любить?—спросилъ Бѣгишевъ.

— О, да, только вѣдь это миражъ, сладкое опьяненіе. Я не вѣрю любви, да и странно-бы въ нее вѣрить.

— Что значитъ, вѣрить любви?—сказалъ Бѣгишевъ,— ей можно отдаваться, безъ размышленій, безъ завтра! Вѣчной любви нѣтъ! но это опьяненіе... Господи, развѣ я не знаю, что все это призракъ, мечта, но я счастливъ, счастливъ!

— Вы влюблены?—спросилъ тихо Довойно.

— Да!—почти крикнулъ Бѣгишевъ, и вдругъ настроеніе его измѣнилось.

Онъ почувствовалъ безконечную грусть.

— Вы навели меня на грустныя мысли, Аллонзій Феликсовичъ!

— Я?!

— Да, во мнѣ опять закопошились сомнѣнія и тысячи угрызеній. Я, вѣдь, не имѣю права любить!

— Къ человѣческому счастью, — сказалъ Довойно: — это право внѣ насъ. Страсть это — стихія, и никакая воля не въ силахъ побороть ее.

— Да, и тогда являются страданія, эти ужасныя угрызенія.

— Тѣмъ пріятнѣе забвеніе!

— Вы — софистъ!

— О, нѣтъ! Я завидую вамъ!—съ грустью сказалъ Довойно:—моя жизнь пуста и ничтожна. Я не испыталъ ни разу страсти, у меня не было ошибокъ; у меня нѣтъ раскаяній и угрызеній, и вся моя жизнь ровна, какъ пустыня.

— Влюбитесь!

— Увы, во мнѣ нѣтъ творческаго жара.

— Сдѣлайте хорошее дѣло.

— Я не знаю мѣры хорошему.

— Знаете! — вдругъ съ жаромъ сказалъ Бѣгишевъ: — спасите этого юношу, Грохова, найдите дѣйствительнаго убійцу! У васъ есть и деньги, и время.

Довойно грустно улыбнулся.

— Можетъ, онъ хочетъ пострадать за правду! — тихо сказалъ онъ.

— Развѣ можно хотѣть страдать? — почти съ болью воскликнулъ Бѣгишевъ.

VII.

Если Татьяна съ волненіемъ дожидалась появленія Довойно, то Сарафима Герасимовна волновалась не меньше. Въ ея воображеніи Довойно преобразился въ сказочнаго принца, владѣющаго несмѣтными богатствами. Она столько

говорила о немъ все утро, что заинтересовала имъ Николая съ Лидой, и, такимъ образомъ, все семейство Вишняковыхъ, за исключеніемъ Антона Петровича равнодушнаго ко всему, кромѣ своихъ марокъ, съ нетерпѣніемъ поджидало Довойно.

Довойно нѣсколько смутился общимъ вниманіемъ и, послѣ взаимнаго представленія, чопорно усѣлся на стулѣ.

— Это такое пріятное знакомство! — пѣла Серафима Герасимовна, всѣмъ изяществомъ своимъ стараясь показать радушіе:—Лида, распорядись кофеемъ!.. Такое пріятное! я столько слыхала о васъ всего хорошаго!

Довойно въ душѣ изумился, гдѣ она могла слыхать о немъ что-нибудь, но промолчалъ и только признательно склонилъ голову.

— Вотъ и теперь, —продолжала Серафима Герасимовна:—развѣ не подвигъ великодушія вызваться на даровую защиту несчастнаго юноши!

Довойно опять склонилъ голову.

— Мама, кофе поданъ!—вошла въ гостинную Лида.

— Милости просимъ! — поднялась Серафима Герасимовна.

Довойно заковылялъ въ столовую слѣдомъ за хозяйкой.

— Какой у него смѣшной носъ, —шепнула Лидія Николаю.

— Глупая, онъ богачъ! — отвѣтилъ Николай и торопливо бросился подать стулъ Довойно.

Предупредительная Серафима Герасимовна успѣла переселить Антона Петровича въ свою комнату и говорила безъ умолку. Она успѣла узнать, что у Довойно свободныя средства, узнала, гдѣ онъ остановился, что онъ холостой, что онъ скучаетъ, но для чего онъ сюда пріѣхалъ и долго-ли пробудетъ, она такъ и не могла разузнать, несмотря на всѣ свои подходы.

Послѣ завтрака Довойно переглянулся съ Татьяною и поднялся.

— Вы ужъ идете?—сказала Серафима Герасимовна:— ну, съ Богомъ! на доброе дѣло. Смотрите-же, не забывайте насъ! вотъ-бы вечеркомъ сегодня и забрели! право, у насъ запросто! Таня, возьми съ него слово!

— Намъ будетъ очень пріятно,—сказалъ Николай.

— Приходите, въ самомъ дѣлѣ!—прибавила мать.

Довойно поблагодарилъ и откланялся.

— Какіе прекрасные люди въ вашемъ семействѣ!—сказалъ онъ, выходя съ Татьяной на улицу.

— Благодарю васъ,—отвѣтила Татьяна и замолчала.

Она сразу поняла поведеніе матери, и ей опять стало за нее совѣстно.

— Намъ-бы лучше поѣхать,—сказалъ Довойно:—вѣдь это не близко!

— Какъ хотите!

Они сѣли на извозчика.

— Какъ вы думаете, удастся намъ наше дѣло?

— Они теперь оба безумные!—отвѣтила Татьяна.

Они подъѣхали къ дому Рощиныхъ и черезъ минуту вошли въ ихъ прежде уютную квартирку.

Ихъ въ залѣ встрѣтила Авдотья Павловна и съ изумленіемъ посмотрѣла сперва на незнакомаго ей Довойно, потомъ на Татьяну.

Довойно почтительно раскланялся и вдругъ почувствовалъ мимолетное смущеніе.

Серьезное, увѣренное, красивое лицо Авдотьи Павловны произвело на него впечатлѣніе.

— Авдотья Павловна, Проня! — закричала Татьяна, здороваясь:—я защитника привела! вотъ позвольте познакомить: Аллоизій Феликсовичъ Довойно.

На ея голосъ изъ сосѣдней комнаты вышла Проня и съ тѣмъ-же недоумѣніемъ посмотрѣла на Довойно.

— Я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вашимъ женихомъ,—заговорилъ онъ, присаживаясь:—Петромъ Александровичемъ Гроховымъ. Я пришелъ къ нему въ качествѣ

присяжнаго повѣреннаго предложить свои услуги, ушелъ-же, какъ самый его искренній другъ.

Лицо Прони прояснилось.

— Мамочка, это Довойно, — сказала она радостно и тотчасъ смутилась своему восклицанію.

— Извините меня! мнѣ Петя, правда, очень много говорилъ о васъ. Онъ говорилъ, что давно не разговаривалъ съ такимъ наслажденіемъ, какъ во время вашего посѣщенія.

Довойно поклонился и шутливо сказалъ:

— А теперь мы порѣшили съ Татьяной Антоновной доставить это удовольствіе вамъ!

Всѣ засмѣялись.

— О чемъ-же мы говорить будемъ? — спросила его Проня.

— Все о томъ-же! убѣдите вашего жениха и себя взять меня защитникомъ; даю вамъ слово, что я не бездарность!

Съ его приходомъ въ печальной квартиркѣ Рощиныхъ все какъ-то повеселѣло.

Авдотья Павловна благодарно посмотрѣла на него.

— Да, вотъ попробуйте убѣдить ее!—сказала она, улыбаясь.

Проня заткнула уши и замотала головою.

— Нѣтъ, нѣтъ, намъ не нужно никакихъ убѣжденій, мы все рѣшили!

— Тебя лечить нужно, а не уговаривать! — крикнула Татьяна.

— Вотъ, это правда, Таня! они прежде всего не думаютъ вовсе обо мнѣ!—сказала Авдотья Павловна.

Проня съ укоромъ посмотрѣла на нее.

— Мы думали, что ты насъ не оставишь!

— Не въ этомъ дѣло!—заговорилъ Довойно:—я хотѣлъ возразить только противъ самаго принципа. Вы не хотите защиты, потому что на вашей сторонѣ правда. Это

похвально. Но вѣдь для того, чтобы побѣдила правда, ее надо выяснить, показать. Правда всегда скрывается за тысячью покрововъ; эти покровы надо снять, надо сдѣлать все, чтобы ясно, какъ солнце, блеснула всѣмъ въ глаза эта правда. А вы хотите сидѣть и ждать, что будетъ. Никогда, ничто не совершается само собою. Никто-бы ничего не зналъ о правдѣ, если-бы не являлись ея поборники въ мірѣ и ради нея не шли-бы на смертную муку, продолжая говорить о добрѣ и правдѣ!—онъ проговорилъ эту тираду съ горячимъ убѣжденіемъ, и его слушательницы на мгновеніе притихли подъ впечатлѣніемъ его рѣчи.

Татьяна слушала его съ восторгомъ, на лицѣ Прони отразилось колебаніе, а Авдотья Павловна слушала его и при каждой фразѣ одобрительно кивала головою.

— Я понимаю, что непріятно взять защитника, чтобы онъ говорилъ: нѣтъ, этотъ человѣкъ не убійца. Это понятно; но вѣдь защитникъ хочетъ только разрушать обвиненіе. Вѣдь, и онъ, Гроховъ, когда прокуроръ станетъ говорить про его ссору съ убитымъ, окрашивая ее по-своему, когда станетъ особенно напирать на нахожденіе окровавленной рубашки, вѣдь онъ будетъ-же говорить что-нибудь, не станетъ-же твердить слова: я не виновенъ?

— Ну, понятно!—воскликнула Авдотья Павловна.

— Ясно, какъ день,—сказала Татьяна.

— И вмѣсто него хочу говорить я. Я потому, что привыкъ къ этой обстановкѣ, скорѣе найдусь, меня труднѣе сбить съ толку. Здѣсь защита именно и явится поборницей правды!

— Ахъ, но онъ не хочетъ!—воскликнула Проня.

— Вы уговорите!—сказалъ Довойно.

— А ты, ты-то теперь?—закричала Татьяна, тряся Проню за руку.

— Я... я согласна,—отвѣтила она.

— Ура! побѣдили!—захлопала въ ладоши Татьяна и бросилась цѣловать Проню.

— Спасибо вамъ!—съ чувствомъ сказала Авдотья Павловна.

Довойно чувствовалъ побѣду и былъ счастливъ.

— Теперь вы завтра идите къ нему и прямо требуйте!—сказалъ онъ беря шляпу.

— Куда это?—воскликнула Авдотья Павловна.

— Теперь—домой!

— Нѣтъ, нѣтъ, не пущу! заступникъ моего будущаго зятя! оставайтесь обѣдать! я сейчасъ за виномъ пошлю! Танюша, и ты съ нами!

Довойно засмѣялся и положилъ снова шляпу. На него повѣяло чѣмъ-то роднымъ, но Татьяна рѣшительно поднялась.

— Уйду, уйду и не держите!—говорила она, торопясь одѣться:—вотъ когда Петра Александровича оправдаютъ...

— Тогда пиръ горой!—засмѣялась Авдотья Павловна.

Татьяна ушла. Она нигдѣ не могла оставаться долго. Мысль о завтрашнемъ свиданіи съ Бѣгишевымъ жгла ее и не давала покоя. Ей казалось, что завтра рѣшится вся ея жизнь, и въ нервномъ возбужденіи она не могла оставаться ни минуты покойной.

Она поспѣшно пошла домой и думала, какъ, придя, она ляжетъ ничкомъ въ постель и будетъ представлять свою встрѣчу съ нимъ.

А Довойно остался у Рощиныхъ и былъ доволенъ этимъ новымъ знакомствомъ. Онъ смѣялся и острилъ, успокаивалъ Проню и успѣлъ настолько ободрить ихъ, что, прощаясь съ нимъ, Авдотья Павловна невольно сказала:

— Золотое у васъ сердце!

Довойно низко поклонился, и ему показалось, что подобное наслажденіе онъ испыталъ еще разъ, давно, когда юношей получилъ золотую медаль при окончаніи гимназическаго курса.

Онъ засидѣлся у нихъ до поздняго часу и прямо отъ нихъ направился къ Вишняковымъ. Въ тишинѣ лѣтняго

вечера онъ почему-то вдругъ вспомнилъ восторженное состояніе Бѣгишева и улыбнулся.

VIII.

Вишняковы жили въ первомъ этажѣ. Надо было подняться на 8 ступеней крыльца и въ длинныхъ, узкихъ сѣняхъ позвонить у двери налѣво. Довойно быстро взбѣжалъ на крыльцо и направился къ двери, но вдругъ въ изумленіи остановился.

Въ темнотѣ сѣней, у двери Вишняковыхъ, онъ увидѣлъ очертанія высокаго, стройнаго мужчины. Онъ стоялъ, облокотивъ руки на дверной косякъ, склонивъ на нихъ голову, и почти громко произносилъ какія-то неясныя, отрывочныя слова.

— Зачѣмъ?.. зачѣмъ?.. — донеслось до слуха Довойно; потомъ, черезъ нѣсколько мгновеній: — все-равно... силы нѣтъ... такъ что-же!.. Идти, идти!—вдругъ вскрикнулъ незнакомецъ и съ силою дернулъ звонокъ у двери.

Дверь тотчасъ распахнулась. На порогѣ передней Довойно увидалъ изъ темноты привѣтливо улыбающуюся хозяйку.

Странный незнакомецъ прошелъ въ переднюю, и Довойно увидѣлъ его мрачное лицо съ горящими глазами и темными, какъ ночь, волосами. Онъ тотчасъ-же двинулся слѣдомъ за нимъ и успѣлъ войти въ незатворенную еще дверь. Въ это короткое время онъ успѣлъ подглядѣть странную вещь.

Серафима Герасимовна, увидѣвъ вошедшаго гостя, вдругъ поблѣднѣла и отступила невольно назадъ; это длилось одно мгновеніе, послѣ котораго Серафима Герасимовна, увидѣвъ Довойно, вновь расцвѣла привѣтливой улыбкой.

— Глѣбъ Степановичъ, вы!— говорила она уже весело мрачному господину: —какъ я васъ испугалась!

— Что-же у меня, что-ли, «печать проклятья на челѣ»?— произнесъ тотъ желчно.

— Нѣтъ, но я не могу забыть того раза!

— Я хандрилъ тогда!—глухо засмѣялся онъ и, пожавъ руку хозяйки, прошелъ въ гостиную.

— Аллоизій Феликсовичъ! — протягивая обѣ руки Довойно воскликнула Серафима Герасимовна: — наконецъ-то! мы васъ ждали, ждали! идемте! какъ Танюша рада будетъ! Ну что, уговорили? да? О, вы, навѣрное, удивительный ораторъ.

Серафима Герасимовна дѣйствительно ждала его съ нетерпѣніемъ. Едва онъ ушелъ, она тотчасъ побѣжала къ двумъ дѣвамъ, его хозяйкамъ, и тѣ, очарованныя имъ, почти единогласно признали въ немъ чуть не владѣтельнаго князя, скрывающагося подъ инкогнито.

— О, онъ богатъ! — увѣренно воскликнула Надежда Гавриловна.

— Онъ скучаетъ,—томно замѣтила Александра Львовна.

— Да, онъ какой-то разочарованный,—подтвердила ея подруга.

— Вотъ-бы вашей Танюшѣ! — неосторожно вырвалось у Александры Львовны, и эти послѣднія слова зажгли цѣлый фейерверкъ волшебныхъ фантазій въ душѣ Серафимы Герасимовны.

Она пылкой мечтою увѣровала въ богатства Довойно, и мысль о Морозовѣ сразу заняла въ ея планахъ второе мѣсто.

Она, вѣдь, отлично понимала, что это будетъ за зять этотъ Морозовъ.

Она весь вечеръ поджидала Довойно и, когда онъ вошелъ, окружила его какою-то странною, ревнивою заботливостью.

Довойно вошелъ въ зало и, руководимый хозяйкою, перешелъ въ столовую, гдѣ за чайнымъ столомъ собралось небольшое общество.

Татьяна сидѣла у самовара и разливала чай; возлѣ нея помѣщались Адовъ и Морозовъ, дальше по сторонамъ сидѣли Николай и Хвостовъ, Лида и ея подруги.

При входѣ въ столовую Довойно опять успѣлъ подглядѣть мрачное лицо незнакомца, которое то загоралось, то покрывалось смертельною блѣдностью.

Незнакомецъ сѣлъ у края стола и обратился съ какимъ-то разговоромъ къ вдругъ оробѣвшему Хвостову.

Довойно сталъ внимательно вслушиваться въ фамиліи, которыя называла ему хозяйка дома.

Это не помѣшало ему прочесть неподдѣльное изумленіе на лицахъ Адова и Морозова.

Серафима Герасимовна подвела Довойно къ незнакомцу.

— Глѣбъ Степановичъ Шаховъ!—сказала она, повторивъ въ 6-ой разъ имя, отчество и фамилію Довойно, и, наконецъ, оставила его.

Онъ съ предупредительной радостью пожалъ руку Шахову и опустился подлѣ него на стулъ.

Татьяна протянула имъ налитые стаканы чаю.

Серафима Герасимовна съ довольной улыбкой опустилась на стулъ подлѣ Морозова. Вокругъ разговоръ оживился. Молодежь любезничала, острила и хохотала безъ всякаго стѣсненія. Имъ было весело.

— Какъ отопьемъ чай,—въ фанты!—заявила Лида.

— Это чтобы цѣловаться!—усмѣхнулся Николай.

Лидія вспыхнула.

— Ну, это, братъ, ты свои мысли выдаешь,—вступился за нее Хвостовъ.

Всѣ засмѣялись.

Морозовъ съ нахмуреннымъ лицомъ наклонился къ Серафимѣ Герасимовнѣ.

— Что еще это за субъектъ?—спросилъ онъ.

Она сдѣлала равнодушное лицо.

— Адвокатъ изъ Петербурга, хочетъ защищать Грохова,—отвѣтила она равнодушно.

Морозовъ, видимо, успокоился.

— А! ну, а про Бѣгишева говорали? — спросилъ онъ уже шепотомъ.

Серафима Герасимовна пожала плечами.

— Она осталась къ этому совершенно равнодушна,— отвѣтила она.

Морозовъ удивленно откачнулся, но слѣдомъ за этимъ лицо его вдругъ просіяло, и онъ весело улыбнулся.

— Просто она и не увлекалась имъ,—шепнулъ онъ Серафимѣ Герасимовнѣ.

Та въ отвѣтъ лукаво улыбнулась.

А въ это время Адовъ, полунаклонившись къ Татьянѣ, шепталъ ей:

— Я не могу больше, не въ силахъ. Скажите, могу я надѣяться? Я не богатъ, я бѣденъ, но я... я... люблю...

Его лицо было блѣдно, слова вылетали полузадавленнымъ шепотомъ, и онъ умоляюще смотрѣлъ на Татьяну.

Ей онъ казался и смѣшнымъ, и жалкимъ. Она нагнулась въ его сторону и, наливая стаканъ чаемъ, тихо отвѣтила:

— Я не люблю васъ, я никого не люблю и не хочу вовсе выходить замужъ.

Адовъ откинулся и тяжело вздохнулъ; потомъ онъ вытеръ платкомъ вспотѣвшій лобъ и мрачно уткнулся въ стаканъ чая, словно хотѣлъ утопиться въ немъ со своимъ горемъ. Но душа человѣческая странна. Вмѣстѣ съ отчаяньемъ, въ которое его повергъ отвѣтъ Татьяны, его душу снова посѣтилъ образъ богатой купеческой вдовы; передъ нимъ промелькнули картины богатой, сытой жизни, и почти тотчасъ на мѣстѣ только что разрушеннаго храма сталъ возноситься все пышнѣе и пышнѣе роскошный воздушный замокъ, феей котораго являлась толстая купчиха.

Отдаленность Татьяны, ея шепотъ съ Адовымъ, а потомъ веселый разговоръ съ Морозовымъ, казалось, словно

увеличивали мрачное настроеніе Шахова, и его брови такъ грозно и сумрачно хмурились, что Татьяна, случайно взглянувъ на него, невольно поблѣднѣла отъ страха, а Довойно рѣшительно терялъ надежду разговориться съ этимъ заинтересовавшимъ его человѣкомъ. Онъ рѣшился, наконецъ, на неделикатность.

— Странное совпаденіе,—произнесъ онъ, обращаясь къ Шахову:—я за нѣсколько времени, не зная васъ, былъ увѣренъ, что познакомлюсь съ вами. Вы не вѣрите въ сверхчувственность?

— Я не вѣрю ни въ какую чертовщину,—холодно отвѣтилъ Шаховъ:—хотя меня и смущаютъ видѣнья... Гдѣ вы меня видѣли?—спросилъ онъ черезъ мгновенье.

Довойно вздрогнулъ.

— На площадкѣ въ сѣняхъ,—отвѣтилъ онъ.

Шаховъ быстро къ нему обернулся, и лицо его, несомнѣнно, изображало ужасъ.

— Я говорилъ что-нибудь?

— Да, какія-то слова, но отрывочно и неясно.

Онъ, видимо, успокоился и, словно нехотя, сказалъ:

— Я страдаю ипохондріей, хандрой; въ такія минуты я говорю самъ съ собою. Это тяжелая болѣзнь.

— Совѣтую гнать ее прочь,—желая придать бесѣдѣ шутливый оттѣнокъ, продекламировалъ Довойно.

Шаховъ опять обернулся къ нему, на этотъ разъ съ гнѣвомъ.

— Поэтъ говорилъ про угрызенья совѣсти...

— А я про хандру!

Его началъ интересовать Шаховъ, и онъ рѣшилъ сойтись съ нимъ какъ можно ближе. Что-то сильное, стихійное сказывалось во всей фигурѣ, въ каждомъ словѣ Шахова, какая-то скорбь сильной души мерещилась въ немъ Довойно, и въ то-же время что-то отталкивало отъ этого страннаго человѣка.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ Довойно у Нико-

лая, пользуясь суматохой при окончаніи чаепитія:—г-нъ Шаховъ вашъ старый знакомый?

Николай былъ доволенъ разговоромъ съ петербургскимъ богачемъ.

— Онъ нашъ учитель. Преподаетъ исторію и латинскій языкъ,—отвѣтилъ онъ предупредительно.

— Онъ всегда такой мрачный?

— О, да, онъ необщительный! мы его призвали сперва «Фра-Дьяволъ», а потомъ просто «Дьяволъ». За послѣднее-же время, онъ невозможенъ.

— Очень, очень остро! — счелъ нужнымъ похвалить гимназическое остроуміе Довойно.

Николай улыбнулся.

— Теперь онъ у насъ въ первый разъ со дня убійства Гинтовта. Мѣсяца полтора не былъ.

— Скажите! — удивился Довойно: — хандрилъ?

Николай кивнулъ головою.

Шаховъ успѣлъ застать Татьяну одну. Всѣ перешли въ гостинную, а она осталась въ столовой перемыть чайную посуду. Она рада была оставаться одна.

Она думала о завтрашнемъ свиданіи и замирала при мысли о немъ, представляя себѣ всѣ ихъ слова, грезы и взгляды. О, понятно, всѣ материнскія слова окажутся ложью, сплетней, выдуманными этимъ подлымъ... Морозовымъ. При мысли о немъ, она сердито встряхнула головою, и вдругъ глаза ея встрѣтились съ сверкающимъ взоромъ Шахова.

Она вздрогнула и поблѣднѣла, но тотчасъ овладѣла собою.

— Ну, что хандра ваша васъ, наконецъ, покинула?— спросила она его шутливо.

Шаховъ сѣлъ подлѣ нея, не сводя съ нея своего взора.

— Оставьте этотъ тонъ. Я пришелъ говорить о жизни и смерти. Да! — прибавилъ онъ: — о жизни и смерти!

Татьяна поблѣднѣла и тревожно оглянулась. Они были одни. Даже гостинная была пуста, потому что всѣ перешли въ сосѣднюю комнату.

Шаховъ помолчалъ и потомъ заговорилъ съ усиліемъ:

— Вы все шутите. Но есть предѣлъ шуткамъ. Да, я хандрю, и хандра моя все растетъ, растетъ до готовности самоубійства, убійства! Я рабъ страсти, вы породили эту страсть, вы должны успокоить ее...

Къ Татьянѣ вернулось ея хладнокровіе.

— Вы не имѣете права такъ говорить со мною. Я — дѣвушка. Но Богъ съ вами! вы знаете, я хотѣла-бы, чтобы ваша страсть погасла; я говорила вамъ два мѣсяца тому назадъ, полгода, годъ, говорю теперь: я не люблю васъ!

— Я не хочу любви, будьте моей женою. Я въ состояніи обезпечить и васъ, и вашу матушку.

Татьяна вспыхнула и встала.

— Вы — безумный! — гнѣвно сказала она: — какъ вы смѣете такъ говорить со мною!

— Гинтовъ говорилъ такъ? — задыхаясь, прошепталъ Шаховъ.

Онъ былъ мертвенно блѣденъ, говоря это, и губы его искривились въ усмѣшку.

Татьяна всплеснула руками. О, всякій имѣетъ право ей кидать въ лицо такія оскорбленія!

— Вы — негодяй! — воскликнула она и, закрывъ лицо руками, бросилась въ корридоръ.

Она пробѣжала къ себѣ въ спальню и, упавъ на подушку, зарыдала.

Встревоженный отецъ бросилъ клеить свои марки и поспѣшно подошелъ къ ней.

— Таня, Танюшка, что съ тобою? милая! скажи! кто обидѣлъ?..

Шаховъ безсильно опустился на стулъ. Его лицо выразило муку. Онъ стиснулъ руками свою голову и въ отчаяньи прошепталъ:

— Подлецъ, подлецъ!..

Въ такомъ положеніи засталъ его Довойно, заходившій въ столовую проститься съ Татьяной. Онъ въ смущеніи быстро попятился въ гостиную и подумалъ, что Шаховъ, дѣйствительно, страдаетъ психическимъ разстройствомъ.

Онъ наскоро распрощался со всѣми и пошолъ одѣваться. Его вышелъ провожать Николай.

Стоя въ передней и подавъ пальто Довойно, онъ вдругъ весело улыбнулся.

— Чего вы?

— Вотъ, про того-же Шахова. Онъ однажды въ мрачномъ настроеніи гулялъ по парку весною и сѣлъ на крашенную скамейку. У него было свѣтлое пальто. Вотъ, теперь, ходитъ въ осеннемъ!

Николай приподнялъ за полу одно изъ пальто, висѣвшихъ на вѣшалкѣ, и засмѣялся снова.

Довойно вышелъ. Прохладный вечеръ освѣжилъ его. Онъ тихо пошелъ домой и по дорогѣ все время думалъ о Рощиныхъ. Онъ словно вдругъ позабылъ и Шахова, и Вишняковыхъ, и впечатлѣнія вечера, весь отдавшись припоминанію часовъ, проведенныхъ у Рощиныхъ.

Онѣ сразу стали для него чѣмъ-то роднымъ, близкимъ, и онъ припомнилъ пылкую фразу Бѣгишева: «знаете, спасите этого юношу! найдите убійцу»...

Довойно вдругъ остановился посреди улицы, какъ вкопанный. «Правда», — подумалъ онъ,— «у меня есть деньги и время. Его деньги!»

IX.

Если-бы кто увидѣлъ Шахова, въ темнотѣ ночи возвращавшагося домой, онъ навѣрное-бы согласился съ мнѣніемъ Довойно. Шаховъ не шелъ, а летѣлъ по улицѣ, словно гонимый злыми «демонами», и, размахивая руками, произносилъ вслухъ какой-то дикій, несвязный монологъ. Рѣдкіе прохожіе, встрѣчаясь съ нимъ, пугливо отскакивали

вали въ сторону, при видѣ его блѣднаго лица, съ изступленно горящими глазами.

Шаховъ, не слѣдя за дорогой, дошелъ до своего дома, быстро прошелъ черезъ дворъ, въ темнотѣ поднялся по лѣстницѣ и распахнулъ дверь въ свою непривѣтливую квартиру. Тамъ онъ въ изнеможеніи упалъ на диванъ, но и въ квартирѣ злые демоны не хотѣли оставить его въ покоѣ.

Нѣкоторое время Шаховъ сидѣлъ неподвижно; вдругъ въ темнотѣ передъ нимъ вырисовалась стройная фигура Татьяны съ блѣднымъ лицомъ и заплаканными глазами. Шаховъ рванулся съ дивана съ протянутыми впередъ руками.

— О! — закричалъ онъ голосомъ, полнымъ отчаянія: — ради всего святого, прости меня! я — безумецъ; я охваченъ безумной страстью и не въ силахъ управлять ни своими дѣйствіями, ни словами! прости меня! гнусное слово нечаянно сорвалось съ моихъ губъ! сорвалось, какъ упрекъ!.. Вѣдь, я знаю чистоту души твоей, вѣдь, я молюсь на тебя! да, молюсь! Я передъ сномъ говорю: о, явись мнѣ и пошли мнѣ сладкія грезы, а не муки безумной ревности! Я просыпаюсь и говорю: о, дай мнѣ счастіе видѣть твою привѣтливую улыбку и слышать твой ласковый голосъ! Вѣдь, я люблю, люблю тебя! слышишь?..

Шаховъ въ изнеможеніи протянулъ впередъ руки, но образъ Татьяны съ блѣднымъ лицомъ отшатнулся отъ него въ какомъ-то испугѣ. Шаховъ вздрогнулъ и гнѣвно топнулъ ногою.

— Тебѣ наговорили на меня, ты боишься меня? или ты что-нибудь знаешь, знаешь? лжешь! ты ничего знать не можешь; ты должна знать только мою безумную страсть. Слышишь, страсть! я люблю тебя, я хочу владѣть тобою! ты должна быть моею! кто на дорогѣ? говори, ты любишь кого-нибудь? да? твоя мать тебя толкаетъ? да? этому Морозову, Адову? кому?..

Образъ Татьяны сталъ медленно таять въ ночной темнотѣ и вдругъ исчезъ. Шаховъ безъ шляпы, въ пальто, стоялъ посреди комнаты. Его лицо носило еще отпечатокъ безумной страсти, и глаза изступленно вперялись въ темноту.

Онъ тяжко вздохнулъ и провелъ рукою по покрытому холоднымъ потомъ лбу.

— Опять бредъ и галлюцинація. Неужели я схожу съ ума? — проговорилъ онъ съ ужасомъ.

Не зажигая огня, онъ снялъ свое пальто и снова опустился на диванъ. Въ комнатѣ раздался его смѣхъ, отъ котораго онъ самъ вздрогнулъ.

— Вотъ она любовь! это — мука, адъ, наказаніе! — вслухъ произнесъ онъ: — пусть опишутъ ее, чтобы глупые люди узнали правду. Это — сила, порабощающая всего человѣка...

— Въ дрянной душенкѣ котораго нѣтъ ни возвышенныхъ цѣлей, ни высокихъ стремленій, — послышался въ темнотѣ насмѣшливый голосъ.

Шаховъ вздрогнулъ, но его не удивилъ этотъ таинственный голосъ. Онъ обернулъ свое блѣдное лицо по направленію голоса и сказалъ гнѣвно:

— Ты лжешь! ты знаешь мою душу лучше меня и не смѣешь говорить, что въ ней не было идеаловъ!

— Въ раннюю юность ты хотѣлъ свободы, братства, и вѣчнаго мира.

— Я хотѣлъ этого всю жизнь.

— До встрѣчи съ красивой женщиной.

— Молчи! въ этой женщинѣ для меня тайна міра, бытія!

— Всякій влюбленный дѣлается философомъ! — отвѣтилъ насмѣшливый голосъ.

— Потому что любовь это—высшая сила. Послѣ мукъ и испытаній она даетъ рай. Это есть тайна всего нашего счастія.

— Она родитъ безуміе и преступленіе...

— Молчи! молчи! — вскочилъ Шаховъ съ дивана и заметался по комнатѣ: — я запретилъ тебѣ говорить про это. Не смѣй! ты лжешь!..

Какой-то злорадный смѣхъ раздался въ темнотѣ, и все смолкло. Шаховъ упалъ на диванъ, обливаясь холоднымъ потомъ. А впереди была еще долгая ночь. Луна тихо выплыла изъ-за облаковъ и озарила блѣднымъ свѣтомъ его комнату. Въ то-же мгновеніе онъ вскочилъ, какъ ужаленный, и быстро подошелъ къ высокому, плотному господину въ свѣтломъ цилиндрѣ.

— Вы опять здѣсь! — сказалъ онъ, дрожа отъ волненія, — слушайте, — заговорилъ онъ, волнуясь: — я васъ вызвалъ сюда, чтобы сказать вамъ пару словъ...

— Хоть десять, къ вашимъ услугамъ, — произнесъ полный господинъ.

— Я хочу васъ просить. Слушайте, вѣдь, кромѣ наслажденія жизнью, есть завтрашній день. Наступитъ день, когда для васъ «завтра» не будетъ. Подумайте объ этомъ днѣ!

— Я васъ не понимаю!

Шаховъ говорилъ, размахивая руками, то бѣгая, то вдругъ останавливаясь передъ дверью въ свою холодную спальню. Здѣсь, на порогѣ, онъ видѣлъ этого полнаго господина, котораго такъ ненавидѣлъ и такъ боялся.

— Вы не понимаете, а это такъ ясно! я о душѣ говорю, о вашей душѣ! Ахъ, не перебивайте!.. Что вы хотите сдѣлать? купить у развратной матери дочь, чистую, какъ ангелъ, купить потому, что она приглянулась вашему ненасытному взору. Не смотрите такъ на меня. Я не боюсь... Чего вы смѣетесь?

— Вы влюблены въ нее и думаете, что ея ангельская чистота должна быть нарушена только вами.

— Не смѣйте такъ говорить! — заоралъ Шаховъ, замахиваясь: — да, я люблю ее, но, какъ-бы я ни былъ богатъ,

я добивался-бы ея любви, а не старался-бы купить ея тѣло за деньги. Да, и вы должны отказаться, должны, должны! я требую!

— И уступить вамъ?

— Мнѣ, другому, третьему, кого она полюбитъ!

Полный господинъ засмѣялся. Шаховъ сжалъ кулаки. Господинъ пересталъ смѣяться и сказалъ:

— Хотите я ее вашей женой сдѣлаю? и дамъ денегъ, чтобы содержать ее... это даже удобнѣе, а вы только на одинъ первый мѣсяцъ поѣзжайте попутешест...

— Подлецъ!!—заревѣлъ, не помня себя, Шаховъ и поднялъ руку:—подлецъ!

Его рука опустилась, и свѣтлый цилиндръ полнаго господина полетѣлъ въ сторону.

— Откажись, откажись!! — хрипѣлъ Шаховъ, взмахивая въ воздухѣ тяжелымъ кулакомъ, и вдругъ ему показалось, что полный господинъ вскрикнулъ и упалъ, обливаясь кровью.

Шаховъ снова очнулся.

— Проклятый бредъ!—простоналъ онъ, хватаясь руками за голову, и вдругъ увидѣлъ кровь на рукѣ и платьѣ.

— Кровь, кровь! — закричалъ онъ съ ужасомъ и бросился въ кухню вымыть руки.

Холодная вода освѣжила его. Онъ пришелъ въ себя совершенно.

Блѣдный разсвѣтъ уже проникъ въ комнаты, и при его мерцающемъ свѣтѣ лицо Шахова казалось еще страшнѣе своею мертвенной блѣдностью.

Онъ облилъ себѣ голову водою и, шатаясь, пошелъ въ спальню. Вытираясь полотенцемъ, онъ едва держался на ногахъ. Злые демоны оставили его, но онъ продолжалъ еще испуганно смотрѣть по сторонамъ.

Наконецъ, онъ раздѣлся, упалъ въ постель и заснулъ тяжелымъ, мучительнымъ сномъ, полнымъ страшныхъ видѣній.

X.

Довойно проснулся въ прекрасномъ настроеніи. Когда Груня, во время его утренняго чая, вошла и сказала, что пришелъ сапожникъ Сухоруковъ, Довойно весело засмѣялся и велѣлъ позвать его.

Сапожникъ Сухоруковъ, мужъ прачки Матрены, высокій, рослый дѣтина, съ почти плѣшивою головою и ястребинымъ носомъ, робко вошелъ въ комнату и, почтительно поклонившись, остановился у притолоки.

— Вотъ, почтеннѣйшій, сапоги мнѣ надо! тебя мнѣ Вишняковы присовѣтовали,—соврал ъ онъ.

Сухоруковъ униженно поклонился.

— Радъ вашей милости услужить, какіе прикажете, изъ опоечки?

— Да ужъ это какъ ты разсудишь!

— По моему разумѣнію-съ, изъ опойки. Очень деликатный товаръ. Позвольте мѣрочку снять!

— Снимай, братецъ! изъ опойки, такъ изъ опойки!— весело сказалъ Довойно, протягивая ногу.

— Изъ опойки безпримѣръ лучше! —говорилъ Сухоруковъ, тщательно складывая изъ обрывка газеты узкую полоску для мѣрки.

Сложивъ ее, какъ должно, онъ приблизился къ Довойно и сталъ снимать съ его ноги мѣрку. Довойно вдругъ бросилось въ глаза его франтовское пальто. Свѣтло-сѣрое, съ металлическимъ отливомъ, на свѣтлой, шелковой подкладкѣ, оно производило впечатлѣніе богатаго барскаго одѣянія.

— Ого-го!—воскликнулъ Довойно:—какимъ ты, однако, франтомъ. Такое пальто и мнѣ въ пору!

Сухоруковъ улыбнулся, сдѣлалъ зубами на бумажкѣ нужную отмѣтку и сказалъ:

— Отъ самого Гринвуса, и помѣтка есть на воротѣ. Это мнѣ Богъ послалъ!

— Какъ Богъ?

— Да такъ. Жена, этто, моя. Матрена, прачка по рукомеслу своему. Только вотъ, этто, она пошла на рѣку, бѣлье полоскать, анъ у бережку-то, въ водѣ, пальто, прибило его къ камешку: оно и держится. Матрена-то хвать его. Совсѣмъ новое, только такъ, одна полка запачкана была, быдто кровью али краской. Ну, она, этто, живымъ манеромъ отмыла водою да мыломъ, да мнѣ и принесла. Въ призентъ, значитъ! Что-съ, али пощекотилъ? простите-съ!— произнесъ онъ виновато, когда Довойно вдругъ рванулъ свою ногу.

— Нѣтъ, это я такъ, нечаянно; продолжай! — сказалъ Довойно, снова подставляя ногу для мѣрки.—Когда-же это случилось?

— Съ пальтомъ-то? какъ есть въ тотъ день, какъ нашего жильца, Петра Александровича, забрали. Въ тотъ самый день, послѣ обѣда...

Довойно второй разъ чуть не выдернулъ ногу отъ сапожника.

— А хорошій баринъ былъ?

Сухоруковъ поднялся съ полу и бережно свернулъ мѣрку.

— И-и, какой хорошій! обходительный, ласковый, смиренный.

— Вѣдь, онъ, говорятъ, убилъ?

Сухоруковъ махнулъ рукою.

— Мало чего ни говорятъ! Ну, гдѣ ему убить, коли онъ, можно сказать, овцы смирнѣе. И для чего опять? а что дѣйствительно эти самыя доказательства на него, [illegible] точно. Это ужъ прямо наказаніе Господне. Какъ есть наказаніе. Задаточекъ позволите получить? — вдругъ перемѣнилъ онъ тему.

— Сдѣлай одолженіе! тебѣ сколько? пять? получи, милый человѣкъ!

— Прощенія просимъ! покорно благодаримъ!

Сухоруковъ поклонился, словно клюнулъ носомъ, и безшумно скользнулъ за двери.

Довойно въ радостномъ волненіи вскочилъ со стула. Вчера онъ только подумалъ о словахъ Бѣгишева и сегодня... у цѣли. Онъ не подозрѣвалъ въ себѣ такихъ способностей. Да, теперь онъ дѣйствительно будетъ полезенъ Рощинымъ и, навѣрное, снова заслужитъ благодарность Авдотьи Павловны.

Онъ засмѣялся и радостно потеръ руки.

Часа черезъ три онъ медленно проходилъ по дворику Рощиныхъ, привѣтливо заглядывая къ нимъ въ окна.

Его встрѣтили, какъ родного, и ему показалось, что Авдотья Павловна словно обрадовалась его приходу.

— Ну, что, какъ? видѣлись съ Петромъ Александровичемъ, уговорили его?—спросилъ онъ у Прони.

Та отрицательно качнула головою.

— Онъ и слушать не хочетъ. Онъ говоритъ, что вся его защита будетъ изъ словъ: «я не виновенъ!»

Довойно весело засмѣялся.

Мать и дочь съ удивленіемъ посмотрѣли на него.

— Ничего, ничего! можетъ, ему и защиты не надо будетъ!—лукаво сказалъ онъ.

— Господи, вы словно Пиѳія!—засмѣялась Авдотья Павловна: — что вы хотите сказать? вы видите, дѣвочка мучается.

Проня съ нетерпѣніемъ смотрѣла на него.

Довойно засмѣялся.

— Ничего! я только хочу сказать, что, если онъ не виновенъ, такъ можетъ и безъ защиты обойтись! вотъ и все.

— Вчера говорили совсѣмъ другое! васъ не поймешь!—воскликнула Проня.

— Подожди, Проня, мы отъ него допытаемся живымъ манеромъ,—шутливо сказала Авдотья Павловна и, обратясь къ Довойно, спросила:—обѣдать будете?

Довойно прижалъ руку къ сердцу.

— Съ наслажденіемъ. Но только обѣдать, потому что затѣмъ я лечу къ Бѣгишеву.

— Это зачѣмъ еще?

— Необходимо!

— Таинственная личность! — засмѣялась Авдотья Павловна:—ну, обѣдомъ сейчасъ накормимъ!..

Проня нехотя ѣла, безотчетно грустя о Гроховѣ. Ея прежнее восторженное состояніе, послѣ бесѣдъ съ Довойно, снова смѣнилось глухимъ отчаяньемъ. Да, правда для самого себя только—не правда. Надо все сдѣлать, чтобы доказать ее людямъ, и, когда она восторжествуетъ, только тогда и получитъ свое цѣнное значеніе.

— А вы вчера кутили у Вишняковыхъ? — спросила Авдотья Павловна у Довойно.

— Да, да! кутилъ. У нихъ все пиры.

— Да, у нихъ весело; и, знаете, какая-то атмосфера любви.

Довойно засмѣялся.

Проня улыбнулась тоже. Она вспомнила, что познакомилась съ Гроховымъ у нихъ.

Авдотья Павловна вздохнула.

— Да, присмотритесь хорошенько къ ихъ веселью и вы увидите тамъ цѣлую драму.

— Кто герой?

— Татьяна.

— Злодѣй?

— Мать. Таня окружена роемъ поклонниковъ; мать выбираетъ изъ нихъ самаго богатаго, а остальныхъ разжигаетъ надеждами и беретъ съ нихъ деньги.

— Мамочка!—съ укоризною сказала Проня.

— Я говорю это Аллоизію Феликсовичу потому, что считаю его другомъ, и потому, что жалѣю Таню.

Довойно благодарно поклонился.

— Кто-же изъ нихъ самый богатый?

— Теперь, не знаю. Вѣроятно, Бѣгишевъ или Морозовъ, а прежде...

— А прежде?

Авдотья Павловна поблѣднѣла.

— Самаго богатаго убили. Прежде былъ Гинтовтъ. Это была омерзительная личность. Развратникъ, сальный. Онъ влюбился въ Таню и сталъ давать ея матери деньги подъ векселя, подъ конецъ совсѣмъ опуталъ ее и предложилъ за векселя—Татьяну. Мать согласилась. Они готовили уже помолвку, и вдругъ... его убили.

Довойно впился въ Рощину глазами и, казалось, поглощалъ ея слова.

— Что съ вами?—удивилась его напряженному состоянію Авдотья Павловна.

Довойно утеръ губы, бросилъ салфетку и выскочилъ изъ-за стола.

— Вотъ, вамъ мои слова казались загадкою,—возбужденно заговорилъ онъ:—теперь слушайте, Прасковья Андреевна, слушайте! Вашъ женихъ не нуждается въ защитѣ, потому что онъ не виновенъ, потому что убійца другой, потому что я нашелъ его! — воскликнулъ онъ, схватывая шляпу.

— Мама, что онъ говоритъ? — хватаясь рукой за голову, спросила Проня.

— Секретъ, секретъ!—смѣясь, отвѣтилъ Довойно и, поцѣловавъ руку ея, быстро вышелъ изъ комнаты.

— Онъ говоритъ, Проня, что онъ нашелъ убійцу, что Грохова освободятъ изъ тюрьмы!

— Мама!—восторженно сказала Проня,—намъ его Богъ послалъ!

— Да, хорошій человѣкъ!—задумчиво отвѣтила Авдотья Павловна и, вдругъ, обнявъ Проню, начала ее крѣпко цѣловать.—Онъ освободитъ твоего жениха. Онъ все сдѣлаетъ. Вотъ увидишь!—твердила она радостнымъ, возбужденнымъ голосомъ и цѣловала Проню.

XI.

Бѣгишевъ не спалъ всю ночь при мысли, что Татьяна, одна, посѣтитъ его усадьбу. Съ ранняго утра онъ послалъ въ городъ коляску съ строгимъ наказомъ сторожить барышню и мчать ее въ усадьбу, не жалѣя лошадей, и, съ момента отъѣзда кучера, не находилъ себѣ мѣста, волнуясь ожиданіемъ и считая минуты. Онъ составлялъ цѣлыя рѣчи, онъ бесѣдовалъ съ Татьяной, задыхался отъ бурной радости и суетливо, безтолково сновалъ по комнатамъ и парку, приводя своего Осипа въ совершенное смущеніе.

Тотъ слѣдилъ за бариномъ тревожнымъ взоромъ и недоумѣвалъ, что могло съ нимъ приключиться.

— Ужъ не увезти-ли затѣялъ барышню?—мелькало въ немъ смутное подозрѣніе, навѣянное воспоминаніями о прежней барской жизни.

— Ѣдутъ, ѣдутъ! — вдругъ закричалъ радостно Бѣгишевъ, торопливо сбѣгая съ балкона. — Милый, голубчикъ, Осипъ! — сказалъ онъ торопливо: — ты ужъ поспѣши собрать завтракъ въ моемъ кабинетѣ.

— На два куверта-съ?

— На два, на два! — крикнулъ Бѣгишевъ, торопливо идя къ дверямъ.

— Вотъ ужъ ошалѣлъ словно,—удивленно прошепталъ Осипъ и пошелъ распорядиться на кухню.

Тамъ Александра «за повара», раскаленная у плиты, готовила хитрый обѣдъ, заказанный съ вечера бариномъ.

— Готовсь къ фриштыку! — проворчалъ ей Осипъ и началъ собирать посуду.

Бѣгишевъ выбѣжалъ на дорогу, и почти въ ту-же минуту подлѣ него остановилась коляска и изъ нея выскочила веселая и радостная Татьяна.

Бѣгишевъ взялъ ея обѣ руки и, безсчетно цѣлуя ихъ, повелъ ее по аллеѣ.

Татьяна вспыхнула, но на душѣ ея стало еще свѣтлѣе и радостнѣе.

Онъ провелъ ее въ свой кабинетъ, гдѣ она торопливо сбросила шляпку и, опустившись на кресло-качалку, весело сказала:

— Ухъ! я никогда такъ не ѣздила. Онъ словно хотѣлъ загнать лошадей. Духъ захватывало.

Бѣгишевъ стоялъ противъ нея, не спуская съ нея восхищеннаго взора.

— Я нарочно велѣлъ ему такъ гнать. Вы, вѣроятно, доѣхали часа въ два съ половиною, хотя мнѣ казалось, что прошло двѣ вѣчности.

— Я не могла выйти раньше. Надо было позавтракать.

— Вы завтракали?— огорченно сказалъ Бѣгишевъ: — а я-то готовился!

Татьяна засмѣялась.

— Вы накормите меня обѣдомъ!

— Отлично! а теперь, значитъ, осмотримъ мои владѣнья,—развеселился онъ.—Не надо! уноси прочь!—сказалъ онъ Осипу, когда тотъ явился въ дверяхъ съ сервировкою въ рукахъ.

Осипъ остановился съ выраженіемъ такого крайняго недоумѣнія, что Татьяна невольно разсмѣялась.

Бѣгишевъ обернулся къ нему.

— Если хочешь стараться, накрывай къ обѣду. Я съ съ барышней проѣду на луга и въ поле, а ты приготовь. А пока, вели заложить коляску. «Пѣгаго» и «Рыцаря», а въ корень «Грудастаго».

— Слушаю-съ!—смущенно отвѣтилъ Осипъ и, оставивъ на столѣ посуду, скатерть и салфетки, вышелъ изъ комнаты.

— А пока запрягутъ, мы съ вами осмотримъ усадьбу!— весело предложилъ Бѣгишевъ: — вы не устали?

— О, я хоть на край свѣта!—отвѣтила Татьяна, вставая и беря шляпу: — идемъ!

Бѣгишевъ предложилъ ей руку и повелъ по комнатамъ.

— Вы можете долго прогостить у меня? — спросилъ онъ.

— До поздняго вечера. Я мамѣ сказала, что иду къ Пронѣ, буду у ней обѣдать, сидѣть.

— А вдругъ она придетъ къ вамъ?

— Проня? нѣтъ. Со времени несчастья она никуда не ходитъ. Она отказалась даже отъ уроковъ.

— Тѣмъ лучше, что не придетъ, — сказалъ онъ и повелъ ее по комнатамъ, обращая вниманіе на нѣкоторыя уцѣлѣвшія старинныя вещи и портреты.

Это были комнаты старыхъ барскихъ домовъ: то огромныя, непріятныя, холодныя, то крошечныя, какъ чуланчики, точно прижатыя одна къ другой.

Но въ этихъ комнатахъ, заброшенныхъ и запущенныхъ, время до времени попадались дорогія вещи изъ мебели, бронзы и картинъ.

Татьяна восхищалась всѣмъ. Ей, выросшей въ мишурѣ и фальши, всякая дѣйствительная собственность казалась богатствомъ.

Бѣгишевъ водилъ ее по комнатамъ и любовался ея удивленіемъ.

О, онъ-бы обратилъ все это во дворецъ, если-бы зналъ, что она придетъ сюда хозяйкою.

Онъ провелъ ее на башенки, откуда открывался далеко видъ на всѣ окрестности.

— Вотъ это все моё!—сказалъ онъ, улыбаясь и показывая рукою на чуть синѣющую на горизонтѣ узкую полоску:—вплоть до того лѣса.

— Господи!—вырвалось у Татьяны:—я не думала что вы такъ богаты!

— А если-бы думали?

Татьяна покраснѣла и потомъ, взглянувъ на Бѣгишева, твердо отвѣтила:

— Я не пріѣхала-бы къ вамъ.

«Милая»,—подумалъ Бѣгишевъ и снова улыбнулся.

— А я ждалъ-бы васъ, — сказалъ онъ серьезно: — ждалъ-бы, какъ въ тотъ первый разъ, какъ теперь, не спуская глазъ съ дороги. Помните, какъ въ «Синей Бородѣ»: «сестра Анна, видишь-ли ты пыль по дорогѣ?..» Да! вы знаете, — сказалъ онъ взволнованно: — я не имѣлъ ни минуты покоя со вчерашняго вечера, я всю ночь не сомкнулъ глазъ, я утромъ, едва угналъ Феногена, каждую секунду сталъ ожидать вашего пріѣзда!

Эта пылкая рѣчь показалась Татьянѣ похожей на объясненіе, ея сердце замерло отъ радостнаго волненія.

Она крѣпко прижалась къ рукѣ Бѣгишева и оживленно сказала:

— Теперь покажите мнѣ паркъ, который вы такъ хвалили!

Бѣгишевъ свелъ ее въ паркъ.

Унылая запущенность придавала парку еще болѣе величественный, красивый видъ. Имъ, дѣйствительно, нельзя было не восхищаться.

Бѣгишевъ провелъ Татьяну по всѣмъ извилистымъ дорожкамъ парка и, наконецъ, привелъ къ тому мѣсту, гдѣ въ тотъ роковой день убійства Гинтовта, онъ съ тоскою поджидалъ ея пріѣзда съ другими гостями.

Рѣчка такъ-же, какъ и прежде, журчала и сверкала стальными иглами на солнцѣ, такъ-же, какъ и тогда, гдѣ-то лѣниво долбилъ дятелъ.

Татьяна сѣла на широкій пень, а Бѣгишевъ опустился у ея ногъ, и они оба замерли въ какомъ-то очарованномъ молчаніи.

Они молчали и въ то-же время оба чувствовали, что сошлись для того, чтобы говорить, но начать было съ каждымъ мгновеніемъ все труднѣе и труднѣе.

Татьяна чувствовала, какъ у нея замиралъ духъ и кружилась голова.

Бѣгишевъ упорно молчалъ, и это молчаніе тяжелымъ камнемъ давило его сердце.

— Какъ хорошо! — наконецъ, шепотомъ произнесла Татьяна.

Да, это томленіе невысказанныхъ рѣчей наполняетъ души неизъяснимымъ мучительнымъ восторгомъ.

Бѣгишевъ тихо взялъ ея опущенную руку.

Татьяна не отняла ея.

— Что вы хотѣли мнѣ сказать?—прошепталъ онъ.

Татьяна поблѣднѣла.

«Вотъ, вотъ, началось»,—промелькнуло у ней. Ея сердце сжалось, голова закружилась.

— Я васъ люблю,—прошептала она побѣлѣвшими губами.

Бѣгишевъ обернулъ къ ней свое просіявшее лицо, и на немъ было написано такое счастье, что Татьяна вдругъ ожила и протянула къ нему свои руки. Но лицо Бѣгишева тотчасъ исказило страданіе; онъ отстранилъ ея руки и прошепталъ:

— Постой! между нами цѣлая бездна! ты должна меня прежде выслушать!

Татьяна отшатнулась. Ей припомнился видѣнный ею сонъ, потомъ слова матери; она закрыла лицо руками и заплакала, какъ ребенокъ.

— Такъ это правда, правда?—твердила она.

— Что правда?—прошепталъ Бѣгишевъ.

— Что вы... что у васъ... жена?

— Правда!—отвѣтилъ Бѣгишевъ.

Татьяна вдругъ отняла отъ лица руки, и въ глазахъ ея сверкнуло презрѣніе.

— Подожди!—воскликнулъ Бѣгишевъ съ такимъ отчаяніемъ, словно останавливалъ занесенную руку убійцы.

Готовые сорваться презрительные упреки замерли на губахъ Татьяны.

— Ты вѣдь не знаешь моей жизни!—съ отчаяньемъ заговорилъ Бѣгишевъ:—такъ выслушай!

И онъ началъ съ горечью разсказывать ей про свой бракъ, про свою жену, про ссоры съ нею, размолвку, а потомъ про своего сына и про его смерть.

— Я никому не говорилъ объ этомъ,—окончилъ онъ съ тоскою:—для чего-же мнѣ это разсказывать? я вошелъ къ вамъ въ домъ, какъ холостой, но я велъ себя такъ, что никого не вводилъ въ обманъ. Только послѣднее время, когда я созналъ, что люблю тебя безповоротно, я не сумѣлъ скрыть этой любви къ тебѣ! Въ чемъ-же обвинять меня? въ томъ, что я несчастенъ? въ томъ, что я полюбилъ тебя, да?...

Она молчала.

— Я полюбилъ тебя и ждалъ только взаимности. Я зналъ, что буду дѣлать, и меня никто не упрекнетъ въ невѣрномъ шагѣ. Я завтра поѣду къ твоей матери и буду просить твоей руки и завтра-же пошлю довѣренность и начну дѣло о разводѣ. У меня есть деньги. Въ полгода я получу свободу, и тебѣ не придется краснѣть за мои дѣйствія. Только ты, ты согласна? а? ты, вѣдь, подождешь?

Татьяна молчала, и мысли вереницей проносились въ ея головѣ.

— Зачѣмъ-же молчишь, скажи хоть слово, слово!—сказалъ съ тоскою Бѣгишевъ.

Татьяна вдругъ склонилась къ нему, обвила руками его шею и страстно проговорила:

— Я люблю тебя!

На щеку Бѣгишева капнули слезы.

Онъ крѣпко обнялъ Татьяну.

— О чемъ-же ты плачешь?

— Я счастлива, я такъ много думала, такъ волновалась!

— Милая! теперь ты моя, моя! что ты хотѣла сказать мнѣ, когда сюда ѣхала?

— Я хотѣла спросить тебя объ этомъ: мнѣ сказала мама, что ты женатъ, а мамѣ сказалъ Морозовъ.

Бѣгишевъ разсмѣялся.

— Ну, вотъ, ты и узнала, моя рыбка, моя золотая рыбка!

Онъ поднялся на колѣни, обхватилъ руками Татьяну и сталъ цѣловать ея сіяющее счастьемъ личико.

— Пусти, пусти!—старалась со смѣхомъ оттолкнуть его Татьяна.

И вдругъ сама обняла его и отдалась его ласкамъ.

— О, милый, какъ я счастлива!—шептала она.

— Пойдемъ осматривать наши владѣнія!—сказалъ Бѣгишевъ.

И они снова пошли по парку и комнатамъ, счастливые, довольные, охваченные восторгомъ первой истинной любви.

— Ахъ, какъ онъ напугалъ меня!—вскрикнула, смѣясь, Татьяна.

На поворотѣ, изъ корридора, передъ ними вдругъ выросла фигура Осипа.

— Лошади готовы и ждутъ!

— Поѣдемъ?

— Милый, въ другой разъ; я такъ устала! — шепнула Татьяна Бѣгишеву.

— Вели отложить, мы не поѣдемъ! да торопись съ обѣдомъ, — распорядился Бѣгишевъ и повелъ Татьяну въ кабинетъ.

Осипъ взмахнулъ руками.

— Ну, ошалѣли!—пробормоталъ онъ:—теперь выходитъ, обѣдъ подамъ, а они скажутъ — убери, готовь ужинать!

Онъ еще разъ пожалъ плечами и пошелъ передавать приказаніе барина.

Бѣгишевъ провелъ Татьяну въ кабинетъ; она сбросила шляпу и въ утомленіи опустилась на софу; онъ подложилъ ей подъ голову гарусную подушку и сѣлъ подлѣ нея, на краю софы, взявъ въ свою руку ея крошечныя руки.

Татьяна словно видѣла чудный сонъ; она тихо, счастливо улыбалась и съ этой улыбкою полузакрыла глаза.

— Какъ хорошо мнѣ, милый!—прошептала она.

Бѣгишевъ жадно сталъ цѣловать ея руки.

— Хорошая моя,—шепталъ онъ:—а какъ намъ будетъ хорошо, когда я привезу тебя сюда хозяйкою. Я отдѣлаю домъ этотъ заново; я сдѣлаю здѣсь мягкое и теплое гнѣздышко для тебя, моей птички.

Она не раскрывала глазъ, словно боялась разрушить очарованіе.

— Полгода, и мы—съ тобою! Вѣдь эти шесть мѣсяцевъ пролетятъ, какъ сонъ! правда, милая?

Татьяна раскрыла глаза.

— О, да, и я, наконецъ, вырвусь изъ своего дома! Ты знаешь,—проговорила она, вдругъ поднимаясь на софѣ:—если-бы Гинтовтъ не былъ убитъ, я-бы вышла за него замужъ.

— Нѣтъ,—твердо отвѣтилъ Бѣгишевъ:—вѣдь тогда-бы вы всѣ пріѣхали ко мнѣ въ гости, а я далъ слово объясниться съ тобою и умолилъ-бы тебя не дѣлать этого ужаснаго шага. Вѣдь ты любила меня тогда?

— Я тебя съ перваго дня полюбила,—просто отвѣтила Татьяна:—но, вѣроятно-бы, все-таки пошла за него.

— Что ты говоришь?!—воскликнулъ Бѣгишевъ.

— О, ты не знаешь всего!—отвѣтила грустно Татьяна:—вѣдь, я—товаръ, да, товаръ у мамы. Тогда Гинтовтъ надавалъ ей много денегъ, запугалъ векселями, скандаломъ, обѣщался дать за меня еще денегъ. Мама умоляла меня, плакала, и я, я начала сдаваться, т.-е. въ душѣ я уже рѣшила сдѣлать это, потому что жить нельзя было въ домѣ иначе. Мнѣ надо было-бы убить себя, но я не рѣшалась.

Испуганный мыслями о смерти Бѣгишевъ сжалъ Татьяну въ своихъ объятьяхъ.

— Не говори такъ. Я знаю, ты мнѣ это все-бы разсказала, и я выручилъ-бы тебя, выкупилъ!—дѣланно засмѣялся онъ.

— Тебѣ и теперь придется это сдѣлать,—густо краснѣя сказала Татьяна.

— О, я знаю, зачѣмъ ты говоришь мнѣ это! развѣ это для меня тяжело?

Онъ сталъ цѣловать ее, и она оправилась отъ своего смущенія.

За дверью раздался почтительный кашель.

Бѣгишевъ отошелъ отъ Татьяны, и въ ту-же минуту Осипъ вошелъ въ кабинетъ.

— Прикажете подавать обѣдъ? — спросилъ онъ.

— Да, да, давай! да принеси и все вино, которое есть!— распорядился Бѣгишевъ.— Я проголодался,—сказалъ онъ, когда Осипъ вышелъ.

— Я тоже,—просто отвѣтила Татьяна.

— Сильныя впечатлѣнія вызываютъ такую-же физическую усталость, какъ тяжелая работа,—замѣтилъ Бѣгишевъ, весело улыбаясь.

Татьяна не помнила такого удивительнаго обѣда. Ей, дѣйствительно, казалось все это сномъ или волшебной сказкой.

Они мало ѣли. Но Бѣгишевъ былъ такъ завлекательно веселъ, она такъ безпечно смѣялась, и, наконецъ, они такъ часто прерывали свою трапезу поцѣлуями, что время для нихъ летѣло со сказочной быстротою.

Въ комнату вдругъ вошелъ Осипъ.

— Чего тебѣ?—недовольно спросилъ Бѣгишевъ.

— Васъ спрашиваютъ, пріѣхали.

Бѣгишевъ и Татьяна смутились.

— Кто?

— Господинъ Довольно,—отвѣтилъ Осипъ.

Бѣгишевъ весело разсмѣялся.

— Довойно, а не Довольно! ступай, проси!

Осипъ вышелъ.

— Не бойся, птичка! это прекрасный человѣкъ и мой другъ,—успокоилъ онъ Татьяну, но она уже оправилась и весело улыбалась, когда Довойно, какъ бомба, влетѣлъ въ кабинетъ.

— Знаете, съ какою я новостью? — закричалъ онъ съ порога и вдругъ, смущенный, остановился, увидя у Бѣгишева Татьяну.

XII.

Бѣгишевъ поднялся съ улыбкою къ нему навстрѣчу.

— Прежде всего,—сказалъ онъ весело,—позвольте представить васъ заново моей невѣстѣ, Татьянѣ...

— Татьянѣ Антоновнѣ! уважаемой Татьянѣ Антоновнѣ!—перебилъ его Довойно, подбѣгая къ Татьянѣ и цѣлуя ея руку:—во-первыхъ, здраствуйте; во-вторыхъ, поздравляю! а въ-третьихъ?—обернулся онъ къ Бѣгишеву.

— Поздравьте и меня, садитесь за столъ, пейте вино и разсказывайте вашу новость, — окончилъ, смѣясь, Бѣгишевъ.

— Ахъ, новость, новость!—возбужденно заговорилъ Довойно, наливая стаканъ вина: — я очень радъ, что встрѣтилъ васъ тутъ, — сказалъ онъ Татьянѣ.—Вы мнѣ дадите нѣкоторыя разъясненія.

— Я?—удивилась Татьяна.

— Какая новость-то? — спросилъ Бѣгишевъ.

Онъ перешелъ съ Татьяной на софу и взялъ ея руку.

— Помните, — заговорилъ Довойно, — вечеръ? вы мнѣ исповѣдывали свое влюбленное сердце, а я изливалъ свою тоску?

— Это было третьяго дня,—шепнулъ Бѣгишевъ Татьянѣ.

Та поняла его и пожала его руку.

— Вы еще мнѣ посовѣтовали сыскать дѣйствительнаго убійцу Гинтовта?

Бѣгишевъ кивнулъ головою. Татьяна вздрогнула.

— Я нашелъ его!—восторженно сказалъ Довойно.

Бѣгишевъ и Татьяна выпрямились, словно отъ толчка.

— Кто-же?—воскликнули они въ одинъ голосъ.

— Шаховъ!—крикнулъ Довойно.

Бѣгишевъ изумился.

Татьяна вдругъ поблѣднѣла, какъ мѣлъ, и безсильно прислонилась къ спинкѣ софы.

— Таня, что съ тобою?—тревожно спросилъ Бѣгишевъ.

— Я это знала, думала,—прошептала Татьяна.

— Вотъ, вотъ!—возбужденно заговорилъ Довойно:—онъ! и никто больше. Онъ теперь мучается и ведетъ себя, какъ сумасшедшій. Однимъ этимъ онъ выдаетъ себя.

— Но съ чего?—спросилъ Бѣгишевъ:—съ какой стати?

— Съ чего?—переспросилъ Довойно и, наклонившись къ нему, сказалъ:—Гинтовтъ собирался жениться на одной особѣ, которую любилъ Шаховъ, и вотъ...

Бѣгишевъ вскочилъ въ порывѣ гнѣва.

— Негодяй! какъ онъ смѣлъ!

Татьяна сидѣла блѣдная, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ.

— Тутъ не въ смѣлости дѣло, а въ силѣ страсти! Я не знаю, какъ произошло убійство. Можетъ, онъ съ нимъ спорилъ, можетъ, подстерегъ его и напалъ, можетъ, заманилъ и ухлопалъ. Фактъ тотъ, что онъ убійца. Я не говорю этого всѣмъ, потому что у меня нѣтъ всѣхъ уликъ, но говорю вамъ, потому что для меня лично у меня есть несомнѣнныя доказательства.

Онъ всталъ со стула и, ковыляя по комнатѣ, продолжалъ говорить съ увлеченіемъ. Бѣгишевъ снова опустился на софу подлѣ Татьяны и взялъ ея похолодѣвшія руки.

— Помимо его состоянія,—говорилъ Довойно:—у меня есть такая улика. Шаховъ вдругъ перемѣнилъ свое свѣтлое пальто, сказалъ, что испачкалъ его краскою, а я знаю одного ремесленника, который нашелъ это пальто, въ крови, въ рѣкѣ, недалеко отъ мѣста убійства, вымылъ его и носитъ. Нашелъ на другой день послѣ убійства! а? это не улика?!

Бѣгишевъ и Татьяна сидѣли молча, словно подавленные сообщеннымъ извѣстіемъ.

— И къ вамъ просьба, дорогая Татьяна Антоновна,— обратился къ Татьянѣ Довойно:—узнайте, пожалуйста, вы это можете, когда Шаховъ перемѣнилъ пальто и отъ какого портного оно было?

Татьяна кивнула головою и потомъ съ усиліемъ сказала:

— О, да, это такъ навѣрное и было. Онъ — ужасный человѣкъ, я его всегда боялась. Алексѣй,—вдругъ сказала она, вся поблѣднѣвъ:—если онъ узнаетъ, что я — твоя невѣста, онъ тебя убьетъ!

— Не успѣетъ!—сказалъ Довойно.

— Что вы хотите дѣлать? Идти къ слѣдователю?—спросилъ Бѣгишевъ.

— Избави Богъ! чтобы все дѣло испортить! у слѣдователя амбиція. Онъ обидится и не обратитъ вниманія на мои слова.

— Что-же вы сдѣлаете?

— Я пойду къ нему и заставлю его признаться!— твердо сказалъ Довойно.

— Онъ васъ убьетъ!!—воскликнула Татьяна.

Довойно засмѣялся.

— Ну, ужъ и напуганы вы! что-же онъ всѣхъ убивать, что-ли, будетъ? вѣдь онъ не спеціалистъ-убійца, а случайный. Вы знаете,—прибавилъ онъ,—я увѣренъ, что его по ночамъ посѣщаетъ Гинтовтъ.

Татьяна вздрогнула и прижалась къ Бѣгишеву.

— Мнѣ страшно. Проводи меня самъ домой!

— Хорошо,—ласково отвѣтилъ Бѣгишевъ и обратился къ Довойно:—вы располагайтесь у меня. Я только ее провожу и назадъ.

— Ничуть; я тоже въ городъ. Я прискакалъ сюда только васъ порадовать. Юноша спасенъ!

— Ну, отлично, значитъ, мы втроемъ!..

Черезъ полчаса они втроемъ мчались въ коляскѣ въ городъ.

— Вы, пожалуйста, отъ липовой аллеи ужъ проводите ее до дому,—говорилъ Бѣгишевъ Довойно.

— И помните, что я отъ Рощиныхъ, — улыбаясь, прибавила Татьяна.

— Ладно, ладно,—радостно смѣясь, отвѣчалъ Довойно.— А вы моей просьбы не забудьте! Я завтра отъ васъ буду письма ждать.

— Не забуду!—отвѣтила Татьяна, прижимаясь къ плечу Бѣгишева.

Онъ обнялъ ее за талію. Темный вечеръ скрывалъ ихъ лица, но они оба чувствовали свое счастье, и только страшный призракъ Шахова смущалъ душу Татьяны, наполняя ее безотчетнымъ страхомъ.

Счастливъ былъ и Довойно. Онъ теперь зналъ, что нашелъ убійцу, что спасетъ Грохова, и испытывалъ заранѣе наслажденіе слышать слова благодарности отъ Рощиныхъ и чувствовать пожатіе теплой руки Авдотьи Павловны.

«Освобожу Грохова, открою свое инкогнито»,—думалъ Довойно:—«и тогда, тогда... что-же? я еще имѣю право на счастье. Бѣгишевъ моихъ-же лѣтъ; почти моихъ...» При этой мысли лицо его вспыхнуло, но тотчасъ-же и поблѣднѣло. «А вдругъ откажетъ?» — подумалъ онъ, и сердце его, дотолѣ радостно бившееся, сжалось въ тоскливомъ предчувствіи.

XIII.

Счастье Татьяны было безмѣрно, но ей пришлось все-таки выдержать бурю.

Не раздѣваясь, она прошла къ матери, которая въ ожиданіи самовара одиноко сидѣла на креслѣ въ гостинной съ безконечнымъ вязаніемъ въ рукахъ. Николай и Лидія ушли гулять. Старикъ отецъ, утомленный однообразной работой, тихо заснулъ на своей жесткой постели въ корридорѣ. Серафима Герасимовна сидѣла одна и томилась скукою.

Приходъ Татьяны развлекъ ее, и она привѣтливо ей улыбнулась, но въ то-же время ее смутили восторженное лицо и сіяющіе счастьемъ глаза Татьяны.

— Что съ тобой?—воскликнула она, и изумленіе ея перешло границы, когда Татьяна вдругъ опустилась передъ нею на колѣни.

— Что съ тобою?—повторила Серафима Герасимовна.

Татьяна прижалась лицомъ къ ея колѣнямъ и отвѣтила:

— Мама, я была у него...

— Бѣгишева?!—вскрикнула Серафима Герасимовна, и ей тотчасъ представилась вся возможная сцена этого посѣщенія.

— Да,—отвѣтила Татьяна, поднимая голову.

Серафима Герасимовна гнѣвно поднялась.

— Дрянь, мерзкая!—проговорила она, задыхаясь:—говори, что тамъ дѣлала? ты опозорила меня, отца, семью!

Татьяна медленно встала на ноги, поблѣднѣвъ отъ оскорбленія.

— Онъ — благородный человѣкъ, мама. Онъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе и завтра будетъ у васъ!

— Онъ женатый!

— Онъ разойдется въ 6 мѣсяцевъ!

Серафима Герасимовна начала быстро ходить по комнатѣ. Планы Морозова разрушены, да и ея планы, потому что, очевидно, дѣвченка влюблена, и Бѣгишеву (ловкій парень) ничего не стоитъ сдѣлать ее хоть своей любовницей. Эта мысль совершенно вывела ее изъ себя.

— Благородный!—закричала она:—ну, нѣтъ, мать моя, благородные такъ не поступаютъ! да-съ! придти, притворяться холостымъ, какъ воръ, украсть дѣвичью честь и опозорить домъ...

— Мама!

— Ты не перебивай? Да, опозорить домъ, гдѣ ѣлъ и пилъ. Это не по благородному. Назначать дѣвченкѣ свиданья у себя въ усадьбѣ—это не по благородному. По бла-

городному-то, мать моя, онъ долженъ прежде всего придти ко мнѣ, мнѣ все сказать, со мной объясниться, а потомъ разводъ начать. Да!

Татьяна, блѣдная, потрясенная, опустилась въ кресло.

— Онъ-же придетъ завтра.

— Завтра я ему и скажу все это! На-те вамъ, благо-род-ный!—повторила она презрительно.

Татьяна опустила голову и тихо заплакала. Въ первый разъ она хотѣла подѣлиться съ матерью своими чувствами и вдругъ натолкнулась на такую рѣзкую сцену.

Въ уныломъ молчаніи прошелъ весь вечеръ. Вернувшіеся Николай и Лида поняли, что что-то произошло между матерью и сестрою, и какъ-то инстинктивно притихли, сидя за вечернимъ чаемъ.

Уныло и томительно долго тянулась эта ночь для Татьяны. Она больше всего боялась, что мать нагрубитъ Бѣгишеву, и онъ навсегда оставитъ ихъ домъ. Разсудительная Татьяна въ эти часы потеряла голову и казалась себѣ маленькой дѣвочкой, зависящій всецѣло отъ матери.

Наконецъ, наступилъ день. Серафима Герасимовна почему-то одѣла свое парадное черное платье и казалась въ немъ неприступно холодной.

Татьяна встала съ блѣднымъ, утомленнымъ лицомъ и не рѣшилась выходить изъ спальни. Николай и Лида почему-то вдругъ стали говорить шепотомъ и ходить на цыпочкахъ, и надо всѣми повисло что-то тяжелое, мрачное, словно предчувствіе бѣды.

Татьяна упросила отца перенести его столикъ въ спальню и, печальная, сидѣла подлѣ него, а онъ, радостный, увлеченный своей работою, старательно отклеивалъ почтовыя марки и говорилъ безъ умолку. Татьяна не слушала его, весь отдавшись какому-то тревожному чувству.

Вдругъ въ комнату вбѣжала встревоженная Лида.

— Таня, Таня, — зашептала она взволнованно: — къ намъ Бѣгишевъ пріѣхалъ... во фракѣ...

Татьяна вздрогнула, выпрямились, но тотчасъ опустилась въ какомъ-то безсиліи. Лицо ея побѣлѣло.

— Дай воды, Лида,—слабо сказала она.

Лида бросилась за водою. Ея сердце тоже стало тревожно биться; она догадалась, что Бѣгишевъ пріѣхалъ дѣлать предложеніе Танѣ, и взволновалась этимъ событіемъ.

Марфа уже знала, въ чемъ дѣло. Феногенъ, привезшій барина, выставлялъ на столъ двѣ бутылки шампанскаго и озабоченно говорилъ:

— Баринъ наказывалъ, чтобы безпремѣнно заморозить. Льду, стало быть!

— Да понимаю, не хлопочи!—огрызнулась Марфа и, обратившись къ Лидіи, съ заискивающей улыбкою, спросила: — что, еще рано, барышня?

— Рано, рано,—возбужденно отвѣтила Лидія, торопясь налить стаканъ воды и расплескивая ее.—Таня, въ кухнѣ уже и шампанское!—проговорила она, подходя къ Татьянѣ.

Татьяна жадно выпила воду. Въ это время въ спальню вошелъ Николай; онъ старался казаться хладнокровнымъ и покровительственно сказалъ:

— Таня, не робѣй! Все уладится. Ничего, что такъ вышло; съ деньгами мы все уладимъ!

Его голосъ ободрилъ Татьяну. Она улыбнулась и благодарно взглянула на него.

— Да, Танечка, съ деньгами все можно, это онъ сказалъ правду,—заговорилъ старикъ-отецъ, совершенно равнодушный къ происходящему вокругъ: —вотъ я, какъ оставлю вамъ 10 тысячъ, тогда...

— Таня, Танюша! — раздался радостный голосъ Серафимы Герасимовны.

Всѣ встрепенулись.

Татьяна встала на ноги, и ея лицо вдругъ залила краска.

— Мамочка зоветъ!—восторженно повторила Лида.

— Таня!!

Татьяна протянула впередъ руки и порывисто броси-

лась къ дверямъ. Лида робко пошла за нею, а Николай, все еще стараясь выказать равнодушіе, вынулъ папиросу, взялъ въ ротъ и медленно, старательно закурилъ ее.

* * *

Серафима Герасимовна встрѣтила Бѣгишева съ холодной суровостью, но онъ, восторженный и радостный, даже не замѣтилъ ея пріема.

— Я пришелъ къ вамъ просить прощенія,—заговорилъ онъ, прямо приступая къ дѣлу.

Серафима Герасимовна мрачно вздохнула.

— Прощенія въ томъ, что ранѣе, чѣмъ поговорить съ вами,—продолжалъ Бѣгишевъ,—я объяснился съ вашей дочкою. Серафима Герасимовна, оказывается, мы любимъ другъ друга и отъ васъ зависитъ упрочить наше счастіе.

— Но вы женаты!—воскликнула Серафима Герасимовна.

Бѣгишевъ сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ.

— У меня будетъ чѣмъ содержать роскошно не только жену, но и семью ея. Кромѣ у меня имѣнье, около 80 десятинъ, затѣмъ въ Симбирской губерніи я имѣю 1,100 десятинъ, у меня въ Петербургѣ домъ и, наконецъ, всегда есть свободныя деньги...

Эта рѣчь, безъ сомнѣнія, была лучшимъ мѣстомъ всего стратегическаго плана.

— Но вы женаты?—повторила Серафима Герасимовна тише.

Бѣгишевъ теперь разслышалъ. Онъ засмѣялся и сказалъ:

— Да, я не скрылъ этого отъ Татьяны Антоновны, но развожусь. Да, я женатъ, но, вы знаете, что при средствахъ я всегда добьюсь развода, тѣмъ болѣе, что жена моя будетъ этому только рада. Ей деньги всегда нужны...

Серафима Герасимовна рѣшилась улыбнуться.

— Какъ и мнѣ,—замѣтила она вскользь.

— О, теперь вы въ нихъ нуждаться не будете. Вы—мать моей невѣсты, вѣдь такъ? и, повѣрьте, мои средства всегда къ вашимъ услугамъ.

Серафима Герасимовна просвѣтлѣла.

— Ну, прощаю васъ,—сказала она весело:—хлопочите, и за свадьбу!

Бѣгишевъ крѣпко поцѣловалъ ея руку.

— Таня, Танюша!—закричала радостно Серафима Герасимовна.

Бѣгишевъ въ волненіи всталъ.

Она посмотрѣла на него и подумала: «Гораздо богаче, воспитаннѣе; онъ, правда, ни въ чемъ не откажетъ»—и закричала снова, еще веселѣе и ласковѣе:

— Таня!

На этотъ призывъ дверь отворилась, и въ гостиную вбѣжала раскраснѣвшаяся, счастливая Татьяна.

Она поняла, что все кончилось, что она—его, и съ радостнымъ смѣхомъ бросилась къ матери.

Серафима Герасимовна растрогалась.

— Ну, ну, будетъ! ну, благословляю, согласна!—заговорила она, протягивая свободную руку Бѣгишеву.

Онъ поспѣшно подошелъ къ ней и взялъ изъ ея руки руку Татьяны.

Въ комнату вбѣжали Николай и Лидія.

— Ура!—уже не сдерживаясь, закричалъ Николай и заключилъ въ свои объятія Бѣгишева.

— Распорядись-ка шампанскимъ,—шепнулъ ему Бѣгишевъ.

Лидія плакала, смѣялась и повторяла:

— Ахъ, какъ я рада, какъ рада!

— Теперь къ папѣ, папочкѣ!—восторженно заговорила Татьяна, беря за руку Бѣгишева.

Антонъ Петровичъ, смущенно запахивая въ свое пальтишко, поднялся отъ стола, когда увидѣлъ вошедшихъ Бѣгишева съ Таней и за ними всю семью.

— Папа, поцѣлуй его, поздравь меня!—весело сказала Татьяна: — онъ теперь — мой женихъ, женихъ, папочка!

— А, а, — смущенно проговорилъ старикъ: — а, очень пріятно, поздравляю!

Онъ какъ-то бокомъ, робко протянулъ свою руку, но Бѣгишевъ крѣпко обнялъ его и сказалъ:

— Я теперь, вѣдь, сынъ вашъ, сынъ! Такъ ужъ непремѣнно поцѣлую!... Николай, что-же ты шампанскаго?

Антонъ Петровичъ ожилъ, на мгновеніе къ нему вернулся ясный разсудокъ.

— Милая ты моя,—заговорилъ онъ вдругъ торжественно, беря Таню за руку:—это—хорошій человѣкъ, вѣрь мнѣ! Я радъ, что еще при своей жизни вижу тебя въ рукахъ порядочнаго человѣка, который будетъ твоею крѣпкой защитой! Дай вамъ Богъ вѣчную любовь, а мнѣ... внуковъ!—окончилъ онъ весело.

У Татьяны навернулись на глаза слезы.

— Папа... милый!—бросилась она ему на шею.

Сіяющая Марфа, предшествуемая Николаемъ, внесла подносъ съ налитыми бокалами и бутылкою...

* * *

Бѣгишевъ остался у нихъ на весь день. Онъ пообѣщалъ Серафимѣ Герасимовнѣ три тысячи для расплаты съ долгами, Николаю — часы, Лидіи — костюмъ, и всѣ сіяли довольствомъ.

Серафима Герасимовна теперь была уже увѣрена въ томъ, что она даже и не мечтала о другомъ женихѣ для Татьяны, кромѣ Бѣгишева.

За обѣдомъ вдругъ показалась Марфа и закивала Татьянѣ таинственно головою.

Татьяна удивленно переглянулась съ Бѣгишевымъ и вышла.

— Барышня,—хрипло зашептала Марфа,—письмо въ вамъ, разсыльный изъ суда принесъ, Вотъ!

Татьяна торопливо взяла письмо и быстро его вскрыла. Легкая улыбка пробѣжала по ея лицу. Это писалъ Шмыгра, снова назначая свиданіе по дѣлу Грохова.

«Ободренный вашимъ великодушнымъ вниманіемъ», заканчивалъ онъ письмо: «я рѣшился доставить себѣ столь безсмертное удовольствіе, а также потому, что я безнадежно сгораю», и онъ тутъ-же приписалъ опять стишокъ:

«Я тоскую и сгораю
Въ безнадежности любви
И повсюду вспоминаю
Глазки свѣтлые твои».

Этому письму не могъ не улыбнуться и Бѣгишевъ, когда Татьяна подала ему его.

— Отъ кого это?—спросила Серафима Герасимовна.

— Отъ Шмыгры, покровителя Грохова,—отвѣтилъ Бѣгишевъ:—приглашаетъ Татьяну Антоновну на конфиденцію.

— Т[illegible]шь?—спросила мать.

Татьяна вдругъ вспомнила про открытіе Довойно, подумала, что теперь, когда она такъ счастлива, бѣдный Гроховъ томится, и даже поблѣднѣла отъ волненія.

— Непремѣнно пойду, сейчасъ!—отвѣтила она.

— Вы позволите мнѣ сопровождать васъ?—спросилъ Бѣгишевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопливо отвѣтила Татьяна,—вы только помѣшаете!

Она сказала это и смутилась, но Бѣгишевъ сдѣлалъ комически изумленное лицо и разсмѣялся.

Его смѣхъ передался всѣмъ, и Татьяна снова почувствовала себя легко и весело.

— В[illegible] мнѣ для другого нужны,—сказала она значительно [illegible].

— [illegible]имъ услугамъ,—проговорилъ шутливо Бѣгишевъ, вставая и кланяясь.

Татьяна поспѣшно встала и вышла. Бѣгишевъ послѣдовалъ за нею.

— Мы тутъ веселимся, счастливы,—взволнованно сказала она,—а Гроховъ мучается. Это гадко. Меня просилъ Довойно. Вы слыхали, помните?

Бѣгишевъ кивнулъ головою.

— Ну, такъ вы меня будете ждать и покуда вывѣдайте все у Николая. Пойдете домой и зайдите къ Довойно! хорошо?

— Отлично! что можешь ты придумать дурного!—влюбленнымъ голосомъ отвѣтилъ Бѣгишевъ и жадно поцѣловалъ ея руку.

Татьяна вспыхнула отъ удовольствія.

— Ну, я пойду!—сказала она и съ рѣзвой граціей побѣжала въ спальню одѣться.

XIV.

Въ томъ-же мѣстѣ, на набережной рѣки, Татьяна еще издали замѣтила Шмыгру, болѣе похожаго на грибъ въ своей широкополой шляпѣ, чѣмъ на письмоводителя.

Онъ тоже замѣтилъ ее и, бросившись къ ней навстрѣчу еще за пятнадцать шаговъ, началъ ей отвѣшивать глубокіе поклоны, снявъ съ головы и прижимая къ груди свою шляпу.

— Безконечно счастливъ! сраженъ вниманіемъ, на высотѣ восторговъ, — бормоталъ онъ, сіяющій отъ счастья, едва притрогиваясь къ рукѣ Татьяны.

— Спасибо, что позвали меня,—сказала ему она:—вы, вѣроятно, опять узнали что-нибудь о бѣдномъ Гроховѣ?

Она пошла по набережной, и Шмыгра, опять бочкомъ, пошелъ рядомъ съ нею.

— Черезъ недѣлю, на 22-е число, назначено его дѣло слушаніемъ,—сказалъ Шмыгра.

— Его судить!—воскликнула Татьяна, но тотчасъ опрадилась:—понятно, вѣдь правды еще никто не знаетъ!

— Да-съ! хотя слѣдствіе не успѣло еще чего-нибудь добиться, но тѣхъ данныхъ, которыя успѣли добыть, прокуроръ считаетъ достаточными, т.-е. не прокуроръ,—поправился онъ,—а слѣдователь, г-нъ Мямлинъ!

— Бѣдный, бѣдный Гроховъ!—тихо проговорила Татьяна и подумала, что онъ долженъ испытывать за эти послѣдніе семь дней.

— Онъ знаетъ?

— Завтра ему объявятъ; я поторопился нарочно...

— Спасибо вамъ,—съ чувствомъ сказала Тятьяна.

Шмыгра расцвѣлъ.

Въ это время мимо нихъ лихо промчался въ дорогой пролсткѣ Адовъ.

Татьяна кивнула ему головою.

— Гуляете?—не безъ язвительности крикнулъ ей Адовъ, но его голосъ былъ заглушенъ громомъ его-же великолѣпной пролетки.

Его лицо передернулось злобою.

«Завтра-же пущу сплетню», — подумалъ онъ и немного успокоился.

Онъ уже успѣлъ подавить въ себѣ безнадежную любовь къ Татьянѣ и сдѣлалъ предложеніе богатой купеческой вдовѣ.

Съ того-же дня его жизнь пошла совершенно иначе, и уже, состоя негласнымъ женихомъ, онъ началъ испытывать прелести роскоши и довольной жизни.

— Я для васъ собственно, — съ жаромъ заговорилъ Шмыгра:—потому я къ вамъ, Татьяна Антоновна...

— Дорогой Шмыгра, — перебила его Татьяна: — проводите меня домой.

Шмыгра хотя и былъ польщенъ, но смутился, прерванный въ своей рѣчи.

Смущенный, онъ уже вплоть до дому Татьяны не былъ въ силахъ произнести ни одного слова.

Татьяна остановилась у крыльца и, протянувъ Шмыгрѣ руку, ласково сказала:

— Я вамъ очень благодарна, Шмыгра, и въ знакъ признательности я-бы хотѣла подѣлиться съ вами своею радостью.

Шмыгра вздрогнулъ, и его лицо выразило безпредѣльную благодарность.

— Я скоро выйду замужъ за Бѣгишева, — сказала ему Татьяна: — сегодня я — объявленная невѣста!

Она кивнула ему головою и поднялась на крыльцо.

Бѣдный Шмыгра на мгновеніе превратился въ каменное изваяніе. Его глаза, казалось, готовы были выскочить, лицо исказилось и налилось кровью, а полураскрытый ротъ принялъ форму большого четыреугольника.

Потомъ онъ машинально снялъ съ себя шляпу, помахалъ ею въ лицо и, какъ сумасшедшій, вдругъ бросился по улицѣ.

— Мамаша, я погибъ! мое сердце разбито! — съ отчаяньемъ вскричалъ онъ, вбѣгая въ кухню.

Бѣдная старушка въ испугѣ выпрямилась у самовара, который ставила.

— Ферапоша, что-же случилось? неужели съ мѣста прогнали?—пролепетала она.

— Хуже, хуже!—трагически воскликнулъ Шмыгра: — она выходитъ замужъ; она измѣнила мнѣ!

И несчастный Шмыгра прошелъ въ гостинную, сѣлъ на стулъ у окна и заплакалъ настоящими слезами.

Бѣдный уродъ, въ тишинѣ ночей онъ лелѣялъ эту грезу, раскаляя свою фантазію, и, мало-по-малу, повѣрилъ въ нее, какъ въ дѣйствительность.

Убитый, приниженный, онъ приходилъ домой и своей пылкою мечтою переносился въ волшебный замокъ, созданый имъ самимъ, и вдругъ... настоящая, неумолимая дѣйствительность разбила эту грезу и оставила его одного, униженнаго, оскорбленнаго, на развалинахъ разрушеннаго замка.

Бѣдный мечтатель! несчастный Шмыгра!

XV.

— Нѣтъ, онъ спокоенъ,—говорила Проня, быстро ходя по комнатѣ,—если бы вы видѣли его! — съ восторгомъ воскликнула она, и блѣдныя щеки ея вспыхнули румянцемъ.—

онъ твердо вѣритъ въ свою правду. Онъ долго говорилъ мнѣ о высшей правдѣ. И то! во что тогда вѣрить, если невиннаго могутъ обвинить въ убійствѣ! Но эта пытка, судъ, толпа, онъ будетъ сидѣть, окруженный солдатами!..— воскликнула она съ отчаяніемъ и закрыла лицо руками.

Татьяна сидѣла блѣдная, взволнованная, и въ эту минуту ей стыдно было за свое счастье. Она съ тоскою взглянула на Довойно, который сидѣлъ на диванѣ рядомъ съ Авдотьей Павловной.

Довойно улыбнулся и кивнулъ ей головою; въ то-же время онъ пожалъ дрожавшую руку Авдотьи Павловны.

— Прасковья Андреевна, успокойтесь, — раздался его твердый, увѣренный голосъ: — я ручаюсь, что на страшной скамьѣ онъ будетъ сидѣть не болѣе получаса и сойдетъ съ нея оправданнымъ, честнымъ человѣкомъ.

— Какъ вы это сдѣлаете?

— Онъ нашелъ убійцу! — не выдержавъ, крикнула Татьяна.

Проня вскочила при этихъ словахъ, и лицо ея выразило мучительную тревогу.

— Правда? — едва шевеля губами, спросила она. — Чего-же вы томите!—воскликнула она затѣмъ, когда Довойно кивнулъ головою: — идите, скажите, не доводите до суда!

— Я знаю, что дѣлаю. Подождите! Мнѣ нужно достать еще собственное признаніе убійцы. Если дѣло отдать теперь слѣдствію, то оно снова затянется, и Петръ Александровичъ будетъ продолжать отсиживаться...

При этихъ словахъ Авдотья Павловна пожала ему руку.

— О, если это правда!—воскликнула Проня въ экстазѣ: — васъ Богъ послалъ на нашу дорогу. Вы — нашъ спаситель! — она подбѣжала къ нему и порывисто обняла его:—я вамъ вѣрю, вѣрю!

Довойно смутился. Онъ слегка отстранилъ руки Прони и, цѣлуя ихъ, нѣжно проговорилъ:

— Дорогая, успокойтесь! все будетъ, какъ по писан-

ному, мы вернемъ его, бѣднаго, и наградимъ его по заслугамъ.

Авдотья Павловна глядѣла на него съ чувствомъ восторга. Въ ея груди сердце билось благодарностью, и она чувствовала въ эту минуту, что въ теченіе своей трудовой жизни она въ первый разъ встрѣчаетъ истиннаго друга.

Татьяна встала и начала прощаться.

— Я провожу васъ,—вызвался Довойно,—уже темно.

— Нѣтъ, нѣтъ,—весело отвѣтила Татьяна,—вы здѣсь нужнѣе. Я возьму извозчика.

Довойно благодарно пожалъ ея руку и вышелъ въ сѣни помочь ей одѣться.

— Вамъ, вѣдь, все передалъ Алексѣй Николаевичъ о пальто,—прошептала ему съ упрекомъ Татьяна:—чего-жъ бы медлите? вѣдь, судъ послѣ-завтра.

— Я сегодня иду къ нему! — спокойно отвѣтилъ Довойно:—я жду ночи!

Татьяна кивнула ему головою и быстро вышла на дворъ.

— Возьмите извозчика! — крикнулъ ей вслѣдъ Довойно.

Она кивнула головою, словно видѣла его, и пошла по деревяннымъ мосткамъ улицы. На душѣ ея было свѣтло и ясно, и теперь и мать, и братъ, и сестренка — всѣ ей стали одинаково дороги.

«Хорошіе всѣ»,—думала она:—«и этотъ Довойно. Кто онъ, откуда? словно родной—вдругъ явился между нами... между ними»,—поправилась она:—«и принялъ такое горячее участіе. Сегодня пойдетъ къ нему. Страшно!.. отъ него можно всего ждать...»

— Татьяна Антоновна, — раздался подлѣ нея глухой голосъ.

Она подняла голову и вся задрожала отъ ужаса. Подлѣ нея стоялъ Шаховъ съ ярко блестѣвшими глазами на блѣдномъ лицѣ.

«Что ему отъ меня нужно?»—съ содроганіемъ подумала Татьяна и сдѣлала страшное усиліе, чтобы преодолѣть свой страхъ.

— Я пришелъ къ вамъ,—проговорилъ Шаховъ: — мнѣ сказали, что вы у Рощиныхъ. Я шелъ вамъ навстрѣчу... Мнѣ надо поговорить съ вами, Татьяна Антоновна, я не могу жить такъ... Я каждый день умираю...

— Говорите,—прошептала Татьяна:—я васъ слушаю.

— Такъ слушайте!—съ жаромъ сказалъ Шаховъ: — я люблю васъ, люблю со всѣмъ безуміемъ. Будьте моей женою, будьте моею, хоть цѣною жизни...

Татьяна вспыхнула; къ ней вдругъ вернулась ея самоувѣренность.

— Своей?—спросила она рѣзко.

Шаховъ задрожалъ.

— Вы не пошлете меня на убійство,—глухо отвѣтилъ онъ.— Слушайте,—заговорилъ онъ снова: — отвѣчайте, вы будете моею? женой моей? Вѣдь, я люблю, люблю. Съ перваго взгляда я полюбилъ васъ и понялъ, что моя любовь одна на всю жизнь. Безъ васъ мнѣ нѣтъ жизни, и, пока я живъ, я не подпущу къ вамъ никого. Вы не сможете любить на моихъ глазахъ. Вы не будете ничьею, пока я живъ. Будьте-же моей. Вы меня мучаете. Я вижу васъ дома, на улицѣ, днемъ, ночью, во снѣ, вездѣ, гдѣ я одинъ. Я схожу съ ума, я брежу на яву. Спасите-же человѣческую жизнь, человѣческій умъ. Я умираю. Скажите, будете вы моею, можете вы полюбить меня? — и въ порывѣ страсти онъ схватилъ ее за локоть и нагнулся къ ней.

— Вы съ ума сошли! — крикнула гнѣвно Татьяна, съ силою освободивъ свою руку.—Оставьте меня!

Ея домъ былъ близко, она почти побѣжала; онъ снова въ какомъ-то безумномъ отчаяньи схватилъ ее за руку.

— Вы любите другого? кого?—гнѣвно прошепталъ онъ, стараясь заглянуть ей въ лицо.

— Пустите меня!—закричала Татьяна и однимъ прыж-

комъ вырвалась и подбѣжала къ крыльцу.—Люблю!—отвѣтила она уже дерзко, взойдя на крыльцо и дернувъ звонокъ.

Шаховъ остался одинъ на улицѣ Онъ видѣлъ, какъ отворилась дверь и скрылась Татьяна. Его охватило бѣшенство.

— Любитъ, любитъ! я это зналъ! — прошепталъ онъ злобно и съ силою ударилъ кулакомъ по деревянной колоннѣ подъѣзда.

Изъ его руки пошла кровь, но онъ не обратилъ на нее вниманія и, весь отдавшись безумному отчаянію, бросился по улицѣ къ себѣ домой.

— Любитъ, любитъ!—бормоталъ онъ, грозя въ воздухѣ кулакомъ, и все ближе и ближе подходилъ къ дому, гдѣ его ожидала мучительная ночь съ бредомъ и галлюцинаціями.

XVI.

Довойно, проводивъ Татьяну, вернулся въ гостинную.

Проня сидѣла теперь на диванѣ, прижавшись къ матери, и въ ея разгорѣвшихся глазкахъ свѣтилась мечтательность.

Она говорила съ матерью о томъ, что онѣ будутъ дѣлать, когда Гроховъ станетъ свободенъ.

— И мы уѣдемъ, мамочка, тотчасъ!

— Уѣдемъ, дѣтка, уѣдемъ,—ласково отвѣчала ей мать.

— У насъ, вѣдь, есть деньги?

— На дорогу хватитъ, дѣтка.

— Мы продадимъ мебель.

— Продадимъ,—какъ эхо, повторяла мать, съ любовью глядя на разгорѣвшееся личико Прони.

— И уѣдемъ! А тамъ устроимся какъ-нибудь,— весело уже сказала Проня.

— А тамъ устроимся!—подтвердила мать.

Довойно умилился этой сценою и сказалъ:

— Возьмите и меня съ собою. Я, вѣдь, петербургскій.

— И васъ возьмемъ, — съ улыбкою отвѣтила Авдотья Павловна.

— Возьмемъ, возьмемъ!

— Да, возьмите! — взволнованно сказалъ вдругъ Довойно:—а то я одинъ, совсѣмъ одинъ. Мнѣ не о комъ думать, не о комъ заботиться...

Авдотья Павловна тревожно взглянула на него и, крѣпко поцѣловавъ лобъ Прони, незамѣтно покраснѣла.

— Помогайте бѣднымъ; находите такихъ безпомощныхъ, какъ мы съ Проней, и помогайте имъ!—отвѣтила она.

— Э, что вы! я помогъ вамъ не потому, что вы бѣдны или безпомощны, а потому, что полюбилъ васъ, какъ родныхъ!—рѣзко сказалъ Довойно, и, вдругъ, словно подталкиваемый чѣмъ-нибудь, онъ съ жаромъ и быстро заговорилъ о себѣ.

Всегда одинъ, какъ себя помнитъ. Круглый сирота, котораго пріютилъ негодяй-дядя — пьяница, развратникъ. Спасибо ему, что отдалъ въ гимназію да еще на пансіонъ... И вотъ, 7 лѣтъ безъ родительской ласки. А тамъ по окончаніи — буквально безъ пріюта. Дядюшка уѣхалъ, да онъ-бы его и такъ не хотѣлъ знать. Голодъ, лишенія, всевозможныя мытарства и ученье въ университетѣ. Всякій оглядывается назадъ и хочетъ вернуть свое прошлое. Нѣтъ, онъ не хочетъ его. Не хочетъ знать его даже потому, что, слава Богу, онъ отвыкъ отъ хроническаго голода. И всегда одинъ. На его пути попалась однажды швейка, но, бѣдная, не выдержала этой жизни, и... онъ проклялъ тогда всѣхъ женщинъ, и вотъ до этой минуты, до встрѣчи съ Рощиными, онъ носилъ это проклятіе и въ то-же время тосковалъ въ своемъ безполезномъ одиночествѣ...

— Да, прожить съ мое! — окончилъ онъ горькимъ восклицаніемъ.

Авдотья Павловна тихо взяла его руку и пожала.

— Вы останетесь съ нами; мы дадимъ вамъ у себя помѣщеніе — и станемъ жить вмѣстѣ, — сказала она. — Молодые будутъ работать, у васъ—дѣла, у меня—практика...

— Господи, какъ хорошо! — воскликнула Проня. —

Куда-же вы?—спросила она тотчасъ-же, замѣтивъ, что Довойно всталъ.

— У меня еще одно дѣло,—отвѣтилъ онъ:—я долженъ сегодня повидать еще одного человѣка. Для нашего дѣла,—добавилъ онъ.

— Тогда идите, идите!—сказала Проня.

— Да, да, сейчасъ пойду!

Онъ радушно простился съ Пронею и въ первый разъ рѣшился поцѣловать руку у Авдотьи Павловны. Онъ почувствовалъ, какъ подъ его губами вздрогнула ея рука, и точно такъ-же вздрогнуло въ отвѣтъ его сердце...

Онъ пошелъ къ Шахову. Былъ уже поздній вечерній часъ. Сегодня онъ рѣшился категорически объясниться съ нимъ и вырвать у него признанье.

Онъ перешелъ мрачный дворъ, взошелъ по лѣстницѣ и остановился на площадкѣ, у раскрытой двери Шахова. Изъ квартиры доносился взволнованный голосъ хозяина. Довойно вздрогнулъ, но преодолѣлъ свой страхъ и смѣло перешагнулъ порогъ. Въ комнатахъ было темно. Довойно чиркнулъ спичку, освѣтилъ себѣ дорогу и тотчасъ погасилъ огонь. По намѣченному пути онъ вошелъ въ первую комнату и пытливо сталъ оглядываться въ темнотѣ.

Голосъ смолкъ, и его охватила мертвая тишина. Онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

— Есть тутъ живая душа? — крикнулъ, наконецъ, онъ.

Въ отвѣтъ на его возгласъ отъ темной стѣны отдѣлилась бѣлая масса. Это Шаховъ поднялся съ дивана.

— Кто тутъ? — спросилъ онъ сердито.

— Вы-бы, чертъ возьми, хоть огонь засвѣтили!—вмѣсто отвѣта сказалъ раздраженно Довойно.

— Кто вы и зачѣмъ сюда вошли? — раздражаясь, спросилъ снова Шаховъ.

— Говорю, зажгите огонь! я не намѣренъ говорить съ вами впотьмахъ! — отвѣтилъ Довойно.

— Кто вы?

— Я—племянникъ убитаго Гинтовта и пришелъ къ его убійцѣ.

На мгновенье все смолкло.

— Откуда вы это знаете?— послышался глухой голосъ Шахова.

— Зажгите огонь! — крикнулъ Довойно.

— Огонь, огонь?.. сейчасъ!—въ темнотѣ послышались тяжелые шаги, и блѣдный призракъ прошелъ черезъ комнату.—Откуда вы это знаете? — послышался снова голосъ.

— Ко мнѣ приходилъ убитый и говорилъ про васъ, еще тамъ, въ Петербургѣ, — отвѣтилъ Довойно, стоя въ темнотѣ посреди комнаты.

Въ сосѣдней комнатѣ загорѣлась спичка и освѣтила блѣдное лицо Шахова, наклонившееся надъ лампой. Черезъ мгновеніе онъ поставилъ стекло, надѣлъ на лампу зеленый колпакъ и осторожно внесъ ее въ комнату.

Довойно изумился и испугался, увидѣвъ его неестественно спокойное лицо. Зеленоватый свѣтъ, падавшій отъ лампы, придавалъ его лицу еще болѣе страшный видъ. Онъ былъ растрепанъ, въ туфляхъ и безъ сюртука.

— Садитесь, — сказалъ онъ устало.—Такъ онъ приходилъ къ вамъ? — спросилъ онъ безъ малѣйшаго удивленія, когда Довойно сѣлъ подлѣ стола.

Тотъ молча кивнулъ головою.

— Да! — продолжалъ Шаховъ: — онъ и меня мучилъ, особенно послѣднее время. Онъ, знаете-ли, приходилъ ко мнѣ и заставлялъ продѣлывать надъ нимъ все сначала. И такъ — каждую ночь! Но теперь все кончено, да, все!

Довойно молчалъ. Онъ понималъ, что видитъ передъ собою больного человѣка.

— Вы зачѣмъ-же пришли? — спросилъ вдругъ Шаховъ.

— Я пришелъ, — сказалъ Довойно: — попросить васъ сознаться. Послѣ-завтра назначенъ судъ по поводу этого убійства, и будутъ судить невиннаго.

— Это Грохова?

— Грохова!.. Онъ молодъ, у него невѣста...

— Я училъ его; славный юноша! — задумчиво сказалъ Шаховъ.

— Ну, вотъ! и отъ васъ зависитъ спасти его.

— Я это сдѣлаю. Вотъ, уже!—Шаховъ положилъ при этихъ словахъ руку на большой пакетъ изъ сѣрой бумаги. — Тутъ все.

— Отдайте его мнѣ, — попросилъ Довойно, — я передамъ по назначенію.

Шаховъ посмотрѣлъ на него вдумчивымъ взглядомъ.

— Вамъ? хорошо. Только завтра, завтра утромъ. А вы за это исполните мою просьбу.

— Какую хотите!

— Завтра и просьбу скажу. Онъ вамъ говорилъ, какъ доказать, что я убійца? — вдругъ спросилъ Шаховъ.

Онъ говорилъ спокойно, но медленно и съ трудомъ, словно подбирая слова.

— Онъ сказалъ, — не смущаясь, отвѣтилъ Довойно, — что, вы убили его за Татьяну...

— Антоновну! Вѣрно! — вдругъ оживился Шаховъ: — но, видите-ли, вы должны знать, я не хотѣлъ убивать его, но онъ... онъ предложилъ мнѣ сдѣлку, и тогда я... я нечаянно... взбѣсился... и знаете чѣмъ? кастетомъ. Онъ у меня всегда былъ въ карманѣ. Вотъ онъ!..

Шаховъ открылъ ящикъ стола и вынулъ оттуда никкелированный кастетъ, весь покрытый ржавчиной.

— Я его положу сюда-же, — спокойно уже сказалъ онъ, кладя кастетъ на конвертъ. — Да, я и самъ хотѣлъ... я сегодня говорилъ съ ней. Она не любитъ меня; вовсе, вовсе! Скажите, — вдругъ спросилъ онъ, и глаза его загорѣлись: — вы не знаете, кого она любитъ?

— Я — пріѣзжій, — отвѣтилъ Довойно: — я ничего не знаю.

— И я не знаю. Ничего не знаю, — съ потухшимъ взглядомъ отвѣтилъ Шаховъ: — ничего не знаю.

Нѣсколько минутъ прошло въ томительномъ молчаніи. Наконецъ, Довойно прервалъ его и всталъ.

— Я ухожу, — сказалъ онъ: — вы-бы лучше отдали конвертъ мнѣ сегодня.

— Нѣтъ, нѣтъ, завтра, завтра утромъ! — встрепенулся Шаховъ и потомъ, поднявъ глаза, съ мальчишескимъ задоромъ спросилъ:—а вдругъ уничтожу все?

— Вы этого не сдѣлаете, — серьезно отвѣтилъ Довойно.

— Ну, да, конечно! — прошепталъ Шаховъ и опять опустилъ голову.

— Такъ я приду.

— Завтра утромъ...

Довойно вышелъ и, подходя къ двери, крикнулъ:

— Вы-бы заперли дверь-то!

— А ну ее! — отвѣтилъ Шаховъ, снова погружаясь въ какое-то оцѣпенѣніе.

Довойно быстро спустился съ лѣстницы и перешелъ дворъ. Только выйдя на улицу, онъ вздохнулъ свободно. Хотя дѣло его удалось необычайно легко и неожиданно для него самого, тѣмъ не менѣе на душѣ его было тяжко. Онъ только что оставилъ безконечно страдающаго человѣка съ гнетущимъ сознаніемъ своего безсилія. Онъ не могъ сказать ему ни одного ободряющаго слова, не могъ протянуть даже руки, не могъ и даже не смѣлъ остановить его отъ того рокового шага, который, очевидно, былъ уже рѣшенъ Шаховымъ.

XVII.

Серафима Герасимовна чувствовала себя крайне неловко. Съ полчаса Морозовъ уже томилъ ее своимъ присутствіемъ, и она ясно понимала цѣль его посѣщенія, но въ то-же время она просто боялась объявить ему о помолвкѣ Татьяны, которую они рѣшили до времени окончанія развода Бѣгишева держать въ тайнѣ.

Татьяна, словно нарочно, усилила неловкость ея поло-

женія. Она сухо поздоровалась съ Морозовымъ и ушла въ столовую сидѣть подлѣ своего больного отца.

— А я и новость принесъ, — сказалъ Морозовъ: — знаете, Адовъ-то женится.

— Ну?!—удивилась Серафима Герасимовна:—на комъ?

— На вдовѣ Семицудовой. Домъ, имѣнье, лабазы...

— Ну, дай Богъ ему счастія, — улыбнулась Серафима Герасимовна.

— Да, вотъ любовь молодыхъ, — заговорилъ Морозовъ: — это не то, что я... Ну, что-же, вы говорили? — вдругъ спросилъ онъ ее, краснѣя отъ волненія.

Серафима Герасимовна кивнула головою.

«Господи, что я ему скажу?»—подумала она съ тоскою.

— И что-же? — вздрагивая, спросилъ онъ.

— И слушать не хочетъ! — вздохнула Серафима Герасимовна.

Лицо Морозова, казалось, налилось кровью при этихъ словахъ.

— Но вы должны-же были ее уговорить!

— Не слушаетъ!

— Отчего-же она за Гинтовта собиралась? Гинтовтъ противнѣе!

— Милый Павелъ Сергѣевичъ, — застонала Серафима Герасимовна,—вѣдь это—ложный слухъ. Я не знаю еще, пошла-ли бы она за него. Она у насъ очень самостоятельна. Она вдругъ передъ самымъ часомъ вѣнчанія и отказалась-бы... да!..

Морозовъ пыхтѣлъ, какъ паровозъ.

— Такъ вы попробуйте еще разъ.

— Попробую, попробую, — обрадовалась Серафима Герасимовна: — я все сдѣлаю для васъ.

Морозовъ словно ожилъ. Его лицо расцвѣло улыбкой и сіяло удовольствіемъ. Онъ нагнулся, поцѣловалъ руку Серафимѣ Герасимовнѣ и съ жаромъ сказалъ:

— Ничего тогда для васъ не пожалѣю. Уплачу всѣ

долги, обезпечу жизнь вашу. Выдамъ Лидію съ приданымъ. Только похлопочите!

Серафимѣ Герасимовнѣ стало окончательно совѣстно, и она обрадовалась, когда услыхала звонокъ въ передней.

— Кто-бы это былъ? — тихо произнесла она.

Изъ столовой выбѣжала Татьяна и съ радостнымъ лицомъ пробѣжала въ переднюю.

Морозовъ взволновался и съ любопытствомъ повернулся къ дверямъ. Онъ заинтересовался, кто-бы могъ быть это, кого такъ радостно побѣжала встрѣчать Татьяна. Серафима Герасимовна уже сообразила, кто это, и въ томительномъ нетерпѣніи ждала его входа.

Дверь на крыльцо отворилась. Въ передней послышался радостный голосъ Татьяны, потомъ чей-то мужской голосъ, шепотъ и снова радостный возгласъ Татьяны. Морозовъ въ нетерпѣніи хотѣлъ приподняться, но дверь вдругъ растворилась, и онъ остался словно прикованнымъ къ стулу. Въ комнату весело вошла Татьяна, ведя подъ руку сіяющаго Бѣгишева.

— Мама, Павелъ Сергѣевичъ, — закричала она съ порога: — поздравьте насъ: мы черезъ недѣлю вѣнчаемся!

Бѣгишевъ быстро подошелъ и горячо поцѣловалъ руку Серафимы Герасимовны, которая не меньше Морозова растерялась отъ словъ Татьяны.

— Таня, что это значитъ, къ чему это? — строго начала она.

Морозовъ очнулся отъ ея голоса и взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Татьяна Антоновна, этотъ господинъ васъ обманываетъ: онъ женатый!

— Неужели!! — воскликнула трагически Татьяна.

— Да-съ! и я докажу! — вскипятился Морозовъ.

Татьяна не выдержала и громко расхохоталась.

— Чего вы?—обиженно, изумленно спросилъ Морозовъ.

— Павелъ Сергѣевичъ замѣтилъ совершенно вѣрно,

что я женатъ, — вступился въ разговоръ Бѣгишевъ: — но онъ не зналъ, что я, уже полгода, какъ овдовѣлъ.

— Неужели?! — воскликнула радостно Серафима Герасимовна.

— Вообразите! — сказалъ Бѣгишевъ: — вчера посылаю телеграмму, и сегодня такой неожиданный отвѣтъ!

Морозовъ ничего не понималъ. Онъ, словно приклеенный, сидѣлъ на креслѣ, откинувшись, и безсмысленно переводилъ глаза съ одного на другого. Наконецъ, онъ понялъ, что онъ тутъ лишній и одураченный. Красный, взволнованный, онъ всталъ съ кресла и взялся за фуражку.

— Имѣю честь кланяться! — сказалъ онъ язвительно Серафимѣ Герасимовнѣ: — благодарю за участіе.

Серафима Герасимовна смущенно протянула ему руку.

— А вамъ всякаго счастья, всякаго! — повторилъ онъ съ удареніемъ, раскланиваясь съ Татьяной.

— Я думаю, вы не откажетесь придти на мою свадьбу? — сказала она, привѣтливо улыбаясь.

— Нѣтъ-съ, увольте! увольте! я на-дняхъ беру отпускъ и ѣду. Да-съ, — прохрипѣлъ Морозовъ и, кинувъ на Бѣгишева уничтожающій взглядъ, быстро вышелъ.

Онъ старался держаться гордо и прямо, но это ему не удавалось, и гордый полковникъ въ эту минуту очень походилъ на мокрую курицу.

Онъ не помнилъ, какъ одѣлъ пальто и растворилъ дверь, не видѣлъ, какъ мимо него вошелъ въ квартиру Довойно, и совершенно машинально сѣлъ на извозчика. Онъ не помнилъ, какъ денщикъ снялъ съ него шинель и положилъ на софу въ кабинетѣ. Его самолюбію былъ нанесенъ ударъ, и при мысли объ этомъ кровь приливала ему въ голову.

Спустя полчаса съ момента его прихода, денщикъ услыхалъ странный крикъ въ кабинетѣ. Онъ вбѣжалъ туда и увидѣлъ своего барина, распростертаго на софѣ съ опрокинутой головою и перекошеннымъ лицомъ.

Пріѣхавшій докторъ засвидѣтельствовалъ ударъ.

Въ ночь ударъ повторился, и исторію Морозова на этомъ можно закончить. Онъ поплатился за свое веселое житье, и два послѣдовательные удара, можетъ быть, на всю жизнь, парализовали ему ноги...

* * *

— Какъ я рада, что онъ ушелъ, наконецъ! — оживленно сказала Серафима Герасимовна, едва Морозовъ скрылся за дверями.

— А какъ я рада! — воскликнула Татьяна.

— Ты знаешь, онъ хотѣлъ на тебѣ жениться.

— Я ни за кого-бы не вышла, кромѣ него! — сказала съ жаромъ Татьяна.

Бѣгишевъ благодарно взглянулъ на нее.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ Довойно съ торжественнымъ, грустнымъ видомъ и поздоровался со всѣми.

— Довойно, поздравьте меня! — крикнулъ ему Бѣгишевъ: — я свободенъ и черезъ недѣлю женюсь!

— Поздравьте и меня также,— сказалъ Довойно.

— Что? добились?—спросила, блѣднѣя, Татьяна.

— Добился! — отвѣтилъ Довойно: — впрочемъ, онъ и самъ это-бы сдѣлалъ. Онъ оставилъ пакетъ на имя прокурора и... застрѣлился.

— Кто? какой пакетъ? — спросила, ничего не понимая, Серафима Герасимовна.

— Шаховъ, — отвѣтилъ Бѣгишевъ, — убійца Гинтовта.

Серафима Герасимовна раскрыла ротъ и застыла въ нѣмомъ изумленіи. Татьяна вздрогнула и торопливо перекрестилась.

Довойно говорилъ правду. Когда онъ пришелъ въ назначенное время къ Шахову, на дворѣ, лѣстницѣ и въ его квартирѣ толпился уже народъ. Довойно едва протискался сквозь толпу.

Когда онъ вошелъ въ квартиру, то засталъ уже полицію

на мѣстѣ. Приставъ горячился и командовалъ въ ожиданіи слѣдователя. Шаховъ, весь облитый кровью, лежалъ на софѣ. Недалеко отъ него, на полу, валялся револьверъ.

Довойно дождался слѣдователя и получилъ отъ него на свое имя письмо отъ Шахова, который просилъ продать все его имущество и деньги послать старухѣ-матери. Довойно объяснилъ слѣдователю все, что зналъ относительно Шахова, и причины самоубійства, умолчавъ объ его любви къ Татьянѣ Антоновнѣ, и слѣдователь съ волненіемъ поспѣшилъ отправить пакетъ вмѣстѣ съ кастетомъ прямо на квартиру прокурора.

XVIII.

Наступилъ роковой день слушанья въ судѣ дѣла объ убійствѣ Гинтовта. Весь городъ оказался заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ, какъ ходили по городу слухи, обвинялся невиновный. Вслѣдствіе этого коридоры зданія суда были переполнены взволнованными посѣтителями.

Если волновался весь городъ, то волненіе Прони нельзя и передать словами. Она не спала всю ночь, то ходя по гостинной, то въ безсиліи садясь на стулъ и впадая въ какое-то оцѣпенѣніе. Авдотья Павловна измучилась, смотря на понятное волненіе своей дочери. Онѣ не спали всю ночь и то отдавались надеждамъ и мечтамъ, то вдругъ впадали въ нѣмое отчаяніе.

Когда къ ихъ дому подъѣхала четырехмѣстная карета и изъ нея вышелъ Довойно, онъ засталъ обѣихъ женщинъ въ состояніи близкомъ къ помѣшательству.

— Ну, можно-ли такъ волноваться?! — съ упрекомъ заговорилъ онъ: — изъ-за чего? вѣдь, я-же клянусь вамъ, что надъ нимъ даже суда не будетъ! Прасковья Андреевна волнуется — понятно, но вы, вы, Авдотья Павловна!

— Я — мать ей, — виновато улыбаясь, сказала Авдотья Павловна.

— Но вы старше, вы должны быть благоразумнѣе!

— Что-же произойдетъ, если суда не будетъ? — спросила Проня, причемъ глаза ея засвѣтились надеждою.

— Предсѣдатель извинится передъ вашимъ женихомъ, — отвѣтилъ Довойно.

— Вы смѣетесь, когда я въ такомъ состояніи. Это стыдно!—какъ порохъ, вспыхнула Проня.

— Вотъ увидите! — спокойно отвѣтилъ Довойно.—Однако, часъ уже поздній. Вы пили чай?

— Мы не хотимъ. Ѣдемте! — сказали въ одинъ голосъ мать и дочь.

— Ну нѣтъ! — сказалъ Довойно, тряхнувъ головою: — не хотите вы, — я хочу. Дуняша! — крикнулъ онъ: — тащи самоваръ!

— Сичасъ!—отвѣтила весело Дуня.

Она внесла самоваръ, и Довойно заставилъ обѣихъ женщинъ выпить чаю и закусить. Онѣ немного ободрились.

— Ну, а теперь, съ Богомъ!—сказалъ онъ,—ѣдемъ!

Они вышли и сѣли въ карету.

— Вотъ видите,—ободрялъ ихъ дорогою Довойно: — я нарочно и карету четырехмѣстную заказалъ. Насъ трое, а онъ четвертый!..

Когда они вошли въ коридоры суда, между присутствующими пронесся сдержанный шепотъ, и всѣ съ почтеніемъ разступались передъ Проней, зная уже въ ней невѣсту подсудимаго. Сотни глазъ устремились на нее, и она, словно сама подсудимая, медленно двигалась среди толпы къ своему мѣсту, которое заранѣе приготовилъ для нея предупредительный приставъ.

Едва Проня опустилась на мѣсто, какъ къ ней поспѣшно съ Бѣгишевымъ подошла Татьяна и горячо обняла ее.

— Милая, не волнуйся!—шепнула она:—ты знаешь, убійца нашелся. Аллоизій Феликсовичъ говоритъ, что его и судить не будутъ!

— Будьте смѣлѣе!—сказалъ, въ свою очередь, Бѣгишевъ,

пожимая руку Прони, — вашего жениха ожидаетъ торжество!

Проня слабо улыбнулась. О, какъ она хотѣла-бы быть увѣренной въ этомъ; но эта огромная зала, эти любопытные, эта торжественность и страшная скамья подсудимыхъ невольно смущали ее и будили въ ея сердцѣ тревогу.

По залѣ торопливо забѣгалъ приставъ. Публика шумно стала входить въ мѣста. Но, странное дѣло, знакомая съ судебной процедурою, она замѣтила, что приставъ не вызываетъ присяжныхъ. Спустя минуту, публика была поражена еще болѣе, когда приставъ провозгласилъ:

— Судъ идетъ!

Проня затрепетала отъ страха и поднялась слѣдомъ за всѣми. Въ отдѣленіе за столомъ, обтянутымъ краснымъ сукномъ, быстро прошелъ секретарь, за нимъ толпою три члена суда съ предсѣдателемъ и, наконецъ, товарищъ прокурора, всѣ въ мундирахъ, затканныхъ золотомъ, съ торжественной серьезностью на лицахъ.

Они опустились на свои мѣста, и слѣдомъ за ними усѣлась публика. Въ залѣ наступила мертвая тишина.

Предсѣдатель суда громко сказалъ судебному приставу:

— Введите г-на Грохова!

Публика опять съ недоумѣніемъ переглянулась.

— Слышите,—сказалъ радостно Довойно Пронѣ:—онъ не сказалъ: подсудимаго!

Проня ничего не понимала, какъ и ея окружающіе; но она вдругъ поняла, что ея Петю, правда, не будутъ судить, когда онъ вошелъ въ залу въ сопровожденіи одного пристава безъ конвоя, и когда приставъ указалъ ему мѣсто на скамьѣ свидѣтелей, а не подсудимыхъ.

Предсѣдатель поднялъ голову и сказалъ секретарю:

— Читайте!

Секретарь поднялся съ мѣста и прочелъ изложеніе дѣла объ убійствѣ Гинтовта съ исторіей арестованія Грохова и привлеченія его къ отвѣтственности.

— Но вотъ,—заговорилъ предсѣдатель:—наканунѣ слушанья этого дѣла на имя господина прокурора пришло письмо отъ надворнаго совѣтника, учителя здѣшней гимназіи, Глѣба Степановича Шахова, окончившаго вчера-же жизнь свою самоубійствомъ, въ которомъ онъ сознается въ совершенномъ имъ преступленіи, разсказываетъ процессъ убійства и, какъ вещественное доказательство, прилагаетъ окровавленный кастетъ, орудіе преступленія. Прочитайте!—обратился онъ къ секретарю.

Секретарь снова всталъ и прочелъ длинное письмо Шахова, въ которомъ разсказывалось все то, что читателю должно быть извѣстно изъ бреда и галлюцинацій Шахова.

«Я, убивая себя»,—оканчивалъ свое письмо Шаховъ:—«не въ состояніи жить долѣе съ клеймомъ убійцы и прошу прощенія у бывшаго своего ученика Грохова за то, что заставилъ его, невиннаго, прострадать столь долгое время и испытать тяжесть подозрѣнія въ столь страшномъ преступленіи».

Въ залѣ царила мертвая тишина. Вдругъ гдѣ-то раздалось всхлипыванье. Проня сидѣла блѣдная, какъ полотно, и только глаза ея горѣли невыразимымъ счастьемъ.

— Среди судебной практики часто встрѣчаются роковыя ошибки,—заговорилъ среди тишины предсѣдатель:—на этотъ разъ, къ торжеству правды, ошибка не сдѣлалась роковою. Господинъ Гроховъ, вы совершенно свободны!—обратился онъ къ Грохову и поднялся съ мѣста, позвонивъ въ колокольчикъ.—Объявляю засѣданіе прерваннымъ на пять минутъ!

Судъ медленно вышелъ изъ залы засѣданія. Въ залѣ поднялся неимовѣрный шумъ. Женщины свѣшивались и махали платками, гдѣ-то истерически плакали, кто-то два раза прокричалъ «ура».

Гроховъ, блѣдный отъ волненія, неподвижно стоялъ на томъ-же мѣстѣ, когда Проня подбѣжала къ нему, схватила его подъ руку и, страстно прижавъ его руку къ себѣ, повела изъ залы.

Гроховъ все еще не могъ опомниться отъ пережитаго волненія. Онъ зналъ свою невиновность, но все происшедшее было для него совершенно неожиданно. Со всѣхъ сторонъ къ нему подходили мужчины и женщины и горячо пожимали ему руку, подлѣ него шла Проня и лепетала ему восторженныя слова о своей радости.

Сквозь толпу къ нимъ подошли Татьяна и Бѣгишевъ.

— Я всегда вѣрила въ васъ!—горячо сказала Татьяна пожимая ему руку.

— Сегодняшній день—день торжества правды!—сказалъ Бѣгишевъ.

Гроховъ кланялся и смущенно улыбался.

— Онъ теперь ничего не понимаетъ, — засмѣялась Татьяна:—Аллоизій Феликсовичъ, Авдотья Павловна, Проня, мы съ Алексѣемъ Николаевичемъ просимъ васъ послѣзавтра къ нему въ усадьбу. Онъ хочетъ отпраздновать нашу помолвку и его торжество! — кивнула она головою на Грохова.

Проня привѣтливо закивала головою, и Татьяна, еще разъ пожавъ всѣмъ руки, веселая и радостная, пошла съ Бѣгишевымъ къ выходу.

Гроховъ очнулся отъ своего неожиданнаго счастья только въ каретѣ.

Проня и Авдотья Павловна наперерывъ разказывали объ участіи въ этомъ дѣлѣ Довойно; Довойно весело смѣялся, а Гроховъ, пожимая руку Прони, широко улыбался растерянною улыбкою и не могъ сдержать слезъ, которыя невольно выступали на его глаза.

XIX.

Въ крошечной квартиркѣ Рощиной переживались самыя счастливыя минуты. Гроховъ и отдохнулъ, и оправился, но все еще не могъ наговориться съ Пронею, и они сидѣли въ крошечной комнаткѣ Прони, тѣсно прижавшись другъ къ другу.

Наступилъ уже вечеръ. Авдотья Павловна и Довойно тихо сидѣли въ гостинной у окна.

— Да, я устала за послѣднее время съ этимъ дѣломъ,— говорила Авдотья Павловна:—теперь что-то ждетъ ихъ впереди.

— А васъ?—тихо спросилъ Довойно.

— Меня?—улыбнулась она:—у меня уже все рѣшено, моя жизнь закончена. Сначала—помогать еще имъ стать на ноги, а тамъ—качать внучатъ и кончать свою жизнь.

Она замолчала и задумчиво посмотрѣла въ окно, гдѣ потухающая заря послѣдними лучами окрашивала небо.

— Авдотья Павловна,—дрогнувшимъ голосомъ заговорилъ Довойно:—помните, вы соглашались принять и меня въ свою милую семью?

— Помню,—почему-то шепотомъ отвѣтила она.

— Помните, я говорилъ вамъ о своей одинокой, ненужной жизни, ненужной потому, что я лично никому не нуженъ?.. Скрасьте-же мою жизнь, дайте мнѣ возможность жить для васъ, для вашей Прони...

— Что я могу сдѣлать?—прошептала она.

— Выйдите за меня замужъ,—тоже шепотомъ отвѣтилъ Довойно:—я въ состояніи обезпечить...

Авдотья Павловна не дала ему договорить; она протянула ему руку и сказала:

— Вы—хорошій человѣкъ.

— Такъ вы согласны?

Авдотья Павловна пожала его руку, и онъ съ волненіемъ припалъ губами къ ея рукѣ. О, теперь онъ нашелъ и цѣль, и смыслъ жизни. Онъ пересѣлъ къ ней ближе, и они стали говорить о своихъ планахъ. Сперва, понятно, будетъ свадьба Прони и Грохова, а потомъ въ Петербургѣ они уже повѣнчаются сами. Довойно сталъ говорить о своихъ средствахъ. Онъ практикой свободно добываетъ до 4,000 рублей въ годъ; кромѣ того, онъ получилъ наслѣдство около 50-ти тысячъ.

— Отъ кого-же?

— Отъ своего дядюшки,—отвѣтилъ Довойно,—который когда-то выгналъ меня изъ дома... Отъ Гинтовта!

Авдотья Павловна невольно отшатнулась отъ него. Онъ тихо привлекъ ее къ себѣ и съ упрекомъ сказалъ:

— Я не наслѣдовалъ его добродѣтелей!

— Простите,—просто отвѣтила она, — но это имя... Какъ-же я скажу объ этомъ Пронѣ; мнѣ стыдно,—черезъ минуту сказала она.

— А это мы сейчасъ! — весело отвѣтилъ Довойно и всталъ съ мѣста.— Гроховъ, Проня,— весело сказалъ онъ, входя въ спальную:—мы съ Авдотьей Павловной рѣшаемся просить вашего благословенья!

Проня растерянно посмотрѣла на него, но Гроховъ понялъ и радостно засмѣялся.

— Я благословляю!—сказалъ онъ:—да будетъ съ вами счастье!—и онъ горячо обнялъ Довойно.

— Господи!—воскликнула тоже Проня, словно вдругъ прозрѣвъ:—какіе-же мы сегодня счастливые! гдѣ мамочка?

— Она тамъ,—указалъ Довойно на гостинную.

Проня бросилась изъ комнаты. Авдотья Павловна сидѣла у окна, закрывъ лицо руками.

— Мама, голубушка, поздравляю!—радостно заговорила Проня, цѣлуя лицо матери.— Мама, о чемъ-же ты плачешь?

— Мнѣ совѣстно, дочурка, что я на старости и вдругъ захотѣла еще пожить.

— Ты старая? — съ возмущеніемъ сказала Проня: — мама, ты не старѣе меня!

— Такъ ты позволишь?—засмѣялась Авдотья Павловна, взглянувъ на вспыхнувшее личико Прони.

— Прикажу, если это отъ меня зависитъ, — сказала Проня, весело смѣясь и снова цѣлуя мать.—Аллоизій Феликсовичъ!—крикнула она:—идите сюда!

Довойно быстро вошелъ въ комнату. Проня схватила его руку и соединила ее съ рукою Авдотьи Павловны.

— Съ разрѣшенія мамы благословляю васъ на вѣчный союзъ любви и мира, — сказала она шутливымъ тономъ.

— А теперь: ура! — отвѣтилъ Довойно: — Дуня, неси огня. Дорогой Петръ Александровичъ, сходите за...

— Теперь «ты», всѣ на «ты»! — крикнула Проня.

— Ну, ладно, — согласился Довойно: — сходи, милый, за шампанскимъ. Надо-же и намъ устроить себѣ праздникъ и торжества правды, и нашей помолвки.

XX.

Бѣгишевъ устроилъ настоящій праздникъ у себя въ имѣніи. Съѣхавшіеся со всѣхъ сторонъ гости гуляли, катались, охотились. Имъ былъ устроенъ завтракъ и обѣдъ среди рощи, и, наконецъ, когда стемнѣло, былъ сожженъ фейерверкъ. Понятно, виновниками праздника являлись Татьяна съ Бѣгишевымъ и Гроховъ съ Пронею, такъ какъ Бѣгишевъ одновременно праздновалъ и свою помолвку, и, какъ онъ выразился, торжество правды.

Это былъ праздникъ на славу. Всѣ гости были довольны, но болѣе всѣхъ сіяла Серафима Герасимовна.

Торжество ея и удовольствіе увеличились еще болѣе, когда къ ней подошелъ Довойно и сказалъ:

— Сегодня праздникъ для всѣхъ, поздравьте и меня!

— Съ чѣмъ? — спросила она.

— Мы съ Авдотьей Павловной рѣшились послѣдовать примѣру молодежи.

Серафима Герасимовна сначала сдѣлала удивленное лицо, но потомъ тотчасъ оправилась.

— Поздравляю, поздравляю, — сказала она привѣтливо.

— И мы хотѣли просить васъ, — продолжалъ онъ, — быть намъ посаженой матерью.

Серафима Герасимовна кивнула головою и улыбнулась.

— Это облегчитъ кстати мнѣ одну пустяшную просьбу къ вамъ, — продолжалъ Довойно.

— Ко мнѣ? какую? говорите.

— Не откажитесь принять отъ меня это. Они мучаютъ меня, — сказалъ онъ, протягивая ей пачку бѣлой бумаги.

Серафима Герасимовна взяла ее, посмотрѣла, и лицо ея сперва поблѣднѣло, потомъ вспыхнуло отъ волненія. Она узнала свои векселя, писанные ею Гинтовту.

— Откуда у васъ они? — спросила она смущенно.

— Я — племянникъ убитаго, — просто отвѣтилъ Довойно: — и мнѣ они остались по наслѣдству, но я отказываюсь отъ такого наслѣдства!

Въ первый моментъ, Серафима Герасимовна не могла произнести ни слова отъ волненія, но черезъ минуту оправилась и съ жаромъ схватила руку Довойно.

— Вы, вы—наслѣдникъ!—заговорила она:—я не знаю, какъ и благодарить васъ. Я для васъ все, все сдѣлаю! Гдѣ Авдотья Павловна? я пойду расцѣловать ее!

Довойно почтительно поцѣловалъ ея руку, а она встала идти отыскивать Авдотью Павловну, и съ этой минуты врядъ-ли даже Гроховъ съ Пронею и Татьяна съ Бѣгишевымъ считали себя болѣе счастливыми, чѣмъ она.

ЭПИЛОГЪ.

Такимъ образомъ, эта грустная исторія закончилась самоубійствомъ Шахова и тремя, другъ за другомъ послѣдовавшими, свадьбами.

Довойно съ Рощиной уѣхали въ Петербургъ, оба влюбленные и счастливые. Она оставила свою практику и отдалась хозяйству, онъ-же принялся за свое прежнее дѣло, пріобрѣтая все большую и большую кліентуру.

Подлѣ нихъ поселилась и молодая парочка Гроховыхъ. Онъ оканчиваетъ курсъ юридическаго факультета и по окончаніи дѣлается помощникомъ Довойно, а тамъ, современемъ, приметъ на себя веденіе и всѣхъ его дѣлъ. Проня-же ожидаетъ съ нетерпѣніемъ момента, когда сдѣлается матерью и у нихъ будетъ «семья». Они стараются не вспо-

минать тяжелаго подозрѣнія и мучительныхъ дней прошлаго и живутъ, наслаждаясь счастіемъ честныхъ людей.

Бѣгишевъ съ Татьяной вернулись изъ заграничнаго путешествія и поселились въ имѣньи. Онъ со страстью отдался сельскому хозяйству и въ короткое время успѣлъ поднять стоимость своей земли.

Съ ними вмѣстѣ живутъ Серафима Герасимовна и Лидія. Николай поступилъ въ земледѣльческую школу.

Адовъ женился на своей вдовѣ и пользуется всѣми благами богатой и сытой жизни. Онъ вышелъ въ отставку, занялся лошадьми, собаками и отдался весь спорту.

Морозовъ не сходитъ съ кресла, сраженный параличемъ, и цѣликомъ находится во власти ловкой экономки, съ которой съ утра до вечера играетъ въ дурачки.

Наконецъ,—Шмыгра. Онъ залечилъ свою рану, попрежнему работаетъ у Мямлина, удивляется его генію и по вечерамъ ходитъ къ старымъ дѣвамъ Страусовой и Хрюминой, услаждая ихъ слухъ игрою на гитарѣ.

Порою, впрочемъ, онъ проговаривается объ измѣнчивости женщинъ и тогда глубоко вздыхаетъ, ударяетъ себя въ грудь кулакомъ и дико вращаетъ глазами.

КОНЕЦЪ.

БЛАГОРОДНЫЙ СПОРТЪ.

Разсказъ.

Женя была въ восторгѣ. Она въ первый разъ пришла на бѣга,—и красота бѣговъ, волненіе толпы, веселыя лица, говоръ, смѣхъ, наконецъ, чудный зимній день заставляли ее безотчетно смѣяться, всему радоваться и глядѣть на все тѣмъ счастливымъ взглядомъ, когда все кажется прекраснымъ. Она не отпускала отъ себя Пролетова, котораго держала подъ руку, и благодарнымъ взглядомъ смотрѣла на своего брата, который упросилъ маму отпустить ее съ нимъ.

— Это я понимаю, — говорилъ Пролетовъ, сторонникъ рысистаго бѣга:—это—благородный спортъ; наслаждаешься дѣйствительною красотою бѣга лошади и не думаешь съ тревогою о возможности катастрофъ. Здѣсь и игра, и наслажденье, и польза...

— Да, да,—подхватывалъ братъ Жени, тоже предпочитавшій бѣга скачкамъ: — здѣсь ни шеи не сломятъ, ни лошади не изувѣчатъ... Красота, пластика...

Женя кивала головою и соглашалась съ ними.

Она лѣтомъ была на скачкахъ. Длинныя поджарыя лошади какъ-то смѣшно выбрасывали свои ноги, поджимая задъ, и скакали словно загнанные зайцы, а на ихъ спинахъ, какъ ученыя обезьяны на собакахъ, подпрыгивали бритые, сморщенные карлики-жокеи въ своихъ полосатыхъ курткахъ, и Женя со страхомъ ожидала, что кто-нибудь сорвется съ лошади и разобьется на смерть о плотно убитую землю. Ничего красиваго не было.

Другое дѣло—бѣга... Запряженные въ легкія бѣговыя санки стройные, могучіе рысаки быстро несутся по снѣжной дорогѣ, красиво выбрасывая ноги и подбирая шею. Держа въ вытянутыхъ рукахъ вожжи, крѣпко упираясь ногами въ передокъ, сидитъ наѣздникъ въ неподвижной позѣ, при-

стально слѣдя за нервнымъ рысакомъ. Въ безмолвной тишинѣ слышны только удары подковъ объ убитую дорогу, бодрый храпъ лошади да изрѣдка легкій вскрикъ наѣздника, и кажется, не бѣгутъ по землѣ эти могучіе кони, а несутся по воздуху,—такъ легокъ и плавенъ ихъ быстрый бѣгъ. Не вздрогнетъ спина, не взмахнетъ голова отъ неровнаго шага, и, словно стрѣлы, ровно, безшумно они летятъ къ намѣченной цѣли. И вдругъ, почти у конца, къ разгорѣвшемуся рысаку подскочитъ верховой и помчится съ нимъ рядомъ, склонясь надъ его головою и что-то шепча ему на ухо. И рысакъ, словно понимая шепотъ, напрягаетъ силы, и быстро, какъ молніи, мелькаютъ его точеныя ноги.

Женя замирала отъ восторга, не отводя взгляда отъ снѣжной дороги, по которой неслись рысаки. Волненіе толпы охватывало и ее нервной дрожью, и она тревожно слѣдила за исходомъ бѣга.

Въ кругѣ бѣжало по двѣ лошади. Онѣ бѣжали въ одну сторону съ противоположныхъ концовъ діаметра круга отъ намѣченныхъ столбовъ, и Женя, смотря по прямой линіи, видѣла, какъ черезъ каждые полкруга мимо столбовъ мелькали двѣ лошадиныхъ головы.

— Разъ!—вырывалось въ этотъ моментъ у всей толпы, какъ вздохъ, и увлеченная Женя невольно повторяла:

— Разъ!

— Скачетъ, скачетъ! — съ ужасомъ вскрикивалъ кто-нибудь изъ толпы, когда рысакъ, вдругъ сбившись съ рыси, начиналъ идти въ галопъ, и Женя тотчасъ заражалась страхомъ закричавшаго и начинала считать скачки:

— Одинъ, другой, третій...

— Поставилъ! — вскрикивалъ другой радостно, когда наѣздникъ, ловко передернувъ вожжами, ставилъ лошадь на прежнюю рысь, но Женя вздыхала печально, потому что на этой проскачкѣ рысакъ потерялъ добрую одну треть секунды, а его противникъ все забиралъ и забиралъ впередъ, мѣрно выбрасывая свои крѣпкія ноги, жаркими

ноздрями вбирая воздухъ, и у намѣченныхъ столбовъ мелькнула сперва одна голова, а потомъ лишь спустя другая...

Къ концу бѣга публика заволновалась и хлынула къ выходу.

Женя дрожала въ волненіи. Волненіе это дошло до своего апогея къ послѣднему отдѣленію. Должны были идти тройки. Записалось четыре. Игроки разсчитывали на крупную выдачу, и, кромѣ того, самый бѣгъ имѣлъ молодецкій, удалой характеръ.

Тройки, обыкновенно, идутъ съ мѣста въ карьеръ и вплоть до намѣченной цѣли мчатся въ бѣшеной скачкѣ, разбрасывая крѣпкій снѣгъ и наполняя воздухъ гикомъ, крикомъ и звономъ увѣшанной бубенцами сбруи...

Публика бросилась къ выходу на плацъ, гдѣ позади павильона стояли въ ожиданіи состязающіяся тройки. Каждому хотѣлось посмотрѣть на нихъ, оцѣнить ихъ достоинства и сообразить шансы выигрыша.

Женя волновалась.

— Идемте-же, идемте! — тянула она Пролетова.

Тотъ съ улыбкою обернулся къ ея брату, который вынималъ деньги для ставки.

— Ну, мы пойдемъ, а ты ставь! Мнѣ на Горланову два возьми!

— Смотри, лучше на Голышеву!

— Мнѣ на Горланову!

— А я на Голышеву!

— Какъ знаешь!

— А чьи тройки будутъ? — спросила Женя.

— Голышева, Горланова, Вахромѣева и Ободьева, — отвѣтилъ наизусть братъ.

— Только двѣ и стоятъ вниманія, — сказалъ Пролетовъ: — Голышева и Горланова!.. Иди-же, ставь!

Братъ Жени рванулся въ толпу и сталъ работать локтями, пробираясь къ будкѣ тотализатора, а Пролетовъ, ведя Женю, осторожно двинулся къ выходу.

Кругомъ раздавались спорящіе, взволнованные голоса, изрѣдка смѣхъ и шутка.

— Какъ теперь Ободьевъ возьметъ... вотъ и будетъ! — кричалъ кто-то.

— Рублевъ по триста дадутъ! — отвѣчалъ другой.

— Братцы, а вѣдь въ запрошломъ году вахромѣевская взяла?

— Ври больше!

— Вотъ-те крестъ!

— Тѣ, стало быть, подохли!—загрохоталъ кто-то.

— Лошади-же, я тебѣ скажу! Господи! Львы!—восторгался картузъ, только-что пришедшій съ плаца.

— Петя, ты хоть одинъ билетикъ на Ободьева!—упрашивала молоденькая дама брюнета въ цилиндрѣ.

— Отстань! — оттолкнулъ онъ ее локтемъ, отсчитывая деньги.

— Будетъ дѣло! — радовался отставной чиновникъ, вытирая вспотѣвшее въ душной залѣ лицо.

— Братцы, и кто-же у меня три рубля уперъ?! — заоралъ кто-то.

— Тише! — крикнулъ городовой.

И весь этотъ шумъ покрывали собой стукъ штамповальной машинки и голоса выдающихъ билеты.

— Одинъ второй, три третьихъ! — раздавалось изъ будки.

«Стукъ, стукъ, стукъ, стукъ!» — слышались сухіе удары машинки, и опять изъ будки кричали:

— Два третьихъ, одинъ четвертый!..

— Да идемте-же! — молила Женя, дрожа отъ волненія, но Пролетовъ уныло пожалъ плечами.

— Не пробраться намъ съ вами!

Публика дѣйствительно столпилась у дверей и заслонила выходъ. Пройти было невозможно.

Женя чуть не заплакала, но тутъ-же улыбнулась и успокоилась, когда Пролетовъ сказалъ:

— И чего смотрѣть! вѣдь онѣ выйдутъ въ кругъ. Все-равно!..

— Ну, пусть по вашему! — сказала Женя.

Они легко прошли въ толпѣ и вернулись въ амфитеатръ.

По открытой площадкѣ, выходившей на бѣговой кругъ, ходило нѣсколько человѣкъ, горячо разговаривая и жестикулируя. Вверху, на скамейкахъ, сидѣли двѣ барыни, постукивая отъ холода ногами. Изъ залы позади мѣстъ неслись голоса, смѣшанный гулъ и стукъ машинки.

Женя съ Пролетовымъ подошли къ барьеру противъ столба, отъ котораго начнется бѣгъ, и стали ждать.

Мало-по-малу стала собираться публика.

Зрители входили въ амфитеатръ другъ за другомъ съ довольными лицами. Каждый разсчитывалъ выиграть.

— Только, пожалуй, грошевая выдача будетъ! — говорилъ молодой кадетъ студенту, подходя къ барьеру.

— Какъ знать! — пожалъ тотъ плечами.

— Помилуй! всѣ или на Голышева, или на Горланова...

— Теперь такъ скажу: если Ободьевъ возьметъ — разбогатѣю вдругъ! — съ хохотомъ сказалъ рыжій купецъ, подходя къ кучкѣ купцовъ, въ широкихъ шубахъ.

— Ты ужъ тогда намъ одолжи по сотнягѣ, а то прогоримъ! — встрѣтили его смѣхомъ...

— А много взялъ?

— На 60 рублей.

— Ты на кого взялъ, Коля? — спросила Женя, увидѣвъ подходившаго брата.

— Для себя на Голышева, ему — на Горланова! — кивнулъ онъ на Пролетова и протянулъ ему два билета: — получить съ тебя 20 руб.?

— Получи! — весело отвѣтилъ Пролетовъ, вынимая деньги: — много берутъ?

— Поровну, — пожалъ онъ плечами: — что-то вдругъ на Вахромѣева брать стали!

— Ерунда! — усмѣхнулся Пролетовъ.

Звякнулъ звонокъ. Всѣ вздрогнули. Женя потянула Пролетова за руку:

— Сейчасъ начнется!..

Публика хлынула къ барьеру, и въ одинъ моментъ у него образовалась сплошная стѣна взволнованныхъ зрителей.

— Господи, какъ сдавили! — прошептала Женя: — которыя пойдутъ? — спросила она, увидѣвъ, что мужикъ влѣзъ на столбъ и поставилъ №№ бѣгущихъ въ первомъ заѣздѣ троекъ, такъ какъ на бѣговомъ кругѣ въ разъ идти могутъ только двѣ тройки.

Пролетовъ справился съ афишею.

— Ну, это не наши! 2 и 4; Ободьевъ и Вахромѣевъ, — сказалъ онъ.

— Ишь-ты, нарочно подобрали! — крикнулъ кто-то.

Ударилъ второй звонокъ. Публика встрепенулась. Подлѣ амфитеатра распахнулись настежь ворота и, тихо перезванивая, другъ за другомъ выѣхали двѣ разряженныя тройки.

— Ободьевъ, не робѣй!

— Выручи, Вахромѣюшка! — раздались возгласы.

Ямщики взглянули на толпу, поправили свои поярковыя шляпы съ павлиньимъ перомъ и забрали въ руки вожжи.

Тройки были одна лучше другой. Украшенныя модными бляхами, горящими на солнцѣ, увѣшанныя бубенцами, съ звонкимъ колокольчикомъ подъ дугою коренного, онѣ съ звономъ помчались, каждая къ своему мѣсту. Коренники грузно бѣжали, глухо стуча тяжелыми копытами, пристяжныя извивались кольцомъ и вскидывали ногами. Тройки подъѣхали, каждая къ своей мѣтѣ, и стали.

Женя смотрѣла черезъ головы ближайшихъ лошадей и видѣла по прямой линіи головы лошадей отъ другой тройки.

Въ сани быстро вошли по два человѣка съ кнутами въ рукахъ и стали за спинами ямщиковъ, которые оправлялись и подбирали вожжи.

На мигъ все замерло.

Пролетовъ торопливо вынулъ часы и прошепталъ:

— Крикните, когда начнутъ.

Звонокъ ударилъ.

— Разъ! — крикнула Женя и вся обратилась въ зрѣніе.

Публика загудѣла и смолкла. Кони вдругъ рванулись и помчались бѣшенымъ галопомъ, взрывая снѣгъ.

Стоявшіе позади кучера-конюхи безпрерывно били пристяжныхъ кнутами, и тѣ, казалось, хотѣли вырваться изъ постромокъ.

— Ободьевъ, торопись!.. Вахромѣй, выручай!.. бей ихъ! бей! — раздавались возгласы и, казалось, еще увеличивали энергію почти взбѣсившихся лошадей.

Онѣ обскакали три круга и остановились взмыленныя, дрожащія...

Кучера бросили вожжи...

— Не годятся! — насмѣшливо сказалъ кадетъ.

— Что у тебя, во сколько? — торопливо прошепталъ братъ Жени, наклоняясь къ Пролетову.

Тотъ поднялъ улыбающееся лицо.

— Шесть, двѣнадцать! я говорилъ!..

— Ахъ, какъ это интересно! — воскликнула Женя.

— Подожди, вотъ сейчасъ будетъ! — сказалъ братъ.

— Во сколько пришли? — подбѣжалъ къ Пролетову студентъ.

— Шесть, двѣнадцать!..

— Ахъ, — грустно воскликнулъ студентъ: — опять проигралъ. Тѣ, вѣдь, скорѣе придутъ, а? скорѣе?..

Его лицо поблѣднѣло, онъ смотрѣлъ на Пролетова, и ему хотѣлось, чтобы Пролетовъ успокоилъ его, но тотъ сказалъ:

— Понятно, онѣ въ пять тридцать придутъ...

Студентъ опустилъ голову и отошелъ.

Звонокъ зазвенѣлъ. Публика всколыхнулась.

— Ну, теперь будетъ потѣха! — сказалъ кто-то.

— Глянь-ко, глянь, звѣри какіе, а?..

— Смотри, ишь ледащія! Вотъ-те и Голышевъ!

— Ничего, братецъ, степныя! — раздавались голоса.

Изъ воротъ выѣхали на кругъ тройки Горланова и Голышева.

Онѣ представляли собою полныя противоположности. Разубранная тройка Горланова, запряженная въ роскошныя лакированныя сани, звеня и сверкая, быстро пролетѣла къ назначенному мѣсту. Кони-богатыри, темные, какъ ночь, съ раздувающимися кровавыми ноздрями, казалось, играя, пролетѣли молніей. Коренной прошелъ легкою рысью, а пристяжныя, нехотя проскакали, выгибая шеи.

— Господи! а какъ пойдутъ подъ кнутомъ, что будетъ?! — воскликнулъ, захлебываясь отъ восторга, купецъ съ краснымъ носомъ и бородою клиномъ.

— Не выдадутъ, соколы! — съ нѣжной любовью подхватилъ его сосѣдъ.

Женя замерла отъ волненія, не сводя глазъ съ тройки Голышева.

Она представляла совершенный контрастъ горлановской.

Запряженныя въ простыя некрашенныя розвальни съ брошенною въ нихъ рогожею, не украшенныя ни бляхами, ни бубенцами, мохнатыя, маленькія лошадки съ поджарыми боками, тонкими ногами, казалось, съ трудомъ везли сани: такъ уныло, понуро выѣхали онѣ на кругъ. Ямщикъ, стоя въ саняхъ на колѣнахъ, подергалъ вожжами, и лошади лѣнивой трусцей пришли къ своему мѣсту.

Женя была въ восторгѣ. Она дергала за руку Пролетова, обращалась къ брату и говорила:

— Ахъ, какъ хорошо! Это онъ возьметъ, непремѣнно онъ! Помните, у Мея «На бѣгахъ» — тоже... бросилъ шапку, вернулся за нею и выигралъ! Ахъ, какъ славно!

Пролетовъ слушалъ ее съ саркастической улыбкой (онъ поставилъ на Горланова), а братъ съ восторгомъ поддержалъ ее:

— Я-же не даромъ поставилъ. Послушай, что говорятъ. Вѣдь у него — степныя... черти!..

Въ сани Горланова вошли два конюха, съ кнутами; къ Голышеву никто не подходилъ.

Толпа замерла. Звонокъ ударилъ, и тройки вдругъ сорвались съ мѣста.

Горлановскій ямщикъ встряхнулъ вожжами, конюхи вскрикнули и опустили свои кнуты, лошади взвились на дыбы и во всю силу ринулись впередъ бѣшенымъ скачемъ, гремя, звеня и сверкая своей сбруей.

Голышевскій ямщикъ приподнялся, взмахнулъ плетью, гикнулъ, и его заморенные кони вдругъ ожили. Они безъ скачки сошли съ мѣста, но съ перваго момента казались уже идущими давно. Они плотно прижались другъ къ другу, нагнули головы, вытянулись въ струну и летѣли, взметая снѣгъ, словно снѣжный вихрь, безъ звона, безъ шума, съ непостижимой быстротой.

Публика застыла въ ожиданіи. Кончались первые полукруги.

— Разъ! — и головы троекъ пересѣкли другъ друга въ одно и то-же время.

— Важно идутъ!

— Въ голову!

— Горлановъ, жарь!—послышалось въ толпѣ.

— Го-го-го!!

— Эй, вы!—вскрикивали ямщики, и тройки летѣли, звеня и сверкая; какъ сказочные, скакали горлановскіе кони-богатыри, глухо гремя крѣпкими ногами; дружно мчалась голышевская тройка, приближаясь вновь къ столбамъ.

— Разъ! — мелькнули ея головы.

— Два! — спустя немного промелькнула горлановская тройка.

— Горлановъ, бей! жги! Отсталъ!..

— Голышевъ, молодецъ, выручи!..

— Го-го-го!

— Жги!..

— Эй, вы, соколы!—смутнымъ гуломъ гудѣла толпа.

Женя блѣднѣла и краснѣла.

— Онъ, онъ возьметъ! Голышевъ! Ай, опять.

— Разъ, разъ! — тройки прошли мимо столбовъ въ одно время.

— Разъ!

— Два!! — тройка Горланова прошла первой.

— Голышевъ, ударь, ударь!

Тройки летѣли послѣдній кругъ. Толпа стонала.

— Голышевъ! Горлановъ!

— Держи ближе къ борту!

— Бей правую, правую бей!

Этому ямщиковъ учить не было нужды. Горлановскіе конюхи сыпали несчетные удары на пристяжныхъ, и тѣ рвали, извиваясь, какъ змѣи.

Голышевскій ямщикъ, стоя на колѣнахъ въ саняхъ и держа въ лѣвой рукѣ вожжи, нещадно махалъ своей тяжелой плетью.

Вдругъ его тройка дрогнула и отстала. Правая пристяжная пошла, словно утомившись, съ прискокомъ.

— Разъ! — мелькнула тройка Горланова и, спустя немного, прошли Голышева кони.

— Бей, правую! Правую бей!..

— Горлановъ, прибавь!

— Вотъ-те и степные!.

— Я говорилъ — Горланова!—съ торжествомъ сказалъ Пролетовъ.

— Ахъ, нѣтъ! Голышевъ долженъ взять,—почти со слезами сказала Женя. — Смотрите, смотрите!

Оставалось полкруга.

Голышевскій ямщикъ бросилъ вожжи и въ какомъ-то безпамятствѣ билъ правую пристяжную.

Она дрожала, тянулась и, крѣпко прижавшись къ коренному, летѣла стрѣлою.

Кони оправились. Видно было глазомъ, какъ Голышевъ опережалъ Горланова. Публика обезумѣла. Нѣкоторые влѣзли на барьеръ, нѣкоторые перепрыгнули черезъ него и, не помня себя, кричали:

— Горлановъ наддай!..

— Голышевъ, браво!..

— Еще, еще!

Поставившіе за Горланова ругались; за Голышева — прыгали и глупо смѣялись.

— Я говорила, говорила!—кричала Женя.

— Что, братецъ?—вскрикивалъ ея братъ поблѣднѣвшему Пролетову.

— Подожди!

Оставалось четверть круга... меньше, меньше... Голышевскій ямщикъ наносилъ послѣдніе удары.

— Раз-зъ!..

Ударилъ звонокъ, и бѣговой кругъ огласился криками восторга: голышевская тройка взяла...

— Что?!—съ восторгомъ и торжествомъ вскрикнула Женя: — о, славные коники!

— Какъ мчались!—прибавилъ ея братъ.

— Что тамъ?—съ недоумѣніемъ сказалъ Пролетовъ, смотря на противоположную сторону.

Всѣ устремили туда взгляды.

На другой сторонѣ, гдѣ остановилась тройка Голышева, толпился народъ; слышались возгласы, и ямщикъ съ конюхами торопливо распрягали тройку.

— Ногу сломала!—пронеслось въ толпѣ.

— Кто сломалъ, когда?—обернулась Женя съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

Рыжій купецъ, запахиваясь въ шубу, сказалъ:

— Болтаютъ, барышня, будто у Голышева правая пристяжная ногу сломала!

— Ведутъ!—крикнулъ кто-то.

Женя поспѣшно обернулась опять къ кругу. По широ-

кой бѣговой дорожкѣ два конюха подъ уздцы вели лошадь. Она падала на заднюю правую ногу.

Женя взглянула и похолодѣла отъ ужаса. Все копыто, изорванное, окровавленное, было сворочено на сторону, и лошадь ступала обнажившейся костью, каждый разъ оставляя на бѣломъ снѣгу кровавое пятно.

Ея умные каріе глаза глядѣли кротко и задумчиво; она дышала тяжело и прерывисто.

Конюхи вели ее къ воротамъ, торопя свести ее съ круга.

Кругомъ раздавались голоса.

— Нѣтъ-съ, каково! на сломанной ногѣ полкруга прошла.

— Да вѣдь вскачь!—воскликнулъ кто-то съ восторгомъ.

— Это она сломала, когда тройка дрогнула вдругъ...

— Что, хорошо, Женя?—съ восторгомъ воскликнулъ ея братъ:—со сломанной ногой пришла!

— Да, будетъ выдача!—завистливо сказалъ Пролетовъ.

Женя съ ужасомъ посмотрѣла на нихъ. «Какъ имъ все-равно!»—мелькнуло у нея:—«одинъ радъ выигрышу, другой злится»...

— Гадкіе вы! —вдругъ сказала она со слезами въ голосѣ:—гадкіе, гадкіе! вамъ все-равно...

— Женя, что съ тобою?

— Я домой хочу, домой, домой!

— Ты проводи ее, а мнѣ еще получить надо!—сказалъ братъ Пролетову.

Пролетовъ повелъ Женю, недоумѣвая, чего такъ взволновалась она, а Женя шла блѣдная, холодная отъ ужаса, и ей все представлялась бѣдная лошадь, которая, со сломанной ногой, подъ ударами кнута, проскакала полверсты, ради какихъ-то подлыхъ страстишекъ праздной толпы.

7398647

3 2044 013 309 711

3 2044 013 309 711